

~~XVII 86~~
~~XIV 15~~
~~XVI 2~~

ВПСЬ I

N 10-II

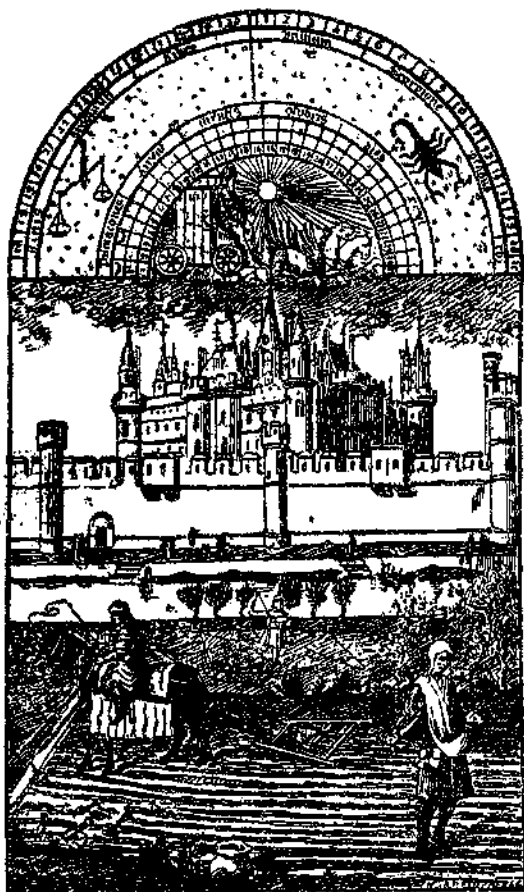

1909

ВѢСЫ ☉ ОКТЯБРЬ-НОЯБРЬ ☉ 1909

La Balance. Octobre-Novembre. 1909

Годъ изданія шестой. Sixième année.

фш

Книгоиздательство «СКОРПИОНЪ»

Москва, Театральная пл. и. Метрополь, кв. 23.

Moscou, Place du Théâtre, m. Métropole, 23.

«ВЪСЫ» ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ. 1909. N 10-11, ОКТЯБРЬ-НОЯБРЬ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Повѣсти.

- Андрей Бѣлый. Серебряный Голубь. Повѣсть въ семи главахъ.
Гл. IV и V. 1
Сергѣй Соловьевъ. Повѣсть о несчастномъ графѣ Ригель . . . 82

Стихи.

- К. Бальмонтъ. Левкайонія 123
Ю. Балтрушайтисъ. Вечерняя свирѣль 125
Александръ Блокъ. Изъ хрустальнаго тумана 127
Валерій Брюсовъ. Соблазнителью 129
Андрей Бѣлый. Свѣтлая Смерть 131
М. Волошинъ. Клятихо! 133
З. Гиппиусъ. Петербургъ 135
Вячеславъ Ивановъ. Поэту 137
М. Кузминъ. Казалось намъ, одежда Мая 139
Д. Мережковский. Да не будетъ 141
Сергѣй Соловьевъ. Мадригалъ 142
Федоръ Сологубъ. Воздымалось облако пыли 143

Литература.

- Эллисъ. Культура и символизмъ 153
Рене Гиль. Истоки французской поэзіи 169
М. Л. Проф. В. Р. Морфилль. Некрологъ 177
Эллисъ. Письмо въ редакцію 178
Новыя книги 180

Искусства.

- Н. Брюсова. Наука о музыкѣ, ея историческіе пути и современное
состояніе 185

СОДЕРЖАНИЕ.

Рисунки.

К. Юонъ. Изъ цикла «Семь дней творенія».	
I (V). Царство Водное	115
II (VI). Царство Животныхъ	117
III (VII). Адамъ и Ева	119
Н. Теофилактовъ. Изъ «Музыкальной серии»	
I. Диссонансъ	145
II. Неполный аккордъ	147

Обложка, фронтисписы и надписи—Н. Теофилактова. Общий фронтиспись—миниатюра XIV вѣка.

Объявленія.

SOMMAIRE

André Biely. La colombe d'argent.—Serge Solovieff.—L'histoire du malheureux comte Rigel.—C. Balmont, J. Baltruchaitis, A. Block, Valère Brussoff, André Biely, M. Wolochine, Z. Hippius, V. Ivanoff, M. Kouzmine, D. Méréjkowsky, S. Solovieff, F. Sologoub. Poèmes.

Littérature. Ellis. La culture et le symbolisme.—René Ghil. Les sources de la poésie moderne.—M. L. Prof. W. R. Morfill. Necrologie.—Ellis. Lettre à la rédaction.—Accusés de réception.

Beaux-arts. C. Iouon. Trois dessins de la série «La Création du Monde».—N. Théophilaktoff. Deux dessins de la «Série Musicale».—Couverture et frontispices par N. Théophilaktoff. — Frontispice général—miniature du Livre d'Heures du duc de Berri.

Редакція обращаетъ вниманіе читателей, что она не считаетъ возможнымъ стѣснять своихъ постоянныхъ сотрудниковъ въ высказываніи своихъ мнѣній хотя бы они и не совпадали со взглядами редакціи. Поэтому, по отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ и при оцѣнкѣ различныхъ частныхъ явленій, на страницахъ журнала возможно появленіе сужденій, рѣзко противорѣчивыхъ. Разумѣется, это не касается основныхъ взглядовъ редакціи, опредѣляющихъ все направленіе журнала: въ числѣ своихъ сотрудниковъ редакція можетъ считать только лицъ, этимъ взглядамъ не враждебныхъ.

*

Рукописи, доставленныя въ редакцію, какого бы онѣ размѣра ни были, ни въ какомъ случаѣ не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какую переписку не вступаетъ, хотя бы на отвѣтъ были приложены марки. Лица, не получившія, въ теченіе 3 мѣсяцевъ, извѣщенія, что доставленныя ими произведенія будутъ помѣщены въ журналъ, могутъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

*

Редакція доводитъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ и читателей, что съ выходомъ N 12 изданіе «Вѣсовъ» приостанавливается. N 12 выйдетъ и будетъ разосланъ подписчикамъ въ первой половинѣ января 1910 г.

стихи, рассказы,
новеллы, драмы

новости

СЕРЕБРЯНЫЙ ГОЛУБЬ.

ПОВѢСТЬ ВЪ СЕМИ ГЛАВАХЪ.

ГЛ. IV. НАВОЖДЕНЬЕ.

ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ.

— Дай,—скажетъ сожителъ Матрены Семеновны, столяръ,—дай,—скажетъ, бывало,—пройдемся по мѣстности земли: погуляемъ...—Такъ скажетъ, бывало, въ праздничный день и съ красного своего угла закрихтитъ, опрокидывая чашку съ росписью розовыхъ розановъ, на которую всенепременно положить отрывокъ колотата сахарку, уже усѣянный мухами: скажетъ,—и Матрена Семеновна ковровымъ заколется платкомъ: пошли... Такъ и ходили вмѣстѣ по нашей улицѣ, поплеывали дынными сѣмечками.

Это онъ, столяръ, напялить поверхъ красной рубахи зипунъ на одно на свое плечо; то же это съ крихтеньемъ натянетъ скрипучіе свои сапоги, просушенные на печи: и очень даже достойно знатный поставить супротивъ себя носъ—зашагаетъ; а за нимъ Матрена въ полуботинкахъ да въ канарѣчнаго цвѣта баскѣ и съ аграмантовымъ украшеньемъ (подаркомъ богатой свойственницы). Такъ и гуляли — мужъ да жена! Щелкали сѣмячками; достойные, совершенно достойные люди; будто бы и не крестьяне они, а къ сословію приписанные мѣщанскому; пройдетъ ли тутъ кто, сейчасъ это картузъ долой да имъ быстрый поклонъ, такъ что вихры подпрыгнутъ:

— Здрасте, Митрій Мироничъ... Съ праздникомъ, Матрена Семеновна!—пройдетъ ли дьячокъ, то же это сейчасъ:—Столяру Кудеярову! — кланяется.

А вокругъ бѣлыя избы, красныя избы, зеленныя, съ масляной краскою выбѣленными окошечками, изукрашенными рѣзбою и съ третьимъ чердашнимъ подъ крышей окномъ, бьющимъ тебя по глазамъ солнечнымъ отраженьемъ; а вокругъ же благорастворенія сладостные ароматы: то у ногъ прохладно озерце синимъ поплескиваетъ студенцомъ, аеромъ манить, и въ него по скату

стекаютъ будто изъ живой слюды желтыя гремучки-струйки, а рыболовъ у самой воды остановить полетъ и съ рыбкой въ когтяхъ бьется на одномъ мѣстѣ бѣлоснѣжнымъ, острымъ крыломъ! а то это будто изъ самаго синя-неба красный свѣситъ свой дерево блекнувшій листъ, а въ томъ листѣ синичья, осенняя сладкая пискотня: такъ по осени, по прошествіи всѣхъ уже трехъ Спасовъ, пара гуляла—изъ года въ годъ: столяриха да столяръ; до лѣсу доходила та пара и поворачивала обратно: уходяшіе въ высокую голубизну тамъ стояли острые гребни нѣжно-розоваго цвѣта и всякихъ отливовъ и рыжія трепетали живо березки ржавчиной и парчею, точно въ первопрестольный праздникъ облаченное духовенство; бѣлочки изъ орѣшника красная протягивалась мордашка; и среди такого всего выдавался, ежели стать сбоку, Митрія Мироновича, суздальскій ликъ иконописный.

Погляди-ка ты, погляди-ка на столяра—да съ лица: тамъ ничего нѣтъ, и есть все же что-то, какое-то такое достоинство, а съ чего бы? Субъектъ незначашій, вещество самаго мелкаго качества; и явный фактъ: хоть не казиста собой Матрена, а краля; оно будто бы такъ по-писанному выходило, и въ жизни крестьянской, паршивой столярихи побаивался столяръ, долу клонился, закашливался, и не то выходило, чтобы, значить, прибрала къ рукамъ столяра столяриха, а выходило значить, то, что кой-почему и очень даже въ бабѣ своей была у нашего столяра нужда; а ту его она, выходило, нужду къ себѣ и запримѣчала: ну, и само собой разумѣется—фактъ явный...

Но ежели бъ ты, скажемъ, смекнулъ, что оно—того, ну и вышло бы, милый человѣкъ, все иное: то-то вотъ—не того: а сама столяриха до послѣдняго души иждивенія съ Кудеяровымъ жизнью, значить, сплелась, такъ что и не расплести ихъ вовѣкъ: гдѣ кончался столяръ, гдѣ начиналась Матрена Семеновна, понять тутъ у насъ никто не могъ; такъ и махнули рукой — да: въ тѣ, то-ись, дни какъ работниковъ отошлютъ, да отвѣдаютъ лучку, тюрки или еще кой-чего, ложки оближутъ, посудины приберутъ, рядышкомъ стануть—поклоняются вмѣстѣ иконамъ; а потомъ поклоняются они и другъ дружкѣ съ особыми со словами; Матрена ему: «Государь мой», а онъ ей: «Духиня ты у меня»,

будто графиня или даже гусыня у него это выходить: лѣ-
пота! А то сядутъ за столъ на закатѣ; желтый солнечный лучъ
изъ окна густо пересыпается пылью; посиживаетъ столяръ у
окошка да книжку читаетъ; у самого-то очки на носу.

Почитаетъ книжку столяръ, на сторону отложить, да руку
положить Матренѣ Семеновнѣ на грудь, а отъ руки невидимо,
будто и видимо, колкія, жуткія въ грудь проливаются струи и
нити отъ пальцевъ райскимъ тепломъ и лаской переливаются
въ ея груди и подкатываются къ горлу; и глаза ея послѣ того
еще аграмадиѣй; безъ тѣхъ положеній рукъ на себя жить
она не могла.

И выходило: тѣ положенія рукъ, а не плотское соитіе крѣпко
ихъ переплетали другъ съ дружкой; силу свою въ нее столяръ
изливалъ, а и послѣ самъ той своей перелитой силой питался,
будто въ «банку» положеннымъ капиталомъ; и оттого-то вокругъ
столярихи Матрены Семеновны (даромъ, что собой пренеказиста)
всякое сладостное и такое пріятное разливалось волненье и ше-
милось, шемилось сердце; и оттого то — войди въ столярову
избу: всякая тебя тамъ встрѣтитъ дрянъ: лавки, посудины, тряп-
ки; но и эту ты дрянъ на примѣтъ удержишь, ей-ей; кочерга,
—и та устанется тебѣ въ душу, и, пожалуй, возмнишь, что тем-
ный иконы ликъ изъ злаченыхъ ризъ на тебя уставлялся не
спроста, и не спроста темнотою персть на тебя иконный поды-
мался изъ-за лампадъ; и не спроста кипѣлъ самоваръ, и невѣсть
почему тутъ забѣгалъ свѣта ясенькій зайчикъ по краснымъ
скатерти пѣтушкамъ, если праздничный день и хозяева чайни-
чали; будто бы ничего такого у другихъ хозяевъ и нѣтъ, да
будто бы и сами хозяева вовсе не тѣ, и не то у нихъ тутъ
убранство.

А какое такое у нихъ убранство? Все какъ есть на своемъ
мѣстѣ: войди-ка на дворъ—ноги твои зачмокаютъ на соломѣ,
кое-гдѣ изъ-подъ ногъ навозная на тебя побрызгаетъ жижѣ,
лошадь фыркнетъ, и въ помоями-то облитомъ углу будетъ рваться
щетинистый хрякъ, и съ сѣновала -то все то же шуршанье да
стрекотанье, что и у всякаго, обзаведеннаго хозяйствомъ; а вой-
дешь въ избу—навѣрняка, грянешься со всего размаху лбомъ о

косякъ и только послѣ такого вступленья очутишься ты въ горницѣ рабочей со столами да лавками; и тутъ ты увидишь двухъ босоногихъ работниковъ (космача да безноску) среди деревянныхъ обрубковъ, досокъ, долотъ, пилочекъ, пилъ и стамесокъ; на обрубкахъ увидишь ты сверла, напилки, рубанки, огромныхъ размѣровъ фуганокъ, нескладывающийся аршинъ, да ватерпасъ среди стружекъ, древесныхъ опилокъ, шепокъ, будетъ тутъ баночка съ лакомъ, кисти, въ ведерцѣ разведенный столярный клей и около синяго цвѣта тряпица; у стѣны же увидишь ты оконныя рамы, наставленныя другъ около дружки, сидѣнья безъ ножекъ и безъ плетенья, далѣе увидишь уже оплетенныя сидѣнья безъ ножекъ и о двухъ ножкахъ, кресельные задки, опять-таки съ ножками, самыя ножки—многихъ фасоновъ ножки и мѣдныя колесики; космачъ и не посмотритъ на тебя, а веселый безноска заведетъ охрипшія съ тобой рѣчи, и ты увидишь, что отъ него разить виномъ; а надо вѣсѣмъ въ углу—Спасовъ ликъ, благословляющій хлѣбы. А ступи-ка ты за порогъ этой горницы—опять-таки стукнешься лбомъ до искръ: ты увидишь опрятную, чисто выметенную, горницу съ перегородкой, и даже оклеенную хотя жалкаго цвѣта, но все же обоями; а въ этой горницѣ къ изумленію, увидишь ты даже на окнахъ гардины, даже вѣнскіе стулья и прочій комфортъ; тутъ же будутъ и лавки, и образница со многими прицѣпленными лампадами; будетъ и русская печь, и на деревянныхъ козлахъ постель съ одѣяломъ изъ ситцевыхъ лоскутовъ; а если сюда войдешь ночью, ты услышишь еще безпокоющій шелестъ, и усы прусаковъ будутъ тебѣ угрожать изо всѣхъ щелей, и изъ-за хромолитографій, развѣшанныхъ вдоль стѣны и изображающихъ то парчевой ликъ Богоматери «Райскій Цвѣтъ», то ликъ суровый св. Григорія Божеслова, стоящаго за мозаичнымъ ободкомъ въ митрѣ, съ крестомъ, въ омофорѣ, въ голубой ризѣ и съ какъ снѣгъ блещущей бѣлой бородою; среди этихъ хромолитографій отмѣтишь ты фотографическій портретъ, изображающій сгруппированныхъ соблазнительнаго вида дѣвицъ—подарокъ богатой свойственницы, давно содержащей публичный домъ въ городѣ Овчинниковѣ для молодыхъ человѣковъ.

Все это ты увидишь, но гдѣ ты этого не видалъ?

Все то, виданное тобою не разъ, поразить тебя снова, и долго будешь ты думать про столяровское житье-бытье: и вздохнешь.

ИВАНЪ СТЕПАНОВЪ И СТЕПАНЪ ИВАНОВЪ.

Ну и что же?

Да ничего: какъ есть ничего болѣе. Былъ себѣ въ Гуголевѣ Дарьяльскій,—и на вотъ: полюбуйтесь, добрые люди: оказался онъ въ нашемъ селѣ. Славное наше село: есть здѣсь гдѣ разгуляться, закатиться запоємъ да и пропить съ себя все: деньгу, сапоги, душу; не пить—такъ не пить: вольному воля; ну, а пить—такъ ужъ пить; ну и и пропивали: сначала деньгу, потомъ пропивали одежду; пропивали сбрую, избенку, жену; а потомъ пропивали и самую душу; а ужъ какъ душу пропьешь, иди себѣ на всѣ на четыре стороны: безъ души человѣкъ, что порожняя склянка; шваркнешь о камень—дзынь, и нѣтъ ничего.

Ну, а Дарьяльскій?

Да ничего: спросонья вскочилъ онъ на сѣновалѣ; его замутило и отъ душнаго запаха сѣна, и отъ того, что муха ему попала въ ротъ, и отъ того, какъ навозомъ чавкалъ подъ нимъ поросенокъ; голова съ перепоя кружилась, трещала, сѣноваль прямо-таки подъ нимъ заходилъ колесомъ, а распухшій языкъ сухо такъ поворачивался, въ точно кислотой ободранномъ рту:—«Лимончику бы!»—вздохнулъ онъ и заснулъ...

— Гдѣ я?—подумалъ онъ, просыпаясь снова, но должно быть подумалъ вслухъ, и должно быть солнце стояло уже высоко, потому что изъ сѣна надъ нимъ опустилась чумазая голова Степки, лавочникина парнишки, чумазая голова, опустилась и дохнула пьянымъ перегаромъ:

— Эвона, не помните, баринъ, какъ давеча малость повыпи-вали? Еще я вамъ признавался, чтобы не сумлевались вы, что я за народное дѣло и на счетъ того, что стихосложеніемъ занимаюсь, и прочее на счетъ женщинъ.

— Ну и что жъ?

— А на счетъ Матренки-съ... Тогда же васъ свелъ, къ избѣ то ихней... А вы посвистывали въ окошечко; ну, бабенка, іетта, изъ окошка высовывалась, на васъ поглядывала, посмѣивалась... Да пьяны вы были, и запужалась... Я и увелъ васъ на сѣноваль... Али не помните?.. Только батькѣ ни слова: онъ у меня стервецъ.

Всего этого Дарьяльскій не помнилъ: онъ помнилъ одно оскорбленіе и схватился за щеку; встала предъ нимъ его Катя жалобой тихой да укоризною, но головная тупая боль не давала развиваться воспоминанью; да что вспоминать: не сама ли судьба привела его въ Цѣлебѣево? Ну, а тамъ будь что будетъ!

Вышли они на улицу; проѣзжая телѣга скрипѣла медленно; цѣлебѣевскія лужи еще медленнѣе подсыхали въ лучахъ солнца; медленнѣе всего супротивъ нихъ цѣлебѣевскій старикъ, сидя на пнѣ, чинилъ старую свою шлею; медленно свивался и развивался лоскутъ изъ разбитого окна покосившейся избы, дырявая крыша которой обнажала коряги, да палки, а хозяинъ которой уже съ годъ пропалъ безъ вѣсти.

Дарьяльскій тупо окинулъ Цѣлебѣево; на щеку его красовался лиловый синякъ, рубаха была замарана, Богъ знаетъ чѣмъ, волосы спутались.—«Лимончику бы!»—сказалъ онъ.

— Ну, пойдемъ, баринъ, въ папанькину лавку,—потянулъ его за рукавъ Степанъ.—Въ едакомъ видѣ вамъ, небось, совѣстно возвращаться; куда ни шло, просидите у насъ.

Но Дарьяльскій вовсе не думалъ о возвращеніи; онъ уже рѣшилъ переѣхать къ своему другу, Шмидту, каждое лѣто снимавшему избу въ Цѣлебѣевѣ; только сейчасъ, съ перепою, другу ему не хотѣлось на глаза попадаться; было, правда, еще одно обстоятельство, почему...—ну, да что тамъ!

— Степа, голубчикъ, а нельзя ли свести знакомство съ той бабой-то—а?

— Вы, іетта, про Матренку?.. Ээхъ!—Степа жалобно грянулъ волосами.

— Расскажи про нее, что знаешь.

— Что знаю? Ничего не знаю, и рассказывать нечего... А только вы, іетта, на счетъ баловства?—И строго покачалъ голо-

вой. — Не балуется баба, чудная баба: водку пить — пьет; иной разъ случится и загуляетъ (со мной гуляла), особливо, ежели въ отлучкѣ столяръ; гуляетъ—да такъ оно только: для видимости; а что-бы еще что-нибудь—ни, ни: не дается!

— Эхъ! — крикнулъ Степанъ послѣ продолжительнаго молчанья. — Хотите, свожу васъ (столяръ то въ отлучкѣ)?.. Ладно?

Степанъ Ивановъ былъ буйнаго нрава; наоборотъ: родителя его, Иванъ Степановъ, былъ нрава крутого; на востокъ и на западъ отъ Цѣлебѣва онъ палилъ, и гноилъ, и поганилъ раззоромъ наши мѣста: такъ себѣ—деньгу сколачивалъ; Степанъ же Ивановъ просаживалъ ту деньгу, бабился и все прочее; Иванъ Степановъ съ лѣваго съ крылоса церкви подтягивалъ дьячку; Степанъ же Ивановъ въ церкви громко икалъ и попу грубилъ. Иванъ Степановъ богомазы, какъ расписывали храмъ, изобразили нѣкоторымъ образомъ въ омофорѣ; Степана же Иванова обработали они ловко подъ с и ц и л и з м ы: вольнодумцемъ сталъ Степанъ Ивановъ. Бывало, по вечерамъ Иванъ Степановъ какъ защелкаетъ, какъ защелкаетъ на обгрызанныхъ своихъ счетахъ! Степанъ же Ивановъ по вечерамъ, если не бабится, не пьетъ, то сочинительствуетъ. Иванъ Степановъ выѣзжалъ изъ села развѣ что въ Лиховъ; Степанъ Ивановъ и въ Москвѣ побывалъ: изъ Москвы онъ прибылъ пѣхурою, безъ картуза, безъ сапогъ и часовъ, съ одною только обтрепанной книжицей, купленной на Толкучкѣ; книжца оказалась стихотворнымъ твореніемъ господина Гейни; и Степанъ Ивановъ полюбилъ «Гейню»...

— Едакая голова: поди — и по-русски, и по-нѣмецки одинаково стихомъ рѣжетъ! — говорилъ онъ, принимаясь угощать дьячка собственнымъ творчествомъ; болѣе другихъ дьячокъ полюбилъ Степана Иванова стишки «П е т я г р у с т и т ь»; стишки начинались:

«Осень. Сердце поетъ—
Все-то занываетъ:
Само не откроетъ —
Меня вынуждаетъ.
Все-то я въ бѣдности,

Все-то я въ тоскѣ!
Скрылся бѣ самъ въ безднѣсти,
Въ землѣ и пескѣ»...

Была у Степана Иванова еще и баллада «Ненила»: хорошо писалъ—сочинителемъ вышелъ; отецъ не его ли въ молодые годы таскалъ за вихры, таскалъ? Это правда, что волосы на головѣ у Степана Иванова потеряли не одинъ клочъ; въ головѣ же Степана Иванова все осталось попрежнему — дурь опочила на немъ и пребыла; такъ и махнулъ отецъ на сына рукой; молчалъ (сынъ огрызался); только выручку пряталъ.

Входя въ лавку, столкнулись они съ Евстигнѣевымъ Яковомъ, съ кровопивцемъ; тотъ сухо рукою тронулъ картузъ и отвязывать принялся лошадь; сѣлъ въ дрожки, да и былъ таковъ. Въ лавочкѣ была духота; за прилавкомъ Иванъ Степановъ, съ очками на носу, пощелкивалъ на счетахъ; примостившись къ прилавку, дьячокъ да урядникъ похлебывали съ блюдечка чай и дулись въ засаленныя картишки; при входѣ Дарьяльскаго дьячокъ поклонился, но фыркнулъ, урядникъ же, не глядя ни на кого, многозначительно протянулъ въ носъ: «Нде-съ!.. Такъ какъ же? Винноваго моего валета вы да хрестями?»

— А хрести—козыри!—фыркнулъ опять, ни къ селу ни къ городу, дьячокъ; Дарьяльскій понялъ, что только что передъ тѣмъ рѣчь шла о злополучной пощечинѣ, что Евстигнѣевъ Яковъ уже все рассказалъ: пойдетъ теперь гулять по селу пощечина; на зло еще вотъ синякъ вскочилъ; густо, густо онъ покраснѣлъ: они примостились къ окну, и Степа нажаривалъ теперь ему въ ухо, потягивая изъ бутылочки:

«Увы, скучно, увы, грустно.
Увы, радости нигдѣ!
Куда взоръ мой не мчится
Вижу слезы вездѣ».

Дарьяльскій рѣшилъ претерпѣть все, чтобы Степа свелъ его къ той, къ рябой бабѣ: голова у него трещала и сосало подъ ложечкой; онъ думалъ: «лимончика бы теперь».

— Нде, бубе—козыри!—раздавалось съ боку, и опять фырканье, шепотъ, промежъ себя восклицанья: подѣломъ... Не мутитъ народъ! А Степа въ уши задаривалъ:

„По полу катался,
По дивану ерзалъ,
По печи метался,
По постели ползалъ»...

— Существуют ли козыри сами по себѣ?— глубокомысленно провздыхалъ дьячокъ, сдерживая зѣвоту; Иванъ Степановъ продолжалъ щелкать на счетахъ; въ окнѣ жужжалъ шмель.

„Въ лѣсу межъ древъ охотникъ отдыхаетъ,
А мысль его блуждаетъ вдалекѣ»,—

запузыривалъ Степа, опоражнивая бутылочку.

Вошли три мужика: ражій, рыжій и съ сипотцею (съ сипотцей, впрочемъ, всѣ трое); когда ражій издалъ звукъ, напоминающій «кха», рыжій — «тьфу» и съ сипотцею «хрплю», тогда ражій просипѣлъ: «гвоздочковъ»; рыжій просипѣлъ: «табачку»; просипѣлъ и третій мужикъ — «сахарку-бы!». — «Гвозди, сахаръ, табакъ...» — отщелкалъ на счетахъ Иванъ Степановъ.

Собирая гвозди, почесался ражій: «Столяръ-то въ городѣ». «Аграмадныя, бая, у него дѣла!» — почесался рыжій, забирая табакъ; а третій, почесываясь, просипѣлъ: «Сехтанты, вотъ оно что!» и схватился за мѣшокъ сахарнаго песку.

— Кха! Тьфу! Хплю! — и мужики вышли.

Дарьяльскій взглянулъ въ окно: въ коноплю была протоптана тропочка. Увлекая Степу изъ лавки, онъ умолялъ: «Степа, сейчасъ бы да къ ней»... Въ головѣ его дѣлалось Богъ знаетъ что; съ перепоя оба шатались изъ стороны въ сторону.

— Нельзя, милый человѣкъ, — завѣрялъ его Степа, совершенно пьяный: — Да ты што? Да я што? Опохмѣлиться бы...

Ну? Да ничего; опохмѣлялись до вечера: а Катя, а Θεокритъ, а душевная его глубина? Какая тамъ Катя, и какой Θεокритъ, когда голову ломитъ, и тамъ, въ головѣ, когда заработали, по крайней мѣрѣ, двадцать вербныхъ трешетокъ!

Какъ вышелъ изъ чайной, такъ и засѣлъ въ коноплю; проходила тутъ попадыха:

— Что это вы, Петръ Петровичъ, не въ Гуголевѣ? — плутувато она посмотрѣла на него. — Заходили бы къ намъ; мой полъ

нынче съ утра въ Лиховѣ... Ай, ай, ай, что это у васъ на щекахъ—синячокъ?.. До свадьбы заживетъ!—И пошла.

И онъ не помнилъ, какъ на небо взошелъ мѣсяцъ; и то не мѣсяцъ: спяну казалось ему, что это тамъ кусочекъ лимона какой-то.

Ангелочки, рѣзныя оконца, и крыши домовъ уже серебрянымъ отливали блескомъ, и отливали блескомъ лужи, и густая роса уже налилась въ коноплянникъ; съ ведрами красная баба издали проходила на прудъ, черпала воду и уже шла обратно, когда съ ведрами ей на встрѣчу проходила синяя баба; черпала воду и уже шла обратно, когда ей на встрѣчу пошла съ коромысломъ желтая дѣвка съ засученной юбкой; но ту нельзя уже было во тьмѣ никакъ различать; будто канула въ прудъ; только прибрежные кустики долго еще качались потомъ и оттуда по рощѣ раздавался и смѣхъ, и звонкіе поцѣлуи.

о томъ, что говорили люди, и о томъ, кто ѣздилъ на велосипедѣ.

О томъ, какъ героя моего изгнали изъ Гуголева, долго еще покалякали въ Цѣлебѣевѣ, а онъ будто въ воду канулъ; правда, что вокругъ села вился да вился слѣдъ его болотныхъ сапогъ; правда и то, что вещи его тутъ же Игнатъ переташилъ изъ Гуголева на буренкѣ къ Шмидтиной избѣ, да у самого барина Шмидта носу Петръ не показывалъ, а расположился себѣ, какъ во-свояси, въ деревнѣ Кобыльяхъ Лужа, гдѣ у него довольно-таки паршивое завелось кумовство и гдѣ къ нему таскалась всякая шваль. Только вотъ ужъ доброю молвю теперь мой герой не блисталъ на цѣлебѣевской улицѣ.

За днями смѣнялись дни, что ни день,—на селѣ толки; въ день голубой, іюньскій, надъ далекимъ ельникомъ дымный выкидывался столбъ: то пожаръ; въ этотъ день подъ самымъ подъ Дондюковымъ обшаривали окрестность; арестовали студента; все у него поразрыли, да только всего и напли, что кулечекъ испанскаго лука, рѣдкостнаго въ нашихъ мѣстахъ; лукъ съѣли, студента же засадили на хлѣбъ и воду; и въ этотъ же памятный

день Евсѣичъ, нахлобучивъ картузикъ, поплелся изъ усадьбы въ наше село—съ письмомъ; здѣсь у насъ все кого-то искалъ, да такъ и ушелъ ни съ чѣмъ; съ Шмидтиномъ бариномъ все перешушукивался: ну, и за нимъ дозирали: тотъ, другой, третій приваливалъ къ лавочкѣ; потому—какъ же, лавочка у насъ, можно замѣтить, — что клупъ: кто же, зайдя въ Цѣлебѣево, хотя бы всего на мгновенье, не забѣжитъ въ лавочку? Въ лавочкѣ, гдѣ Степа только что запряталъ между товара пукъ полученныхъ прокламаций, хрычъ посидѣлъ, пожевалъ колбаски и, снявши картузикъ, покрякивалъ, что вотъ, молъ, то-то у нихъ и такъ-то, а барышня убивается, плачетъ; и всего часъ уже спустя говорили всѣ, что вотъ, молъ, въ Гуголевѣ то-то и такъ-то, а барышня-де убивается, плачетъ; попадья же рѣшила, что въ Гуголевѣ не была она давно, и что сію же минуту туда поѣдетъ: «Брось ты это, голубка»,—урезонивалъ ее поплъ.

Вотъ что произошло въ голубой день іюньскій.

Потомъ былъ облачный день—громный, пятнистый; въ этотъ день опять замелькалъ между избъ картузикъ Евсѣича; въ этотъ день Степа бѣгалъ въ Кобылью Лужу со странными снюхиваться людьми, и они ему расписывали про то, что «аслабженіе» народа приходитъ черезъ Духъ Святъ, и что есть-де люди такіе, которые тайно того ожидаютъ пришествія Духа на землю; чрезъ то же лицо онъ узналъ, что уже вся, что ни есть округа судачить про то, что въ Гуголевѣ происходило то-то и такъ-то, а барышня-де себя сама чуть-было не порѣшила, да добрые люди еще пока что отсовѣтываютъ ей такой шагъ.

Что твоя раскаленная печь,—и такой выдался день: въ этотъ день попадья, во всемъ въ розовомъ, съ нацѣпленной шляпкой, съ продѣтыми сквозь уши сережками зашуршала юбкою въ Гуголево, да ее, знать, не приняли тамъ; въ пику же ей въ тотъ же самый день туда заходила учительша и будто бы ее приняли: захлебываясь, рассказывала по возвращеніи, какъ всякими ее тамъ угошали сластями, Катерина же Васильевна какъ плакала у нея на груди, потому-де извергу человѣческаго рода она свою ввѣряла судьбу; въ этотъ день на учительшу попикъ съ досады плевался и чесалъ носъ, да что: только доносики бы

ее поприжалъ, потому что—фактъ явный: учительша и вралиха, и вредный субъектъ.

Что твоя раскаленная печь,—былъ еще такой день: въ этотъ день ахнуло Цѣлебѣво, да такъ, что когда уже вызвѣздилося небо, все стояли и тарабарили кучки: о томъ, что у Грабенной баронессы похищены «прилліанты», но что слѣдствія не возбуждаютъ, потому — явный фактъ: похититель Дарьяльскій; другіе же крестились на томъ, что все, что ни есть происшествій,—тайный имѣетъ смыслъ—и вотъ какой: Чижиговъ-де генераль шутки изволить шутить; но и въ этотъ день Евсѣичъ таскался по селу, моталъ головой, все кого-то выслѣживалъ: такъ и убрался съ шишомъ.

Зеленый же лугъ той порой отжелтѣлъ курослѣпомъ; выкинулась, забагрянилась липкая на лугу гвоздика, забѣлѣла ромашка и изъ овсовъ на дорогу просунулся розовый куколь...

Вотъ и все, что было памятнаго въ эти дни—да: что-жъ это я про самое главное приключеніе ни слова? Пардонъ-съ: забыватовалъ! Это, конечно, про велосипедъ: ахъ, что бы это значило, чтобы такое случилось съ попомъ? Но прежде всего про велосипедъ (это у попа былъ велосипедъ); не у этого попа, а у того, который — ну, да вы уже сами догадываетесь, о комъ идетъ рѣчь, а велосипедъ, я вамъ доложу, прекрасный: молодецъ попъ, что у него есть такая машина: игрушечка-велосипедъ — новенькій, аккуратный, съ тормазомъ, отличнѣйшая резина и весьма успѣшный руль-съ! Выскочилъ попъ изъ-подъ навѣса безъ шапки, въ одномъ подрясникѣ — прыгъ: да и былъ таковъ: только пыль столбомъ на дорогѣ: маленькій-маленькій попикъ, будто сморчокъ! Очки это съѣхали на самый носа кончикъ-съ (очки золотыя), шапка черныхъ волосъ копною, крестъ на сторону, черная борода почитай на самый легла руль, а спинка—дугой... Ну-ну!.. Смотрятъ люди, какъ за жаривается себѣ попъ на велосипедѣ по проѣзжей дорогѣ съ рулемъ и въ вѣтриломъ надутый рясѣ, изъ-подъ которой взлетаютъ рыжія голенищи болтающихся съ подвернутыми полосатаго цвѣта штиблетами ногу на забаву прохожимъ: только по-пыхиваетъ пыль въ ихъ разинутые отъ удивленья рты, а вер-

стовые столбы да деревни мимо попа, мимо — такъ и летятъ: сама большая дорога тронулась съ мѣста и понеслась подъ велосипедъ, какъ будто она была большой бѣлой лентой, быстро разматываемой на одной сторонѣ горизонта, и сматываемой на другой. Такъ-то промчался попъ на велосипедѣ къ Цѣлебѣву къ самому, съ трезвономъ, срамомъ и перцемъ; соскочилъ у лоника отца Вукола, да прямо къ нему.

Нечего пояснять, что то былъ грачихинскій отецъ Николай изъ академистовъ, почему-то свившій въ Грачихѣ свое гнѣздо и безвыѣздно два уже года въ этомъ гнѣздѣ сидѣвшій; сидѣлъ тамъ—и о немъ ни слуху, ни духу: сами грачихинцы, какъ въ сторонѣ отъ большой проживали дороги, такъ о нихъ не было слуха, и какъ они были малы, не славны, то-есть, да темны, такъ вотъ Богъ наградилъ ихъ маленькимъ темнымъ попомъ: жгучимъ брюнетомъ былъ отецъ Николай. Прежде о немъ не было ни слуху, ни духу: а въ самое послѣднее время темный про него прошелъ слухъ, и темный отъ его отъ проповѣдей исходилъ духъ; какъ бы то ни было, въ одинъ прекрасный день взялъ да примчался къ намъ сюда на велосипедѣ. Въ самое угодилъ къ попу попъ неурочное время: отецъ Вуколъ сидѣлъ въ одномъ исподнемъ платишкѣ и ловилъ мухъ, а попадѣха, какъ она въ тѣ дни отпускала работницу, въ высоко поднятой заварызганной юбкѣ топотала босыми ногами по ихъ гостиниѣ, гремѣла лоханью и шаркала грязнымъ мочаломъ; но отецъ Николай тутъ же передъ ней заскрипѣлъ сапожищами, ораторствуя безъ удержу и соря папирасой, при чемъ его добрые глазки наполнялись слезами, а голосъ дрожалъ, не смотря на то, что застигнутая врасплохъ попадѣха отъ него бѣжала переодѣться, а разсудительный о. Вуколъ все больше слѣдилъ, какъ бы грачихинскій попикъ не задѣлъ сапожищемъ свернутого холста, какъ бы не опрокинулъ плетеную онъ корзинку съ чахоточной пальмой, или краснаго ломбернаго столика на трехъ ногахъ, на вязаной скатерти котораго лежала четвертая ножка; видя отца Николая, разорались ревомъ попята. А отецъ Вуколъ на все волненіе грачихинскаго попа — молчокъ: разсудительный былъ отецъ Вуколъ; онъ думалъ, глядя на чернаго попика: «не ходи на

митинги къ крестьянамъ да не знайся со сволочью, — живи какъ другіе живутъ, и не будешь ты плакаться на то, что будешь ты скоро и разстригой, и арестантомъ».

Уже поданы были самоваръ, постный сахаръ, и медъ, уже мухи, нажравшись меду, по краямъ лили тарелки, барахтаясь ножками и напоминая золотистые и искристые камушки, а все еще плакался да пугался вслухъ отецъ Николай, не слушая увѣщеваній, такъ и уѣхалъ, не облегчивъ душу.

душно.

Обо всѣхъ происшествіяхъ Степа передавалъ моему герою: и герой мой дивился толкамъ и слухамъ, и наѣзду грачихинскаго попа. Ежели звѣзда этого героя закатилась въ Гуголевѣ и Цѣлебѣвѣ, то она безгеройственно освѣтила ему его дни въ Лужѣ: такъ-таки къ нему и шли съ рѣчами объ аслабажденіѣ: уже отъ тѣхъ онъ рѣчей себѣ ободралъ языкъ, а къ нему перли, все перли окрестные вольнодумцы: проѣзжая, навѣдывался къ нему земскій врачъ: старый николаевскій солдатъ приковылялъ къ нему на деревяшкѣ съ четырьмя Георгіями на груди: это былъ «арараторъ» митинговыхъ зеленыхъ дачъ: тамъ, на зеленыхъ дачахъ лѣсныхъ, онъ стучалъ на пнѣ деревяшкой, призывая къ возстанью: старый солдатъ нюхалъ свой табачокъ у моего героя и показывалъ ему четыре георгіевскихъ креста; наконецъ, студентъ, проживающій въ Лиховѣ, его честную собирался пожать руку.

Чего же болѣе!

Однажды забѣжалъ Степа и сообщилъ, что онъ уже не си-пили стъ, а важная птица, что свелъ онъ знакомство съ семейкой голубей, и что онъ тоже — голубь; слухи о голубяхъ пересѣкали теперь всѣ пути моего героя и къ слухамъ этимъ прислушивался онъ жадно; но какъ же былъ онъ удивленъ, когда Степа ему зашепталъ въ ухо, что голуби о героѣ моемъ освѣдомлены весьма, и что его нынче они приываютъ къ дуба дуплу

на солнечномъ на закатѣ, и что послѣ уже, глухою ночью, съ нимъ повстрѣчается тамъ добрый одинъ человѣкъ.

— Тутъ не безъ Матренки-съ, смѣю увѣрить васъ!—подмигиваль Степа, но когда посторонніе вошли въ избу, онъ тряхнулъ волосами и заоралъ вовсе невѣдомую для тѣхъ ушей пѣснь:

Ахъ ты слонъ, слонъ, слонъ—
Хоботарь, хоботарь:
Кдыка Клыковичъ—
Тромба Тромбовичъ
Трембове-еель-скій...

И уже герой мой вотъ—у стараго дуба: сердце его замираетъ; тутъ онъ соображаетъ, что перепутались его и ночи, и дни; но уже вспать нѣтъ возврата; и уже ему сладко жить въ лихорадочномъ снѣ; лучше о Катѣ не вспоминать: вѣдь то прошлое умерло; крѣпко задумался онъ у опушки лѣсной; вдругъ захотѣлось еловую сорвать вѣтвь, завязать концы, да надѣть на себя вмѣсто шапки; такъ и сдѣлалъ; и, увѣнчанный этимъ зеленымъ колючимъ вѣнкомъ, съ вставшимъ лапчатымъ рогомъ надъ лбомъ, съ протянувшимся вдоль спины зеленымъ перомъ, онъ имѣлъ дикій, гордый и себѣ самому чуждый видъ; такъ и полѣзъ въ дупло; долго-ли, мало-ли ждать — не помнитъ; и не знаетъ, чего онъ ждалъ.

Смотрить,—а она, Матрена Семеновна, и выходитъ съ пустымъ лукошкомъ да съ пѣвтами изъ лѣсу; тутъ понялъ онъ, что сама она его черезъ Степу звала; собрался съ духомъ, прыгъ изъ дупла передъ ней на дорогу; будто даже ее напугалъ углемъ испачканнымъ лицомъ (видно, въ дуплѣ пастухи разводили огонь).

— Охъ, испугали!

Она—рябая, пренеказистая изъ себя: съ большимъ животомъ; не понимаетъ онъ, что это все его тянетъ, потягиваетъ къ ней; а она и не вспыхнетъ румянцемъ: уставилась въ ноги; подъ ногами кочка, желтѣющая перепеченнымъ листомъ; подъ листомъ ползающій мурашикъ.

— Вы—по грибы? Вы звали меня?

— Я-то? Охъ, чтой-то: кака така у насъ натапность въ табѣ?

— Значить, цвѣты собирали; а вы цвѣты любите?

— Абнакнавенна, любимъ...

— Дайте-же мнѣ цвѣтокъ!..

— На, бери, выбирай квѣты...

И прошла по немъ взглядомъ, да какими! Синія въ ея глазахъ изъ-за рябого лица заходили моря; пучина вырвалась въ ея взглядѣ, и уже онъ въ холодномъ водоворотѣ страсти.

— Позвольте съ вами, Матрена Семеновна, пройтись?

— Или, коли ндравится: праселакъ опчій...

А сама себѣ улыбается,—глазами посверкиваетъ, а глаза-то—косые: одинъ—на тебя, другой—въ сторону; и такъ-то она улепетываетъ къ деревнѣ; только мелькаютъ пятки; а изъѣзженная дорога вся изъ тончайшей пыли; изъ-подъ пятокъ своихъ въ носъ ему Матрена закидываетъ пыль; онъ же думаетъ про то, что она косая, и какъ это хорошо.

— Я давно искалъ случая съ вами поговорить.

— Ну, и сыскалъ случай...

— Я и вчера, какъ васъ видѣлъ, хотѣлъ подойти...

— Что-жъ даве убѣкъ?..

Усмѣхается, будто на смѣхъ хочетъ поднять; передернула грудью и опустила глаза, а у губъ складочка такая прошла, что одна срамота; а онъ думаетъ, какъ хорошо, что у нея вотъ такая вотъ складочка; ей же и горя мало: улепетываетъ отъ него, и уже вотъ—деревня: а изъ деревни куда-то вкось Степа проходить съ гармоникой, дѣлаетъ видъ, что не видитъ и деретъ глотку:

Ахъ ты слонъ, слонъ, слонъ—

Хоботарь:

Тромба Тромбовичъ

Трембове-еель-скій...

— Таперича,—вдругъ обернулась Матрена,—вертай ты къ своему дуслу; поди сосѣди увидятъ, французенкѣ твоей донесутъ, Катеринѣ Васильевнѣ донесутъ,—усмѣхнулась нагло она,—твоему писаному ангелочку.

— Ишь ты—какая!

Какъ она фыркнетъ, какъ фыркнетъ—лицомъ въ передникъ,

да отъ него: издали еще у деревенскаго у плетня на него обернулась:

— Заходи, коли ндравлюсь табѣ...

И перелѣзла плетень...

Пятисоглѣтній трехглавый дубъ, весь состоящій изъ одного только дупла, свои три простиралъ вѣнца въ отгорающій вечеръ; въ этомъ дуплѣ вотъ уже съ часъ попризадумался нашъ герой; и ему думалось много: о Матренѣ Семеновнѣ вовсе ему и не думалось, а сладко такъ пѣлось; думы же были скользкія, легкія—о своей судьбѣ, да о дубѣ...

Еще неизвѣстно, что зналъ этотъ дубъ и о какомъ прошедшемъ тенѣрь лепеталъ онъ всею листвою; можетъ — о славной дружинѣ Іоанна Васильича Грознаго; можетъ быть, спѣшивался здѣсь отъ Москвы захватившій въ глушь одинокій опричникъ, сидѣлъ тутъ подъ дубомъ въ золототканной мурмолкѣ съ парчевыми кистями, бьющими прямо въ плечо, въ красныхъ сафьянныхъ сапогахъ, опершись на шестоперъ, а его бѣлый скакунъ мирно безъ привязи пасся у дуба, и у малиноваго чепрака подъ сѣдломъ торчали — метла да на дорогу оскаленная собачья голова; и долго, долго глядѣлъ тотъ опричникъ въ бархатный облакъ, проплывающій мимо, а потомъ вскочилъ на коня, да и былъ таковъ на много сотъ лѣтъ—все можетъ быть; а, можетъ быть, въ этомъ дуплѣ посмѣ спасался бѣглый разстрига, чтобы закончить свои дни въ каменномъ застѣнкѣ на Соловахъ; и еще пройдетъ сотня лѣтъ,—свободное племя тогда посѣтитъ эти изъ земли торчашіе корни; подслушаетъ стонъ разстриги, грусть опричника, улетѣвшаго на конѣ въ неизмѣримость временъ; и вздохнетъ это племя о прошломъ.

Все можетъ быть—и вернулся въ мысляхъ къ Матренѣ Семеновнѣ, и поймалъ себя, что уже онъ не въ дуплѣ, а почти въ Цѣлебѣевѣ самомъ: какъ это ноги его сами собой туда привели; уже темный вечеръ, а все еще къ пруду тянулись съ ведрами: подойдетъ красная баба, на кусты обернется, ведра поставитъ; и уже—смотри: она—бѣлая; въ одной сорочкѣ сидитъ у воды; вотъ взлетѣла надъ ея головою сорочка, а она то—въ водѣ; тянется къ пруду синяя баба, на кусты обернется,

ведра поставить, а изъ осоки—гляди: баба къ ней длинноногая лѣзетъ, въ сумеркахъ будго мужикъ; а вдали... съ коромысломъ маячить и желтая дѣвка; неперемѣнная идетъ на пруду хохотня, брызготня; кряканье селезня, утопатыванье въ ночное сельскихъ скакуновъ, пыль, лай, да далекія, ясныя по росѣ слова. И уже свѣтятся тихія звѣзды и блѣдно качаетъ ихъ животрепещущая вода...

Ночь слетѣла на лѣсъ; но въ пузатомъ дуплѣ каленая горсть жара потрескиваетъ, переливается первымъ лепла пушкѣмъ, а синій огневый лепестокъ подскакиваетъ надъ ней; дупло то съ расщепомъ; красный его оскаль глядитъ въ густоствольную темь; а изъ оскала того возвышается голосъ, кудластая голова Абрама, снаружи просунутая въ расщепъ, киваетъ спрятанному въ дуплѣ моему герою; нищій палку прижалъ къ волосатой груди; а съ палки голубь оловяннымъ крыломъ тяжело опрокинулся на огонь; блѣдныя свысока въ отверстіе дупла глянули звѣзды; и на нихъ-то усталился нищій; одни огнемъ освѣщенцыя бѣльма смотреть въ душу Дарьяльскому.

Вотъ онъ кто—человѣкъ добрый; кого здѣсь Петръ ждалъ и не часть, и не два; нищій тотъ человѣкъ—и вотъ онъ съ глазу на глазъ съ Петромъ; и изъ нищенской груди тяжелое вырвалось, душу мутнящее слово; тянетъ да тянетъ на-распѣвъ соблазнительныя слова:

— Вотъ ошшо прибаутки пѣсельныя у насъ сладки; а службы—тѣхъ пѣсенъ слаше; съ пощѣлуями, съ красными причитаньями; вотъ ошшо у насъ женки съ хрудями сахарными; а тая одежда служебная снѣговъ бѣлѣй; все друхъ съ дружкою разговаривамъ про врата адамантовы, да про край слаботный.

— Вотъ ошшо величать холубями насъ; и по всей-то краинѣ мы разлетамя, друхъ; вотъ ошшо середь насъ живетъ набольшій: матерый самъ, холубъ сизокрылый; оттого пошелъ по Руси бунтъ-святъ, шта бунтарствуетъ вольно казачество подъ синимъ подъ небушкомъ.

— Вотъ ошшо тѣ казаки слаботные—перво-на-перво; то касаточки-пташечки, разнесутъ онѣ по Руси Святъ-Духъ; какъ пройдутъ по землицѣ-то ропотомъ, такъ за ними холуби вылетятъ.

— Вотъ ошшо...

— Довольно: я--вашъ.

— За тѣмъ вольнымъ, значить, казачествомъ, сама Свято-Духова строитца церква; вотъ ошшо съ нами то, коли будешь, братъ, будетъ тебѣ Матрена Семеновна; а посему безъ насъ тебѣ--злая похибель.

— Довольно: я--съ вами.

Петръ сидитъ въ уголочкѣ дупла, положивъ лицо на колѣни--и будто ему какой снится сонъ; а его еловый вѣнокъ, сдвинутый на-бокъ, какъ олени, зеленые, рога, являетъ рогатую въ дуплѣ тѣнь, убѣгающую въ вышину. Вспышки красного свѣта высоко подбрасываютъ съ вершины дупла упдающій сумракъ--и расплывается тѣнь, какъ какой-то адскій крылатый житель, чтобъ собой задушить человѣка, огражденнаго кругомъ огня.

— Абрамъ, почему вы довѣрились мнѣ?

— По хлазамъ.

Ночь темнѣе присѣла на лѣсъ; не одинъ зрячій небось теперь плакался: «Лопни глаза мои--на что они мнѣ!» А слѣпцы, вѣрно, ужъ вотъ усмѣхались на зрячихъ.

ПРОИСШЕСТВІЯ.

Въ дняхъ, и въ зари лучахъ, и въ цвѣтахъ скитался Дарьяльскій вокругъ нашего села, выдѣляясь оттопыренной вѣтвью на себя воздѣтаго еловаго вѣнка и на зелени алаго цвѣта рубахой; и за нимъ по слѣдамъ скитался нищій Абрамъ: наступалъ моего героя.

Въ дняхъ, и въ зари лучахъ, и въ цвѣтахъ скиталась безъ дѣла Матрена Семеновна вокругъ нашего села; и къ ней выходилъ изъ кустовъ Дарьяльскій -- загорѣлый, небритый: стоялъ, переминался, теребилъ усь, боязно сперва на нее поглядывалъ: разговаривалъ мало -- и все только почему-то ее выслѣживалъ для себя; выйдетъ ли она за плетень, пройдетъ ли малость по дорогѣ, въ дубячокъ ли заходитъ по грибы, за ней--нѣтъ, нѣтъ и загрешить хворость, вѣточка закачается, хотя и нѣтъ

вѣтру; Матренѣ же вовсе не страшно; коли захочетъ сама, баринѣ дастъ отъ нея здороваго стрекача; и уже ей ея баринѣ любь: сродственность духа рождается между ними, а говорятъ—мало; однажды только она почти напугалась; какъ въ лѣсъ пошла—ну, само собой вѣточка закачалась за ней; ну, и пожелала его накрыть: будто бы грибы ищеть, а сама незамѣтно къ вѣткѣ; подоль подобрала, нагнулась, раздвинула кустъ, а отъ нея кто-то—бѣгомъ; ей показалось, что узнала она подглядывателя—не милаго барина вовсе: борода у этого у подглядывателя лопатой, самъ въ высокихъ сапогахъ и при мѣдныхъ часахъ, а тутъ выскочи изъ кустовъ Стѣпка да къ ней:

— Матрена Семеновна! Не сумлевайтесь, я родится своєю, коли что, задую—въ обиду васъ не отдамъ, ежели ради васъ холубемъ назвался: коли меня вы отвергли, такъ іѣтта все я стерплю, да и быть мнѣ тутъ съ вами не долго, потому — гдѣ мнѣ съ бариномъ вашимъ тягаться, да и—видить Богъ—баринѣ мнѣ любь: какъ мы таперича одного съ нимъ сохласія... Но чтобы мой окаянный родитель да на васъ, да за вами,—такъ я, старому чорту, бороду выдеру, осиновый колъ ему въ сердце вгоню!..

Крѣпко тогда призадумалась Матрена Семеновна, узнавши, что пѣлыхъ трое мужчинъ рыскаютъ по ея слѣдамъ — и не о томъ она задумалась, что ей стало боязно за себя; опечалилась тѣмъ, что слѣдятъ: какъ бы самого, что ни на есть главнаго, не подсмотрѣлъ бы Иванъ Степановичъ: ея молитвъ да духовной вольности поведенья; а ему ли не проникать про все, что тайлось подъ тихимъ кровомъ Кудеярова столяра? Чуть что—донесеть: и власти на голову тебѣ нагрнуть.

На селѣ же гуляла молва о пощечинѣ, о бунтарствѣ одной непокойной деревни, о казакахъ да багровыхъ столбахъ удаленныхъ пожарищъ: сосѣдъ опять запалилъ сосѣда; красный бѣгалъ пѣтухъ по окрестности; ждали со дня на день его и у насъ. «Тутъ не безъ краснаго барина!»—супился людъ степенный; не даромъ, какъ волкъ, забродилъ вокругъ красный баринъ; видѣлъ его и глухонѣмой—въ кустахъ, гдѣ поглядывали на дорогу желтолиловые Иванъ да Марья глазочки, и попадыха: ви-

дѣла его она во ржи: какъ она протянула руку за василькомъ, ей привидѣлся его красный лоскутъ; и въ Цѣлебѣвской чайной его видали, въ тѣ часы, какъ собирается тамъ сбродъ: не тѣ, чѣмъ разумомъ сельскій держится сходъ, а тѣ, что отбились отъ дѣла, ходили орать да свистать дѣвкамъ подъ окна, пакостныя распространяли писульки и на проезжую заглядывались дорогу; ночью-то всякій таскался у насъ по селу; быть можетъ, то лихого міра пришельцы, давно исчезнувшіе изъ села, давно сгнившіе на Цѣлебѣвскомъ погостѣ, а теперь вставшіе изъ могилъ, чтобы палить села да богохульствовать: вотъ какой сбродъ по ночамъ собирался въ чайной; и съ нимъ, съ этимъ сбродомъ, теперь бражничалъ выгнанный изъ усадьбы баринъ въ рогатомъ на головѣ еловомъ вѣнкѣ.

Видѣлъ его и дачникъ, снимавшій избу въ Цѣлебѣвѣ, — тотъ, что въ Бога не вѣрилъ, хотя и былъ православный, — Шмидтъ-баринъ: этотъ все что-то искалъ Дарьяльскаго: письма, что-ли, какія ему передать: но какъ завидѣлъ его красный баринъ—бѣгомъ въ овражекъ: такъ-таки и ушелъ, не приблизился къ другу.

Уже два парня тутъ его порѣшили избить, и не знаю, чѣмъ бы разыгралась исторія, если бы наше село не поразилъ громъ: проезжающій лиховецъ сказывалъ, что грачихинскій попикъ съ толпою крестьянъ, вооруженныхъ серпами да кольями, честной христіанскій крестъ богомерзкой рукою своей занесъ на властей предержащихъ, да и забастовалъ со всею Грачихой, и такое теперь идетъ на Грачихѣ пулянье, производимое наѣхавшими казаками, что не дай Богъ; послѣ же присоединилось извѣстье о томъ, какъ старый николаевскій солдатъ, напѣпивъ четыре Георгія, заковывалъ собственною своею персоною на соединеніе съ темнымъ попомъ; но то оказалось вздоромъ; да и къ тому времени темнаго попика изловили казаки, сорвали съ него крестъ и, перекутивъ руки назадъ, прямо потнали въ Лиховъ (вотъ-те и велосипедъ!); а какъ населяли Грачиху всего-то два рода—Оокины да Алехины, то и забрали всѣхъ Оокиныхъ да Алехиныхъ въ городскую тюрьму.

Ухмылялся на толки Степка, парнишка лавочника: видно, онъ

зналъ, что было тайной отъ прочихъ, не даромъ добрые люди Степкѣ препоручили не только тайную по оврагамъ собирать милицію, но и откалывать ту милицію отъ забастовщиковъ-сипилистовъ; дабы внушить ей правила новой вѣры и образовать вольное подспорье братьямъ-голубямъ; знать-то зналъ Степка—да молчалъ: самъ на пыльную Степка дорогу не разъ заглядывался: такъ на дорогу ноги его и несли, такъ бы онъ и ушелъ—далѣе, далѣе: туда, гдѣ небо припало грудью къ землѣ, гдѣ и край свѣта, и ветхая обитель мертвецовъ: а ужъ кто заглядится на дорогу, такъ того позоветъ та темненькая фигурка, что вонъ стоитъ тамъ и манитъ, и манитъ, и дѣлаетъ тебѣ издали знакъ рукой, а ближе ты подойди—обернется кустомъ; и не годъ, и не два тамъ стояла фигурка—то ближе, то дальше: и беззвучно селу она грозила, и беззвучно она манила...

Падаетъ глыба гранита въ грозное дно ушелій; если дно это еще и поверхность водъ, падаетъ еще ниже глыба гранита, но въ склизкой тинѣ паденья нѣтъ: тутъ—предѣлъ; и такого предѣла нѣтъ у души человѣческой, потому что можетъ быть вѣчнымъ паденье, и оно восторгаетъ, какъ надъ пропастью міра пролетающихъ звѣздъ слѣды: ты уже проглоченъ чернымъ міра жерломъ, гдѣ нѣтъ ни верховъ, ни низовъ и гдѣ все, что ни есть, цѣпеніе въ центрѣ; а ты считай это въ мірѣ стоянье паденьемъ или полетомъ—все равно... И для Дарьяльскаго полетомъ стало его паденье: онъ уже безъ оглядки бѣжалъ туда, гдѣ мелькалъ сарафанъ Матрены Семеновны; но почему онъ ея робѣлъ? И она, надъ дѣтской смѣясь его робостью, наступала сама, шла за нимъ изъ села, будто наступая, но все же не наступая, ему вслѣдъ смѣялась, а впереди—тамъ, тамъ затерянная въ поляхъ темненькая фигурка призывала ихъ всѣхъ на широкій, невѣдомый, страшный просторъ.

Такъ летѣли дни — голубые, туманные, пыльные; точили на селѣ еще зубы про то, что Дарьяльскій связался съ самой столярихой, и про то, что столяръ Кудеяровъ все еще пропадаетъ въ Лиховѣ, потому ли, что аграмаднія у него заводились дѣла, потому ли, что снюхался съ людомъ темнымъ, прохожимъ, сектантскимъ.

Да и не мудрено, что судачили про Дарьяльскаго, однако, дичиться его перестали: происшествіе объяснилось — передъ всѣмъ свѣтомъ загулялъ онъ съ Матренкой; чайникъ разсказывалъ, какъ надысь пріятная у него компанія бражничала: красный баринъ съ словыми прутьями на головѣ и съ Матренкой на колѣняхъ (будто сбѣсилась дуреха); лавочникъ Степка имъ на гармоникѣ разыгрывалъ; нишій же Абрамъ, чтобы содрать на чай, по полу отплясывалъ передъ ними босыми ногами въ рваныхъ штанишкахъ, оловяннымъ помахивая голубкомъ.

Ну-ну!..

МАТРЕНА.

Когда тебѣ приглядится темноглазая писаная красавица, со сладкими, что твоя наливная малинка, губами, съ личикомъ легкимъ, поцѣлуемъ несмятымъ, что майскій лепестокъ яблочнаго цвѣтка, и станетъ она твоей любовью, — не говори, что любя эта — твоя: пусть не надышешься ты на округлыя ея перси, на ея тонкій, какъ воскъ на огнѣ, мягко въ объятьѣ истанвающій станъ; пусть ты и не нагладишься на ножку ея, бѣленькую, съ розовыми ноготками; пусть пальчики рукъ перецѣлуешь ты всѣ, и опять перецѣлуешь, сначала, — пусть будетъ все это: и то, какъ лицо твое она тебѣ закроетъ маленькой ручкой и сквозь прозрачную кожу увидишь тогда на свѣту, какъ краснымъ сіяньемъ въ ней разливается ея кровь; пусть будетъ и то, что не спросишь ты ничего болѣе отъ малиновой своей любви, кромѣ ямочекъ смѣха, сладкихъ устъ, дыма летающихъ съ чела волосъ да переливчатой въ пальчикахъ крови: нѣжна будетъ ваша любовь и тебѣ, и ей, и болѣе ничего не попросишь у своей любви; будетъ день, будетъ жестокій тотъ часъ, будетъ то роковое мгновеніе, когда это поблекнетъ поцѣлуемъ измятое личико, а перси уже и не дрогнуть отъ прикосновенья: это все будетъ; и ты будешь одинъ съ своей собственной тѣнью среди выжженныхъ солнцемъ пустынь и испытыхъ источниковъ, гдѣ цвѣты не цвѣтутъ, а переливается сухая на солнцѣ кожа

яшера; да еще, пожалуй, черного увидишь мохнатогого тарантула дыру, всю увитую паутиной... И жаждущій голосъ твой тогда подымется изъ песковъ, алчно взывая къ отчизнѣ.

Если же любя твоя иная, если когда-то прошелся на ея безбровомъ лицѣ черный, оспенный зудъ, если волосы ея рыжи, груди отвислы, грязны босыя ноги, и хотя сколько-нибудь выдается животъ, а она все же—твоя любя,—то, что ты въ ней искалъ и нашелъ, есть святая души отчизна: и ей ты, отчизнѣ ты, заглянулъ вотъ въ глаза,—и вотъ ты уже не видишь прежней любя; съ тобой бесѣдуетъ твоя душа, и ангелъ-хранитель надъ вами снисходитъ, крылатый. Такую любя не покидай никогда: она насытитъ твою душу и ей уже нельзя измѣнить; въ тѣ же часы, какъ придетъ вождельнѣе, и какъ ты ее увидишь такой, какая она есть, то рябое ея лицо и рыжія космы пробудятъ въ тебѣ не нѣжность, а жадность; будетъ ласка твоя коротка и груба: она насытится въ мигъ; тогда она, твоя любя, съ укоризною будетъ глядѣть на тебя, а ты расплачешься, будто ты и не мужчина, а баба: и вотъ только тогда приголубить тебя твоя любя, и сердце забьется твое въ темномъ бархатѣ чувствъ. Съ первой—нѣжный ты, хоть и властный мужчина; а со второй? Полно, не мужчина ты, но дитя: капризное дитя, всю-то будешь тянуться жизнь за этой второй, и никто, никогда тутъ тебя не пойметъ, да и не поймешь ты самъ, что вовсе у васъ не любовь, а неразгаданная громада тебя подавляющей тайны.

Нѣтъ, ни розовый ротикъ не украшалъ Матрены Семеновны лица, ни темныя дуги бровей не придавали этому лицу особаго выраженья; придавали этому лицу особое выраженье крупныя, красныя, влажно оттопыренныя и будто любострастьемъ усмѣхнувшіяся разъ навсегда губы на изсиня-бѣломъ, рябомъ, тайнымъ какимъ-то огнемъ испепеленномъ лицѣ; и все то волосъ кирпичнаго цвѣта клоки вырывались нагло изъ-подъ краснаго съ бѣлыми яблоками платка столярихи, повязаннаго вокругъ ея головы (столярихой ея прозвали у насъ, хотя и была она всего то—работницей); всѣ тѣ черты не красу выражали, не дѣвичье сбереженное цѣломудріе; въ колыханѣ же груди курносой

столярихи, и въ толстыхъ съ бѣлыми икрами и грязными пятнами ногахъ, и въ большомъ ея животѣ, и въ лбѣ, покатою и хищною, — запечатлѣлась откровенная срамота; но вотъ глаза...

Погляди ей въ глаза, и ты скажешь: «какія тамъ плачутъ жалобныя волюнки, какія тамъ посылаетъ пѣсни большое море, и что это за сладкое благовоніе стелется по землѣ?..» Такіе синіе у нея были глаза—до глубины, до темноты, до сладкой головной боли: будто и не видно у ней въ глазницахъ бѣлыхъ бѣлковъ: два аграмадныхъ влажныхъ сафира медленно съ паволокой катятся тамъ въ глубинѣ — будто тамъ окіанъ-море-синее расходилось изъ-за ея рябого лица, иѣтъ предѣла его, окіанъ-моря-синяго, гульливомъ волнамъ: все лицо заливали глаза, обливаясь темными подъ глазами кругами,—такіе-то у нея были глаза.

Въ нихъ коли взглянешь, все иное забудешь: до второго Христова Пришествія, утопая, забарахтаешься въ этихъ синихъ моряхъ, моля Бога, чтобы только тебя скорѣй освободила отъ плѣна морского зычная архангелова труба, если еще у тебя останется память о Богѣ, и если еще ты не вѣришь въ то, что ту судную трубу укралъ съ неба діаволь.

И уже будетъ невѣсть тебѣ что казаться: будто и кровь то ея—окіанъ-море-синее; и бѣлое то лицо ея—изсиня-бѣлое оттого, что оно изсиня-сквозное: въ жилахъ ея и не синее море, а синее небо, гдѣ сердце,—красная, что красное солнце, лампада; и ея тебѣ уста померещутся пурпуровыми: пурпуровыми тѣми устами тебя она оторветъ отъ невѣсты; и будетъ усмѣшка ея—милой улыбкой, милой... и грустной; и вся тебѣ она станетъ по отчизнѣ сестрицею родненькой, еще не вовсе забытой въ жизни снахъ,—тою она тебѣ станетъ отчизной, которая грустно грезится по осени намъ—въ дни, когда оранжевые листья крутятся въ сини прощальной холодного октября; и будутъ красныя волосы столярихи для тебя въ вѣтрѣ закрученнымъ листомъ—въ небо, и блескъ, и осенній трепеть; но тутъ ты увидишь, что эти все освѣтляющіе глаза—косые глаза; одинъ глядитъ мимо тебя, другой—на тебя; и ты вспомнишь, какъ коварна, обманна осень.

А закати глаза стояриха: два на тебя уставятся зрячихъ бѣльма Матрены Семеновны; тутъ поймешь, она-то тебѣ чужда и, какъ вѣдьма, пребезобразна; а опусти долу она глаза и упрись ими въ грязь, солому и стружки, да заскоружилъ свои руки сложи она на животъ,—побѣжить по лицу тѣнь, очерняются складки у носа, явственный въ рябины кожа ея углубится, — а рябинъ то многое множество,—мятымъ и потнымъ станетъ лицо, и опять-таки выпятится животъ, а въ углахъ губъ такая задрожитъ складочка, что одна срамота: будетъ тебѣ она вся—гуляющей бабой.

.....
Матрена у себя на дворѣ: загоняетъ корову; уже ея поскрипываетъ ведро; уже она подъ коровой; въ жестяное дно побрызгиваетъ теплая струя душнаго молока.

Вотъ въ темнотѣ шаги, голоса: — «Матрена, а, Матрена?» — «Чаво?» — «Милая, обласкай!»... — «Охъ, ты, цаловаться абнакнавенія не имѣю»... — «Ты одна?» — «Не замай»... — «Пойдемъ къ тебѣ!» — «Охъ, чтой-то!»... — «Ну?» — «Самъ нынче, небось, вернется»...

Оханье, аханье: торопливые по двору шаги и возня; раскудахтались куры; хохлушка, хлопая крыльями, взлетаетъ на сѣноваль, и на чью-то оттуда голову шелкнулъ сухой, голубиный помѣтъ.

И уже они въ горницѣ: только зеленая тамъ лампадка озаряетъ свѣтлый ликъ Спасовъ, благословляющій хлѣбы; въ ихъ волосахъ стружки, древесныя опилки, щепки; всѣ предметы, что ни есть какіе, молчаливо усталились въ этотъ мигъ на Петра; бѣлое въ зеленоватомъ свѣтѣ съ провалившимися глазами и съ блистающими изъ-подъ ослабленнаго рта зубами Матрены Семеновны потное лицо: бѣлое въ зеленоватомъ свѣтѣ, точно зеленый трупъ, передъ нимъ сидящей вѣдьмы лицо; сама къ нему лѣзетъ, облапила, толстыя груди къ нему прижимаетъ,—ослабленная звѣриха; гдѣ-то въ неизмѣримой теперь дали уплываетъ въ зеленомъ морѣ вершинъ отъ него старый домъ съ — тамъ, тамъ—ему прощально машущей ручкой принцессы Кати.

Что же это, Господи, Боже мой?

И онъ разрыдался передъ вотъ этой звѣрихой, какъ большой, покинутый всѣми ребенокъ, и его голова упадаетъ на колѣни; а въ ней—перемѣна; уже не звѣриха она; эти большіе, родные глаза: уплываютъ полные слезъ глаза въ его душу; и не измятое пробушевавшимъ порывомъ, а какое-то благоуханное передъ нимъ наклоняется лицо.

— Охъ, болѣзненный! Охъ, братикъ: вотъ же тебѣ отъ меня крестикъ...

Она отстегиваетъ воротъ рубашки и съ горячаго своего гѣла вѣшаетъ на шею ему жестяной, дешевенькій крестъ.

— Охъ, болѣзненный! Охъ, братикъ: сестрицу свою прими всю какъ есть...

Уже ночь присѣла въ кусты, и уже мой герой отходилъ отъ избы столяра, и на него лаялъ песъ, и слѣдъ его вотъ-жъ уже затеривался, и, обернувшись, онъ видѣлъ, что какая-то тамъ рука поднимала съ порога мерцающій свѣточъ, беззвучно бросавшій въ его тьму мутнокрасный свѣта потокъ, а изъ-за свѣта, изъ-подъ съ бѣлыми яблоками платка вытянулось лицо Матрены Семеновны, свѣтясь въ темъ сладострастной улыбкой и отъ блеску слѣпнувшими глазами; такою маленькой тамъ являлась она; уже затеривался его слѣдъ, а все еще стояла Матрена, а все еще вдогонку за нимъ протягивался свѣточъ, къ затеривающимся его слѣдамъ; долго еще багровое око въ томъ мѣстѣ моргало; и вотъ уже это зрячее мѣсто ослѣпло; вскорѣ отъ этого мѣста на все Цѣлебѣево прогорланилъ пѣтухъ; и слышное едва пѣнье отозвалось будто бы изъ... впрочемъ, Богъ вѣсть, откуда.

ВСТРѢЧА.

Все еще стояли они и миловались, и неизрѣченная вставала межъ ними близость, какъ у порога въ сѣняхъ раздалися шаги, и едва успѣли они отскочить другъ отъ друга, какъ на порогѣ стоялъ изъ Дихова возвратившійся самъ хозяинъ, Митрій Мироновичъ Кудеяровъ, столляръ.

— О-о-о-о!—сталъ заниматься онъ и вошелъ.

Босня ноги Матрены Семеновны оттоптали куда-то вбокъ; тамъ она укрывала фартукомъ грязнымъ до невозможности густо горящее лицо, и оттуда поглядывала она выжидательно на обои: будто даже какое любопытное лукавство на лицѣ отразилось ея, и легкая робость; ну, чего ей было бояться? Сама же она миловалась съ сожителя съ допущенья и даже болѣе того, — съ приказанья; но прошелъ внутри ея страхъ, на зубы зубы не попадали: не оттого ли, что тайное столяра приказанье исполняла она не такъ: приказанье-то обернулось въ ней въ сладкій и вольный души порывъ; еще маленькая секундочка, и все въ ней — захолонуло, когда мертвая, тошая половина лица столяра мертво уставилась на икону, а мертвая, тошая, какъ рыба костяшка, рука для крестнаго приподнялась знаменья; чуяло ея сердце, что она совершила передъ сожителемъ грѣхъ; отъ поцѣлуевъ, объятій, ласкъ растрепанное лицо дрожащими Матрена Семеновна оправляла руками, и незамѣтно тамъ, въ темнотѣ, свою застегнула кофту.

Но должно быть такъ-таки ничего не примѣтилъ столяръ; ласково глянулъ онъ на Дарьяльскаго: а еще вѣрнѣй, что на Дарьяльскаго глянулъ супротивъ лица поставленный носъ; только длинная, желтая борода укоризной протягивалась къ полу:

— О-о-о-о-... очень... (онъ уже пересталъ заикаться), очень... очень можно что даже сказать, вотъ тоже, пріятно видѣть мыслящаго человѣка въ нашей берлогѣ-съ... Очень...

И широкую протянулъ Дарьяльскому, мозолистую ладонь.

Но столяръ видѣлъ все, и самъ какъ бы даже перепугался; что бы оно, выходило, значить такое, и что бы оно теперь, значить, слѣдовало. «Нѣтъ, не могу, не могу!» — думалъ онъ и вздыхалъ, а что бы это такое онъ не могъ, видно, еще и не обмозговалъ самъ; только было ему душно въ спертой избѣ отъ запаха черного хлѣба.

Съ сурово сдвинутыми бровями и съ низко опущенной головой изподлобья Дарьяльскій вперилъ въ столяра крѣпкій, дико-блистающій взоръ, готовый дать столяру и отвѣтъ, и отпоръ; ни слѣда бы недавнихъ волненій тутъ не прочесть; все во мгноvení ока герой мой измѣрилъ, чтобы встрѣтить достойно то,

что между ними могло произойти; но ласковость столяра, а еще болѣе его мозолистая рука изъ Петра вынули силу.

— Я вотъ... мнѣ бы, вотъ... собственно, я за заказомъ: мнѣ бы вотъ стулъ, деревянный, знаете-ли, съ рѣзнымъ пѣтушкомъ, — говорилъ онъ первыя попавшіяся слова.

— Можна... можна... — тряхнулъ столяръ волосами, — можна, — и какое-то было въ этомъ потряхиваньи волосъ снисхождение, можетъ быть, поощренье, а всего болѣе — злое, едва примѣтное издѣвательство: такъ бы столяръ вотъ эту паскудницу-бабу за волосы да о полъ, ей бы подолъ завернулъ да запинялъ бы ногами; а баба-паскудница изъ угла дозировала за столяромъ; глаза же ея говорили: «Не ты ли, не ты ли, Митрій Мировичъ, самъ миня насчетъ таво вразумлялъ, да силу свою въ мою вкладалъ въ грудь?»

Вразумлять-то столяръ — вразумлялъ; это — точно; да какъ-то оно выходило будто не такъ: безъ молитвъ, смысла и чину; а коли безъ чину безъ богослужебнаго — по обоюдной, значить, одной срамотѣ; самъ же онъ — хворъ: отошаль отъ поста да отъ кашля: женскимъ ли ему теперь естествомъ заниматься — тьфу: всѣмъ эдакимъ занимался, бывало, столяръ; а вотъ Матренѣ-то рожать — слѣдъ; зналъ и то, какія такія произойдутъ отсюда причины, и какія такія дѣла отъ причинъ воспослѣдуютъ: воспослѣдуетъ духа рожденье, восколубленье земли да аслабажденье хрестыанскаго люда; и выходить оно — того: слѣдъ Матренѣ связаться съ бариномъ; а оно-то, вишь, — не того, коли ревностью сердце исходитъ... «Какъ, іетта, они да безъ миня!» — думаетъ онъ, и съ омерзѣніемъ сплевываетъ, и почесывается, не глядя на моего героя.

— Такъ ефта про стулъ — вотъ то-же: можна... и деревянный стульчикъ — вотъ то-же съ рѣзбой; все ефта можна... И чтобы на спинкѣ пѣтушокъ, али голубокъ, и іетта, вотъ то-же, можна... Іетта не значить, значить, ничаво, тоисъ: штиль всякій бывать...

При словѣ «голубокъ» Дарьяльскій вздрагиваетъ, будто грубо коснулись его души тайнъ; и уже схватывается за шапку:

— Я, собственно, безъ васъ, тутъ у васъ посидѣлъ... Да мнѣ и пора бы итти.

— Што жъ, іетта, вы, можно сказать, абижаєте насъ: я, значить, вижу, нашъ человѣкъ, — подмигиваетъ Кудеяровъ, — што жъ: я въ избу, а вы — вонъ; нѣшта возможно!..

И явственно на столѣ Кудеяровъ передъ Петромъ трижды начертываетъ крестъ; и опрокидывается все въ головѣ Петра; уже ему отъ столяра невозможно уйти; и чуть-чуть не срысывается съ устъ его: «Въ видѣ голубинѣ».

Но столляръ суетится уже вокругъ:

— Вотъ тоже: милости просимъ нашего хлѣба-соли откупать... Вздуй-ка, Матрена Семеновна, самоварчикъ... Да што-жъ, іетта, ты, дуреха, — спохватывается столляръ: — гостя не просишь въ паратныя наши хоромы?

Вдругъ онъ какъ топнетъ, какъ цыкнетъ:

— Ишь, гостя въ темнотѣ держитъ, стружками да опилками обмарала: пойдѣ сейчасъ — засвѣти огонь!..

И Матрена протоптала мимо нихъ, изъ-за плеча боязно кинувъ взглядъ столяру въ глаза: она не могла понять, какое такое его поведеніе; не онъ ли, Митрій Мировичъ, указывалъ ей, какъ ей поступать съ бариномъ, съ милымъ; а будто бы вотъ на нее столяръ осерчалъ.

— Дуреха! — онъ пропѣживаетъ ей вслѣдъ, а самъ думаетъ: — «Связалась, а для ча? Снюхалась — не могла обождать мово возвращенья!» — Съ удвоенной снова сладостью, покашливая, бросается онъ на Петра:

— Ужъ вы глупую бабу простите-сь: ишь стружечки-то на васъ: и на усикахъ-то опилочки, и въ волосахъ-то опилочки, вотъ тоже; милости просимъ въ горницу!

Дарьяльскаго опять охватило волненіе; и опять чрезъ минуту оно прошло.

Всѣ трое уже за столомъ; сладкія рѣчи межъ ними; сидятъ, чайничаютъ, среди картинъ да хромолитографій. Дарьяльскій взволнованно говорить о народныхъ правахъ, о вѣрѣ.

А столяръ крѣпкую думаетъ думу: можетъ то, что безъ чину, мольбы да соглядатайства братаина произошло всякое, ну тамъ, — такъ оно ничего; анъ оно — не того: «какъ, іетта, они безъ миня — тѣфу!» И опять-таки ему, столяру, обидно; хотъ

себя-то онъ отъ нея сберегалъ, а тоже это иной разъ былъ не прочь и погладить ее; а вотъ тутъ, небось, баринъ-то ее тоже погладилъ.

Но столяръ спохватывается.

— Што жъ: іетта точно; народъ тѣснять; подъ Лиховомъ въ оврагѣ собиралась митинга и съ арараторами...

— А стулъ — можна... Все можна: всякіе штили выдѣлывамъ... подъ орѣхъ, подъ красное дерево...

— Кабы мы были не мужички, а слаботное, значить, краштанство, мы бы—ухъ какъ!

— Да, фактъ явный: для мелкаго вещества достоинства не хватать...

А едва Петръ вышелъ за ворота, Митрій Мироничъ къ Матренкѣ:

— Срамница: ну, говори сейчасъ, связалась ты съ нимъ, али нѣтъ?..

— Связалась! — не сказала, а проревѣла Матрена, копошившаяся у постели, одѣяломъ прикрылась; поглядѣла на него косымъ, уже озлобленнымъ взглядомъ.

— Связалась, связалась! — простоналъ столяръ.

Наконецъ, все утомилось. Уже Матрена ушла подъ одѣяло, а, все еще опираясь о столъ мозолистою рукой, распоясанный, неподвижно стоялъ надъ столомъ столяръ, а другая его рука, выдаваясь костяшками изъ-подъ потнаго краснаго рукава, теребила тощую бородавку, отстегнутый воротъ рубахи, большой шейный крестъ, поднималась съ размаху надъ головой, и потомъ уходила въ желтыя космы волосъ своей всей пятерней: такъ стоялъ столяръ съ полуоткрытымъ ртомъ, съ полузакрытымъ, на себя самого глядящимъ взоромъ, и какъ болѣзненно вычертилась на лбу его складка, такъ она и осталась: мелкія по всему лицу разбѣжались и трепетали морщинки, котя и казалось, что большая одна дума, глубокая и больная, просвѣчивала подо всѣми пробѣгающими выраженіями иконописнаго этого лица; катилась по лбу капля пота, дрогнула на рѣсницѣ, мигнула на щекѣ и пропала въ усахъ:

Наконецъ, къ Матренѣ тихое это повернулось лицо, и все, какъ есть, оно передернулось.

— Ааа!.. Паскудница!..

И онъ уже снова ея не видѣлъ; стоялъ и носомъ поклевывалъ въ полъ, бормоталъ и качалъ головой:

— Ааа!.. Паскудница!..

Медленно опустился на лавку; медленно на столъ опустилъ руки; медленно въ руки опустилъ голову; а быстроногий прусакъ по столу къ нему подбѣжалъ, остановился у самого его носа, зашевелилъ усами.

ночь.

Кустики, кочки, овражки; и опять кустики; черезъ всю ту путаницу вѣтвей, тѣней и закатныхъ огней вьется извилистая дорожка; Петръ быстро уходитъ туда — въ глубь востока — въ кустики, кочки, овражки, между зелеными глазами Ивановыхъ червячковъ.

Его догоняетъ Евсѣичъ.

— Батюшка, Петръ Петровичъ, — кхе, кхе, кхе, — что же это будетъ такое съ нами? Сжальтесь — на барышню посмотрите; барышня убивается, плачетъ!

Ему отвѣчаетъ лишь хрустъ хвороста да бульканье по болоту убѣгающихъ къ Цѣлебѣву ногъ...

— Кхе, кхе, кхе, — закашливается Евсѣичъ; Петра Петровича ему не догнать: куда старику съ больными ногами за молодымъ угоняться!

Евсѣичъ сворачиваетъ къ Гуголеву; день меркнетъ; ночь мутная хаосомъ пепла падаетъ на него.

Въ гуголевскомъ паркѣ мертво: старая бабка, вся обложенная подушками, подъ окномъ утопаетъ въ мѣху; снаружи въ открытое окно на нее бросается мракъ; на встрѣчу ему изъ окна отъ лампы бросается сноплъ золотого свѣта; полуосвѣщенные лапы дикаго винограда протягиваетъ въ окно вѣтерокъ.

А гдѣ же Катя?..

Тамъ, тамъ Цѣлебѣво впереди: и Катѣ страшно; крадется Катя одна, блѣдна; и Катя еще похудѣла; будто сѣрый, тонень-

кій стебелекъ, опушенный бѣлой паутинкой, въ блѣдно-пепельномъ платьѣ и съ какъ зола волосами, завуаженная въ блѣдную шаль, она блѣдно иставаетъ въ синепепельной мути, тонетъ въ морѣ ночномъ; на поверхности того моря едва-едва удерживается ея худенькое лицо; она туда идетъ тайкомъ отъ бабки, отъ гуголевской дворни, отъ Евсѣича даже: ей на встрѣчу шаги; въ блѣдномъ блескѣ зарницы тамъ, за кустомъ; ей на встрѣчу — Евсѣичъ; Катя прячется отъ него въ кусты; значить, и старикъ, и старикъ... тайкомъ туда тоже похаживать сталъ.

Старикъ далеко у нея за спиной; въ блѣдномъ блескѣ зарницы еще разъ мелькнула ей лакейская сѣрая спина, какъ она обернулась:

— Евсѣичъ, Евсѣичъ! — зоветъ въ темноту перепуганная дѣвчонка, но Евсѣичъ не слышитъ; смотреть вслѣдъ ему Катя... и плачетъ.

Ея глаза — точно кусочки ночной синевы, дозиращей на Катю изъ чернаго, вокругъ обступившаго, кружева листьевъ: останавливается Катя... и плачетъ.

Раззореніе бабки, пощечина, глупая пропакъа брилліантовъ, страшное Петра исчезновеніе, толки объ этомъ исчезновеніи и той пропакѣ, наконецъ, мерзкое это, безъ подписи, каракулями написанное, письмо, совершенно безграмотное, въ которомъ ей нагло доносятъ какой-то простолюдинъ о томъ, будто у ея Петра романъ съ пришлою бабой! Смотритъ на звѣздочки Катя... и плачетъ, и вздрагиваютъ ея плечики отъ трепетанья ночного листа; всякій слышалъ трепетанье такое: то особое трепетанье, какого нѣтъ днемъ.

Шмидтъ ей разкажетъ все: онъ ей отыщеть Петра.

И уже вонъ — избы; точно присѣли онѣ въ черныя пятна кустовъ, разбросались,—и оттуда злобно на нее моргаютъ глазами, полными жестокости и огня; точно недруговъ стая теперь залегла въ кустахъ огненными пятнами, косяками домовъ, путаницей тѣней и оттуда поднимаютъ скворечниковъ черные пальца,—все это теперь уставилось въ лѣсъ, все это выслѣдило Катю на лѣсной опушкѣ и только что ей открылось; а сперва изъ темнаго лѣса выступала лишь путаница огней; и пока под-

ходила къ селу глупая дѣвочка, тяжковѣсная бѣлая колокольня отъ нея прошла вправо, тонко пискнувъ проснувшимся на мгновенье стрижомъ.

Легкія туфли промокли въ бурьянѣ, платище обливаютъ травы водой, и дрожь гүляетъ между плечами; заблудилась Катя, забрела къ пологому логу; глядь, — и въ кустѣ изъ лога встала избенка, куритъ въ нее падающимъ изъ трубы дымкомъ и поблескиваетъ огонечкомъ; свѣта кровавый платъ упадаетъ въ траву изъ окна; а поверхъ упалъ черный оконный крестъ на свѣтовое пятно; и все вмѣстѣ вытягивается на кусты, гдѣ стоитъ Катя; ей чуть-чуть жутко и нехорошей веселостью весело въ красноватомъ томъ видѣтъ освѣщенъѣ легко-трепетный росы бриллиантъ на листьяхъ и на тонкихъ стебляхъ; вдругъ просто ей стало страшно: лицо картузника закровавилось подь окномъ; въ окошко уставлена его борода, красный носъ: туда же уставлены глазки, а кому это подь окномъ закачался кровавоосвѣщенный кулакъ? И втихомолку она отъ мѣста того — прочь, прочь: какъ бы найти ей Шмидтину дачу?

Только теперь она понимаетъ, что цѣлебѣвскій лавочникъ, Иванъ Степановъ, тамъ стоялъ подь окномъ: такъ чего жъ дѣтское испугалось сердечко?

А подойди она къ нему: онъ бы ей указалъ на окно, а въ окнѣ бы она разглядѣла грязнаго, обросшаго волосами Петра, курносую бабу рябую да хворое хитрое лицо, подмигивающее Петру изъ-за чайнаго блюда, поднесеннаго къ желтымъ усамъ; все-то бы она увидала: лучше, что не видала.

Долго еще дозиралъ подь окномъ цѣлебѣвскій лавочникъ, и липія нашептывалъ подь окномъ онъ угрозы: «Погоди, запоешь у меня, старый сводникъ!» Вотъ лицо его скрылось въ тѣнь, волосатый кулакъ покровавился на свѣту, да и онъ ушелъ въ тѣнь; хвороста хрустѣ вдали по кустамъ замиралъ, и замеръ.

Дарьяльскій уже выходилъ изъ избы, уже свѣтъ во тьмѣ его затеривался, и, обернувшись, онъ видѣлъ, что какая-то тамъ рука поднимала керосиновый свѣточъ, беззвучно бросавшій въ его тьму мутнокрасный свѣта потокъ, въ центрѣ котораго тамъ издали стояла Матрена, и яснилось ея лицо сладострастно въ

его тьму посылаемой улыбкой и отъ блеску слѣпнущими глазами: какая тамъ была она маленькой!.

Дарьяльскій бродилъ по селу, и собаки вѣывали; и собаки рыскали по его слѣдамъ, кидались въ тьму и съ визгомъ отскакивали обратно. Безпѣльно вотъ онъ къ поповскому забрелъ палисаднику; случайно прошелся подъ открытымъ окномъ. Попадыхинъ услышалъ голосъ:

— Я вамъ скажу, онъ съ черными усами: таракашечка; вотъ бы вамъ женишокъ: вернулся въ отпускъ — дворянского роду.

Не удержался Дарьяльскій въ окно заглянулъ — и что же онъ тамъ увидѣлъ? Позеленѣвшая, маленькая Катя, запрятанная въ уголъ, силилась улыбаться: животомъ, грудью и сплетнями на нее напирала попадья; а печально молчащій Шмидтъ дѣлалъ видъ, что слушаетъ расказни Вукола; въ бѣломъ подрясникѣ набивалъ папирсы подъ лампой отецъ Вуколъ; зорко Шмидтъ за Катей слѣдилъ, и едва уловимая за нее тревога прошла по его лицу.

Дарьяльскій бросился прочь.

Тихіе въ мутной тьмѣ приближаются голоса; тихія въ мутной тьмѣ по росѣ раздаются слова:

— Нѣтъ, это не клевета, это — такъ.

— Но вѣдь онъ же не воръ?

— Онъ не воръ: тутъ стеченіе нарочно подстроенныхъ обстоятельствъ; враги спрятались въ тьму и руководятъ его поступками. Придетъ часъ, и они поплатятся — за все, все: за него, и за тѣхъ, кого уже погубили.

— Петръ, мой Петръ съ этой бабой!

— Петръ думаетъ, что ушелъ отъ васъ навсегда; но тутъ не измѣна, не бѣгство, а страшный, давящій его гипнозъ; онъ вышелъ изъ круга помощи — и враги пока торжествуютъ надъ нимъ, какъ торжествуетъ врагъ, глумится надъ родиной нашей; тысячи жертвъ безъ вины, а виновники всего еще скрыты; и никто не знаетъ изъ простыхъ смертныхъ, кто же истинные виновники всѣхъ происходящихъ нелѣпицъ. Примиритесь, Катерина Васильевна, не приходите въ отчаянье: все, что ни есть

темнаго, нападаетъ теперь на Петра; но Петръ можетъ еще побѣдить; ему слѣдуетъ въ себѣ побѣдить себя, отказаться отъ личнаго творчества жизни; онъ долженъ переоцѣнить свое отношеніе къ міру; и призраки, принявшіе для него плоть и кровь людей, пропадутъ; вѣрьте мнѣ, только великія и сильныя души подвержены такому искусу; только гиганты обрываются такъ, какъ Петръ; онъ не принялъ руку протянутой помощи; онъ хотѣлъ самъ до всего дойти: повѣсть его и нелѣпа, и безобразна; точно она рассказана врагомъ, издѣвающимся надо всѣмъ свѣтлымъ будущимъ родины нашей... Пока же молитесь, молитесь за Петра!

Такъ говорилъ Шмидтъ, провожая въ Гуголево Катю; вдругъ передъ нимъ—хвороста хрустѣтъ; ручной электрическій фонарикъ кинулъ снопъ бѣлаго свѣта, и видитъ Катя: въ кругѣ бѣлаго свѣта, какъ дикаго волка протянутая голова, протянутая голова Петра; пьяно блуждаютъ мутныя его очи; мигъ—и уже тьма.

Крѣпкія руки съ силой удерживаютъ Катю на мѣстѣ, когда она хочетъ броситься за Петромъ:

— Стойте, ни съ мѣста: если сейчасъ уйдете за нимъ, не вернетесь обратно!

Синяя мокрая муть и не часъ, и не два своею прозрачностью напоила поля, легко отливаясь въ празелень и свѣченъе опаловъ въ мѣстахъ солнечнаго заката, гдѣ уставлена въ ясныя еще остатки недавнихъ великолѣпій черная бора гребенка; мокрая муть—на востокѣ, за исключеніемъ только одного мѣста, которое болѣзненно воспалено еще невзошедшимъ мѣсяцемъ; хоть вокругъ и черно, а прозрачно; черными пятнами вырѣзаны кусты, окаймленные кружевомъ и лепетомъ листьевъ; черный кусокъ этого лепета, будто оторванный листъ, ерзаетъ и туда и сюда; вотъ закатился онъ въ кружево кустовъ: то—не топырь; сплошное море надъ головой кубовой сини обливадается лѣтними слезинками здѣсь и тамъ блѣдно блистающихъ звѣздочекъ; смотреть на звѣздочки и Дарьяльскій, и Катя—изъ разныхъ мѣстъ шелестящаго грустно предмѣся. Смотрятъ они на звѣздочки и... плачутъ отъ воспоминаній.

НА ОСТРОВКѢ.

Странное дѣло: чѣмъ умнѣе былъ собесѣдникъ Петра, чѣмъ больше гибкой въ немъ было утонченной хитрости, чѣмъ капризнѣе, чѣмъ сложнѣе рисовала зигзаги этого собесѣдника мысль, тѣмъ Петру легче дышалось въ его присутствіи, тѣмъ и самъ онъ казался проще; изъ-за ненужныхъ ухватокъ прохожаго молодца въ немъ просвѣчивалъ умъ и усталая отъ борьбы простота волненій душевныхъ; нынче пришелъ онъ къ Шмидту, сидѣлъ у него за столомъ, перелистывалъ письма, адресованныя на его имя, загорѣлый, небритый: и блаженная на его лицѣ застывала улыбка; и улыбка эта казалась каменной; сидя здѣсь, онъ былъ на границѣ двухъ другъ отъ друга далекихъ міровъ: милого прошлаго и новой сладостнострашной, какъ сказка, дѣйствительности; высокая и глубокая, уже по-осеннему чистая, синева бисеромъ облачныхъ барашковъ глянула Шмидту въ окошко вмѣстѣ съ Цѣлебѣевымъ; видно было вдалекѣ, какъ попъ, посиживая на пенечкѣ, ожесточенно отплеывался отъ Ивана Степанова; Иванъ Степановъ ему говорилъ:

— Я тѣхъ мыслей, што столяршкѣ пора бы заарестовать: сехтанты они да пакостники; бабенка-то, тѣфу,—срамная бабенка: може они ефти самые и есть голуби. Я ужъ давненько за ними приглядываю...

— Ну, это ты, Степанычъ, думаю я, что по богобоязненности по своей; оно правда: Митрій Миронычъ текстами заинтересованъ, но что жъ оно...

— А барина-то гуголевскаго, позволю сказать, окрутили, околдовали: чего, іета, іонъ въ работники поступилъ къ столяру?

— Ну, это барская блажь!

И поникъ отецъ Вуколь, затянувшись трубочкой, пріятно сплюнулъ въ солнцемъ сожженную мураву; въ глаза ему небо кидалось—чистое, нѣжное, бисеромъ блѣдныхъ барашковъ и высокой голубизной.

Скоро Степанычъ пошелъ къ себѣ въ лавку; человекъ прохожій, наглый, съ нимъ повстрѣчавшись, какъ гаркнетъ съ протянутой рукой: «Аа!.. Ивана Степанова руку!..»

— Проваливай: руку прохожимъ не подаю; можетъ, у тебя какая больная рука, я не знаю!..

И пошелъ прочь.

Всего этого не слышалъ заглядѣвшійся въ окошко Дарьяльскій; онъ видѣлъ небо, его барашки, двѣтныя избы и точно вырѣзанныя на лугу далекаго попка фигурку; изрѣдка перекидывались они съ Шмидтомъ летучили, краткими словами.

Шмидтъ сидѣлъ, погруженный въ бумаги; передъ нимъ лежалъ большой листъ; на листѣ циркулемъ былъ выведенъ кругъ съ четырьмя внутри перекрещивающимися треугольниками и съ крестомъ внутри; между каждымъ угломъ вверхъ шли линіи, раздѣляя окружность на двѣнадцать частей, обозначенныхъ римскими цифрами, гдѣ «десять» стояло вверху, а единица съ праваго боку; странная эта фигура была выше вновь окружностью обведена и на «36» частей раздѣлена; въ каждой части стояли значки планетъ такъ, что надъ тремя значками былъ значекъ зодіакальный; въ двѣнадцати большихъ клеткахъ стояли и коронки, и крестики, и значки планетъ, отъ которыхъ черезъ центръ окружности, пересѣкая звѣзду, были проведены туда и сюда тонкія стрѣлки; были еще на фигурѣ надписи, вписанныя красными чернилами: «Жертва», «Косецъ», «3 кубка», «Свѣтъ ослѣпительный»; сбоку листа были вписаны странныя надписи, въ родѣ: «X—10: Сфинксъ (X); (99 скиптровъ); 9, Левъ, Венера; 10, Дѣва, Юпитеръ (Повелительница Меча); 7, Меркурій. Тайна седьмая» и. т. д.

Шмидтъ ему говорилъ:

Ты родился въ годъ Меркурія, въ день Меркурія, въ часъ Луны, въ томъ мѣстѣ звѣзднаго неба, которое носитъ названье

«Хвостъ Дракона»: Солнце, Венера, Меркурій омрачены для тебя злыми аспектами; Солнце омрачено квадратурой съ Марсомъ; въ оппозиціи съ Сатурномъ Меркурій; а Сатурнъ это—та часть звѣзднаго неба души, гдѣ разрывается сердце, гдѣ Орла побѣждаетъ Ракъ; и еще Сатурнъ судитъ тебѣ неудачу любви, попадая въ шестое мѣсто твоего гороскопа; и онъ же въ Рыбахъ. Сатурнъ грозитъ тебѣ гибелью: опомнись—еще не поздно сойти со страшнаго твоего пути...

Но Дарьяльскій не отвѣчалъ: онъ оглядывалъ книжныя полки; странныя на полкахъ тутъ были книги: Кабала въ дорогомъ переплетѣ, Меркаба, томы Зохара (всегда на столѣ въ солнечномъ лучѣ золотилась у Шмидта раскрытая Зохара страница: золотая страница вѣшала о мудрости Симона Бенъ-Иохая и бросалась въ глаза удивленному наблюдателю); были тутъ рукописныя списки изъ сочиненія Lucius Firmicus'a, были астрологическія комментаріи на «Тетрабиблiонъ» Птолемея; были тутъ «Stromata» Климента Александрійскаго, были латинскіе трактаты Гаммера и среди нихъ одинъ «Varhometis Revelata», гдѣ прослѣживалась связь между арабской вѣтвью офитовъ и темплеями, гдѣ офитскія мерзости переплетались съ дивной легендой о Титурелѣ; были рукописныя списки изъ «Пастыря Народовъ», изъ вѣчно таинственной «Сифры-Дезнiуты», изъ книги, приписываемой чуть-ли не Аврааму,—той «Ser het», относительно которой рабби Бенъ-Хананеа божился, будто ей онъ обязанъ чудесамъ; на столѣ были листки съ дрожащей рукою начертанными значками, пентаграммами, свастиками, кружками со вписаннымъ магическимъ «тау»; тутъ была и таблица съ священными гіероглифами; старческая рука изображала вѣнецъ изъ розъ, наверху котораго была голова человѣка, внизу голова льва; съ боковъ—головы быка и орла; въ серединѣ же вѣнца были вписаны два перекрещивающихся треугольника въ видѣ шестиконечной звѣзды съ цифрами по угламъ—1, 2, 3, 4, 5, 6 и съ вписаннымъ числомъ посрединѣ—21. Подъ эмблемой рукой Шмидта было подписано: «Вѣнецъ маговъ—T=400»; были и другія фигуры: солнце, ослабляющее двухъ младенцевъ, съ подписью: «Quilolath—священная правда: 100»; Тифонъ надъ

двумя связанными людьми, подъ которымъ Шмидтъ надписалъ: «Это есть число шестьдесятъ, числа, тайны рока, предопредѣленія: т.-е. пятнадцатый герметическій глифъ «Хигон». Еще вовсе непонятны тутъ были слова: «Атомъ, Динаимъ, Уръ, Зайнъ». Сбоку на стулѣ лежала мистическая диаграмма съ выписанными въ извѣстномъ порядкѣ десятью лучами-зефиротами: «Kether—первый зефиротъ: риза Божья, первый блескъ, первое изсіяваніе, первое изліяніе, первое движеніе, премірный каналъ, Sapalis Supramundanus» и восьмой зефиротъ, Iod, съ подписью: «древній змій». Были странныя надписи на бѣломъ деревѣ стола въ родѣ: «прямая линія квадрата есть источникъ и орудіе всего чувственнаго» или: «все вещественное вычисляется числомъ четыре».

Изъ книгъ, значковъ и чертежей поднималась лысая голова Шмидта и старческій голосъ продолжалъ Дарьяльскаго вразумлять:

— Юпитеръ въ Ракѣ предвѣщалъ бы тебѣ возвышеніе, благородство и жрецеское служеніе, но все-то опрокинулъ Сатурнъ; когда Сатурнъ войдетъ въ созвѣздіе Водолея, тебѣ угрожаетъ бѣда; а вотъ теперь, въ эти дни—Сатурнъ въ Водолеѣ. Я тебѣ въ послѣдній разъ говорю: берегись! вѣдь и Марсъ—въ Дѣвѣ; все-то можно бы избѣгать, еслибъ Юпитеръ въ годовомъ твоёмъ гороскопѣ оказался въ мѣстѣ рожденія; но Юпитеръ—въ мѣстѣ судьбы...

И Петръ потрясень: онъ вспоминаетъ прошлые годы, когда Шмидтъ его судьбой руководилъ, открывая ему ослѣпительный путь тайнаго знанія; онъ-было уже чуть не уѣхалъ съ нимъ за границу—къ нимъ, къ братьямъ, издали вліяющимъ на судьбу; но Дарьяльскій смотритъ въ окно, а въ окнѣ—Россія: бѣлыя, сѣрыя, красныя избы, вырѣзанныя на лугу рубахи и пѣсня; и въ красной рубахѣ черезъ лугъ къ попику плетущійся столяръ; и нѣжное небо, ласковое. Вотъ обертывается на прошлое свое Дарьяльскій: отворачивается отъ окна, отъ въ окнѣ его зовущей и погибающей Россіи, отъ верховнаго новаго владыки его судьбы, столяра; и говоритъ Шмидту:

— Я не вѣрю въ судьбу; все во мнѣ побѣдитъ творчество жизни...

— Астрологія не учитъ власти фатума. Тотъ говорить: мысль и слово создали и міръ, и всемогущество, и семь духовъ геніевъ - покровителей, проявившихся въ семи сферахъ; ихъ обнаруженіе и есть судьба; человекъ поднимается по кругамъ: въ кругъ луны сознаетъ бессмертье; въ кругъ Венеры получаетъ невинность; на солнцѣ выносить свѣтъ; у Марса учится кротости; у Юпитера—разуму; созерцаетъ на Сатурнѣ правду вещей.

-- Ты угощаешь меня «Пастыремъ народовъ», на которомъ лежитъ печать позднѣйшаго александризма; мы, филологи, любимъ исконное, а исконной науки маговъ тутъ еще нѣтъ.

— Развѣ ты забылъ, что я говорю не по внѣшнимъ памятникамъ, а по устному обученію. Нѣкоторые изъ старинныхъ списковъ, вашей наукѣ невѣдомыхъ, я видѣлъ воочию—у нихъ, тамъ...

Но Дарьяльскій встаетъ: въ окно на него бьетъ потокъ солнца.

— Тебѣ нечего больше сказать?

— Нечего!

— Прощай: я отъ васъ ухожу—не къ твоимъ, а къ моимъ; ухожу навсегда—не поминай лихомъ.

И онъ вышелъ; солнце его ослабило.

Долго еще сидѣлъ Шмидтъ среди своихъ вычисленій; слеза жалости застывала на его старой шекѣ: «Онъ—погибъ!». И еслибы сюда вошли невзначай, то, навѣрное, удивились бы цѣлебѣвцы, что дачникъ Шмидтъ заливается горькими слезами.

Это былъ единственный дачникъ въ округѣ; уже въ концѣ марта онъ въ глухія наши переселялся мѣста; уѣзжалъ дачникъ въ дни, когда уже надъ селомъ вѣтеръ бурные проносилъ ревы первыхъ мятелей; и беззубъ, и лысъ, былъ дачникъ, и сѣдъ; онъ бродилъ въ жару по окрестностямъ въ желтомъ шелковомъ пиджачкѣ, опираясь на палку и держа въ рукѣ соломенную свою шляпу; и его окружали сельскіе мальчонки и дѣвчонки; и еще хаживалъ дачникъ къ попу; и еще привозилъ съ собой отъ клоповъ персидскаго порошку; и еще въ Бога не вѣрилъ,

хотя и былъ православный; только всего и знали про дачника въ Цѣлебѣевѣ.

СКАНДАЛЬ.

Что произошло въ лавкѣ Ивана Степанова, отчего тамъ звенѣли разбитыя склянки, на какомъ такомъ основаніи самъ лавочникъ вылетѣлъ изъ избы, а у него съ головы на лицо текло липкое вишневое варенье—все это такъ и осталось въ неизвѣстности; вылетѣлъ, да прямо къ корыту съ водой: принялся обмываться; обмывался онъ, обмывался, а когда отмылся,—обнаружился у него поперекъ носа кровавой шрамъ, будто кто полоснулъ его по носу ножомъ. Только тогда и опомнился лавочникъ, какъ хорошенько отмылся, отмылся, и тутъ только онъ вспомнилъ, что не слѣдъ бы ему въ такомъ видѣ выходить со двора.

Но его и не думали примѣчать: дѣло въ томъ, что пока онъ это въ корытѣ съ лица да съ волосъ вишневое съ усердьемъ смывалъ варенье, цѣлебѣевскій людъ занимало вовсе иное, столь же необычайное происшествіе: по лиховской дорогѣ вдругъ закрутилось облако пыли—и тамъ, въ облакѣ пыли, раздался испуганный, душу раздражающій ревъ: облако пыли съ неимоверной несло съ быстротой на наше село; впереди же него красное мчалось чудовище: будто бы выбѣжалъ съ горизонта и побѣжалъ на село красный чортъ; и едва выскочили изъ избъ старики да бабы, какъ уже красный чортъ стоялъ неподвижно посреди зеленого луга, пыхѣлъ и сопѣлъ, но уже безъ рева, щекоча носы керосиновой вонью. Это и была машина — та самая, про которую сказывали, что будто бы она безъ помощи лошадей людей возить; изъ машины выскочилъ человекъ, весь закрытый сѣрымъ брезентомъ, съ большущими черными стеклами на глазахъ; онъ все что-то копался у колесъ, снялъ очки, и дружелюбно кивалъ окружающимъ машину цѣлебѣевцамъ; его толстое, измятое, слегка желтоватаго цвѣта лицо, косыми заплавающими жиромъ глазками подмигивало цѣлебѣевцамъ, но они

осторожно пятились отъ скуластаго этого лица; даже и попкиъ выглянуль изъ смородинника, придерживая руками равнагося къ машинѣ попенка; между тѣмъ, господинъ съ жидовски-татарскимъ лицомъ, опустивъ на глаза очки, снова разсѣлся на своемъ на красномъ на чортѣ; чортъ взревѣлъ, съ шипомъ сорвался съ мѣста; да и былъ таковъ.

Это вотъ обстоятельство и отвлекло вниманье цѣлебѣвцевъ отъ того, какъ Иванъ Степановъ, лавочникъ, отмывался въ корытѣ отъ вишневаго сока, обильно стекавшаго съ головы, къ которой противно липло варенья горсть со стекляшками разбитой банки; можно было подумать, будто чья-то злодѣйская рука о его почтенную голову била банки съ вареньемъ; но какъ же смѣялся цѣлебѣвскій людъ, еслибы рассказать, что злодѣйская эта рука принадлежала никому иному, какъ собственному его сыну; съ часъ уже вотъ, какъ спѣпились они, перебрали всѣ что ни есть слова, послѣ которыхъ парнишка, потерявъ честь и разумъ, харкнулъ да и плюнулъ въ родительско лице, кидаясь на почтенныхъ лѣтъ родителя съ ножомъ, и въ довершеніе безобразія разбилъ на его головѣ увѣснстую банку съ вареньемъ; не безъ опасенія вошелъ теперь Иванъ Степановъ въ лавку; на полу — склянки да липкій сокъ; неравно кто войдетъ — срамота; лавку Иванъ Степановъ заперъ, бороду подперъ рукой и задумался; трудно было рѣшить, осерчалъ ли на сына побитый родитель, или же только перепугался; только онъ думалъ: «Убирался бы Степка скорѣй; а тамъ — концы въ воду...»

А виновникъ всего этого скандала не только убирался, но уже вовсе собрался; онъ сидѣлъ въ своей каморкѣ передъ зашалевающимъ столомъ; на стулѣ же съ нимъ лежалъ всего только свернутый одинъ узелокъ. Онъ уходилъ нынѣ изъ этихъ мѣстъ въ мѣста лѣсныхъ, далекія, вольныя: давно уже онъ помышлялъ о побѣгѣ изъ нашихъ мѣстъ; все-то къ братьямъ онъ, голубямъ, приставалъ; дали бы ему порученіе они такое, чтобы вовсе изъ нашихъ мѣстъ можно было бы Степкѣ бѣжать; опостылѣли ему наши мѣста; опостылѣло ему видѣть, какъ Матрена барина ему, Степкѣ, предпочла; но еще болѣе было Степкѣ постыло

смотря, какъ родитель его за Матреной шпионничалъ; видѣть родителя Степка не могъ, а невольно самъ дозировалъ за его шпионствомъ, да и накрылъ родителя своего прямо-таки на злодѣйскомъ поступкѣ; въ прошлую ночь, какъ слонялся Степка у избы Кудеяровской, видѣлъ онъ довольно-таки явственно, какъ родитель его, безъ картуза, въ одной рубахѣ, копошился у избы, таскалъ хворостъ, облилъ его изъ бутылочки чѣмъ-то (керосиномъ, вѣрно), да и сталъ чиркать спичкой; еще немного, — и всталъ бы красный пѣтухъ надъ избой столяра; ну, Степка, разумеется, это, цыкнулъ: родитель его — стрекача.

Вотъ нонче они и сосчитались. И не такъ бы его еще Степка избилъ; давно бы его избилъ; ну да — чортъ съ нимъ; голуби уже знали отъ Степки объ умыслахъ лавочника; одного человѣка такого приставили, еще кто кого — бабушка на двое сказала.

Безпрепятственно Степка теперь покидалъ тѣ края, гдѣ буйная его протекала жизнь; и вотъ онъ задумался, понесла его мысль (парнишка недаромъ сочинителемъ вышелъ): вздумалось молодцу на прошенье передъ уходомъ изъ родительева дома, гдѣ — какъ никакъ — покойная мать баловала его — вздумалось ему написать вступленье къ замысленной повѣсти; досталъ Степка свою засаленную тетрадь и теперь ржавымъ перомъ выводилъ такое вступленье: «Все было тихо; вся деревня спала; только гдѣ-то мычала корова да лаяла собака, да ставни скрипѣли на своихъ заржавленныхъ петляхъ, да вѣтеръ завывалъ подъ крышей... И выходило, что было вовсе не тихо, а, напротивъ того, очень даже шумно — неугодно ли, пожалуй те...»

Когда затеплились звѣзды, Степкинъ черный силуэтъ потянулся вдоль освѣщенной сіяніемъ дороги, становясь все меньше, все меньше, и, наконецъ, точно слился съ далекой темной фигуркой, искони грозившей селу. Больше не возвращался Степка въ Цѣлебѣво никогда: знать дни свои онъ упряталъ въ лѣса; быть можетъ, тамъ, на сѣверѣ, черный, волосами обросшій схимникъ, въ кой вѣкъ выходящій на дорогу, и былъ прежній

Степка, если Степку не скосила злая казацкая пуля, или если его, связанного, въ мѣшкѣ, висѣлица не вздернула къ небесамъ.

въ овчинниковъ.

— Остгякъ!.. Ужасный остгякъ!..

— Ну?

— Невѣроятный, чудовищный остгякъ!

— Ну, ну??

— Въ одномъ благогодномъ семействѣ подьтаетъ къ голяю и, знаете, эдакую гуйяду... «Иггаете?» — спгосійя хозяйка...— «Иггаю-съ». — «Ахъ, сыггайте, пожагуйста!..» И пгедставьте себѣ, что онъ отвѣггій?

— ???...

— Судагыня: я иггаю только...—гъязами!

— Хи-хи!

— Ха-ха-ха-ха!

— Кххх!

— Чеавѣкъ! Бѣгогоговенькихъ!—вскричалъ генераль Чижи-ковъ съ пѣвицей на колѣняхъ.

— Ну, и гдѣ же онъ, генераль?

— Спійся—сгагблъ отъ пьянства; самъ видѣй у него во ггу синенькій огонекъ!

— Ну?

— Пгопитайся спигтомъ, какъ фитій: спичка его зажгъа бы.

— Хи-хи!..

— Ха-ха-ха!..

— Кххх!..

— Чеавѣкъ! Бѣгогоговенькихъ!—вскричалъ генераль Чижи-ковъ съ пѣвицей на колѣняхъ.

— Откуда у васъ, генераль, завелись денежки?

— А?

— Ну-ка!..

— Служащій изъ ломбарда божился, что вы извозили заложить чудеснѣйшій брилліантикъ-съ—хи, хи!..

— Надѣюсь, не краденый?

— Хи-хи!

— Надѣюсь!—пронически похохатывалъ генералъ...

— Нѣтъ, господа: дѣло не въ томъ—что тамъ: подите рассказывайте... Какъ бы ни такъ! А вотъ я вамъ расскажу: мой пріятель—такъ у него названія наливокъ, настоекъ и винъ—въ алфавитномъ порядкѣ, отъ «а» до ижицы включительно... А то, что тамъ—«сторѣлъ»: какъ бы ни такъ! Вотъ пріятель мой: бывало, къ нему пріѣдешь, сейчасъ это онъ тебѣ смѣсь на слово «абракадабра» предложить, либо на слово «Левіаѳанъ»; «абракадабра»: «а»—анисовки подольетъ; «б»—барбарисовки; «р»—рислинга; и такъ далѣе; выпьешь—готовъ!

Такъ рассказывалъ ословѣвшій земскій начальникъ изъ Чмари, махая рукой.

Затканный розовымъ шелкомъ, огнями сіялъ кабинетъ: то и дѣло въ двери врывался лакей; влетали и вылетали пѣвички; губернскіе богатѣи и дворяне въ непринужденныхъ позахъ разваливались кто на софѣ, кто на диванѣ, кто на столѣ, а сѣдѣющій безъ сюртука красавецъ, такъ тотъ, стоя спиной къ пьянино, шлепнулся вдругъ на клавиши и вздыхалъ:

— Лучшие годы, лучшие годы! Москва, Благородное Собранье: а? Гдѣ это?

— А? Гдѣ это?—раздалось изъ угла.

— Мазурка: тра-рара-та-трарара! Въ первой парѣ — графъ Берси-де-Вгреврень съ Зашелковской, во второй парѣ...

— Во второй парѣ—полковникъ Сесли съ Лили,—перебилъ голосъ изъ угла.

— Да: во второй парѣ полковникъ Сесли съ Лили. Лучшие годы! А теперь: полчетверти въ день!

— Какой тамъ: я такъ давно переѣхалъ на четверть!—раздалось изъ угла...

— Можетъ, у васъ еще есть какой брилліантикъ?—наклоняется къ генералу толстякъ, случайно попавшій въ дворянскую эту компанію.—Я бы ему ужъ нашелъ сбытъ...

— Душка, подари его мнѣ! — приникаетъ къ Чижикову пѣвица...

— Что вы—никогда! Искъютитейный съючай, когда пгикодится газставаться съ фамійными дгагоцѣнностями: что пгикажете дѣять—временная нужда!—конфузится генераль.

А сбоку раздается:

— Театръ! Оперетка... Помнишь «Mascotte»... Черновъ, Зорина и незабвенное: «Каа-къ я люю-блюю-уу-уу гуу-сятъ».

— «Аа яя люю-блюю-уу-уу яя-гнятъ»,—подгянуль голосъ изъ угла.

— «Какъ аании кричатъ: гау-гау-гау»...

— «Какъ заголосятъ: бээ!»—раздалось изъ угла.

— «Гау-гау-гау—бээ!»

— «Бээ!!»

— «Бээ!!»--подхватили хоромъ сѣдѣющіе дворяне, вспоминая молодость, незабвенную Москву, незабываемую «Mascotte»...

Обливался вовсе испариной сидѣвшій въ углу Лука Силычъ; не поблескивали его сегодня глаза; намалеванная пѣвичка не посиживала у него на колѣняхъ сегодня; явственнѣй надъ шампанскимъ согнулась спина; явственнѣй подъ глазами повисли мѣшки; сѣдая бородка дрожала явственно подъ губой, и сѣрая явственно дрожала клѣтчатая колѣника: его била дрожь—вотъ ужъ который, который разъ; сладкая слабость и головокруженіе уносили его домой, къ Аннушкѣ къ Голубятнѣ; что пѣвички! Вотъ Аннушка—такъ ужъ Аннушка! Около мѣсяца, какъ, тайно отъ самой, по его, Луки Силыча, настоянью она приходитъ къ нему по ночамъ—спать вмѣстѣ; пьютъ по ночамъ они сладкія вина—и, ну, всякимъ, забавляются межъ собой; послѣ же тѣхъ ночей—пуше прежняго слабость одолѣваетъ; вовсе на старости лѣтъ какъ послѣдній мальчишка, или того хуже: какъ послѣдній скотъ втюрился онъ въ босоногую женину ключницу... Что пѣвички! Аннушка — такъ ужъ Аннушка! Трясется колѣника, бородка, паучьи пальцы, бокалъ; золотыя капли, холодныя капли шампанскаго расплескались на столъ. Думаетъ онъ: къ Аннушкѣ бы! Отъ всего теперъ здѣсь Луку Силыча мутить: отъ дво-

рянчиковъ—мутить; ишь—пьяныя рожи; собрались въ губернское земское собранье—спасать Россію отъ революціи; какъ же! Отъ торговаго люда Луку Силыча мутить; отъ шампанскаго—мутить; а пуще всего замутило отъ генералишки, отъ Чижикова; гадость отъ генералишки; натаскалъ за извѣстный процентъ ему векселей Граабеной баронессы; Граабена у него въ рукахъ, генералишка же теперь ему вовсе не нуженъ; опивало онъ, обжирало, да къ тому еще—и воръ, сыщикъ и скандалистъ.

А генералишка тамъ перешептывается въ углу:

— Ну, пожагуй, я вамъ покажу бгилліанты...

— Да, сновидѣнья всѣ полны значенья...

— Даа,—

—снаа-вии-дѣнья всѣ праарочества...

— Паа-лны!—режутъ пьяные баре и глаза ихъ хотятъ выскочить изъ орбитъ; одинъ обращается въ пѣніи къ другому; другой дѣлаетъ жестъ первому; иной, выпятивъ шею, клюетъ въ потолокъ носомъ; иной съ пѣвичкой куда-то скрылся давно.

— Да, снаа-видѣнья всѣ полны значенья...

— Да,—

—снавидѣнья всѣ праарочества...

— Паа-лны!—режутъ пьяные баре.

Лука Силычъ незамѣтно взглядываетъ на часы: не опоздать бы на поѣздъ, отходящій въ Лиховъ во что ни на есть неурочное время—въ четыре часа утра; онъ встаетъ, расплачивается по счету, оглядываетъ дворянъ, вспоминаетъ поджоги усадебъ; и выходитъ.

«Дырдырды»—подпрыгиваетъ съ нимъ пролетка по овчинниковскимъ камнямъ; уже свѣтаетъ; Лука Силычъ думаетъ о томъ, что у Аннушки бѣлыя ножки и что послѣ завтрашней ночи будетъ онъ больной: слабость да испарина, испарина да слабость—пора помирать!

«Больше году не выдержать мнѣ едакой жизни,—капуть»,—думаетъ онъ и жалобно шепчетъ:

— Аннушка!..

«Дырдырды»—подпрыгиваетъ пролетка по овчинниковскимъ камнямъ: Метелкинская желѣзнодорожная вѣтвь уже тамъ, вонъ, блистаетъ стрѣлками.

спутникъ.

На станціи тягота, духота; хотя уже день, но мигаютъ назойливо лампы; толстый офицеръ, чей смирительный отрядъ уже съ мѣсяцъ стоитъ на постой въ подѣ-лиховскихъ селахъ, аппетитно уписываетъ телячью котлетку и стрѣляетъ глазами въ неизвѣстно для чего тутъ прогуливающуюся даму въ ярко-зеленой шляпѣ и пунцовомъ пальто съ лицомъ, на которомъ нельзя ничего разобрать, кромѣ бѣлой мази, багрово вырисованныхъ губъ да красного на щекахъ румянца.

Тутъ же на лавкѣ среди картонокъ, тесемокъ, кульковъ, птичьихъ клѣтокъ, перевязанныхъ тесемкой зонтовъ мечется въ полуснѣ изможденная дама съ подвязанными зубами, съ набокъ надѣтой шляпкой и пятью малышами, изъ которыхъ одинъ такъ и заснулъ съ домашнимъ въ рукѣ пирожкомъ; пассажиръ неопредѣленнаго званія тутъ же прокаживается, поджидая поѣзда въ Лиховъ; уже не производится продажа газетъ, уже послѣднюю въ буфетѣ заказали котлетку, послѣдній выпить пива бокалъ: люди измаялись, свернулись на лавкахъ; лишь палатъ духотою жестокіе, желтые огни.

На платформѣ не то: тамъ—утро, свѣжесть, движеніе; многіе перекрещивающіеся пути; на путяхъ лиловые, желтые вагоны; и маневрируетъ, ползая по рельсамъ, и реветъ паровозъ; машинистъ въ форменной фуражкѣ высунулся съ паровозной площадки; волосатая моетъ руки набранной въ ротъ водой; тамъ замигали многія стрѣлки; и бѣгаетъ тамъ, и поругивается сторожъ; въ рукѣ у него фонарь и свернутый у лаковаго пояса флагъ; а наискось круглое зданіе многіе на платформу разъяло зѣвы; изъ каждаго зѣва поглядываетъ паровозъ; но семафоръ взлетѣлъ на шестьдесятъ градусовъ и на запасномъ пути мчится товарный поѣздъ.

Лука Силичъ лѣнливо позѣвываетъ, лѣнливо поглядываетъ, угадываетъ надписи на вагонахъ, пролетающихъ мимо: «Владикавказская, Забайкальская, Рыбинско-Вологодская, Юго-Западная». Прочитываетъ невольно срочный

осмотръ: «1910, 1908, 1915»... Пролетаютъ вагоны, пролетаютъ въ вагонахъ туго жующія морды воловъ, пролетаетъ бѣлый вагонъ съ надписью «Ледникъ»; и площадки летятъ; и пустыя, и съ пескомъ, и съ досками; пролетаетъ площадка и на ней всего два колеса; пролетаетъ и нефть «Теръ-Акопова», еще площадка; а за нею послѣдній вагонъ: пролетѣлъ поѣздъ; улетаетъ кондукторъ, подъ нимъ же у рельсъ улетаетъ красненькій фонарикъ.

Опять многіе рельсы; таскается по нимъ паровозъ; въ бѣлое утро бѣлые клубы извергаются съ крикомъ свистокъ: сумасшедшій, веселый окрикъ!

Бритый баринъ съ сѣрыми волосами, въ наглухо застегнутомъ коричневаго цвѣта пальто прохаживается медленно; и все мимо Луки Силыча; у барина шапка съ наушниками; далеко выпятился впередъ длинный носъ и верхняя баринова губа; все же прочее далеко отступило; стройный баринъ, хоть старый; руки онъ прячетъ въ кармашки, продѣланные спереди пальто; и все—мимо купца; съ праваго зайдетъ съ боку, съ лѣваго—обгонитъ, пуститъ впередъ; лакей за нимъ носить пледъ.

И Лука Силычъ интересуется бариномъ; баринъ впередъ отойдетъ—Лука Силычъ за нимъ: съ праваго зайдетъ съ боку, съ лѣваго—обгонитъ, пуститъ впередъ; будто случайно; а думаетъ: «я гдѣ только видывалъ я этого барина: ишь, какой—важная будетъ особа; лѣтъ, поди, шестьдесятъ; въ спину же вовсе молоденькій; выпрямилъ плечи, ходитъ себѣ—съ лакеемъ.»

Отойдетъ баринъ къ самому къ краю платформы, тащится за нимъ и Лука Силычъ скуки ради и празднаго любопытства ради; а пройди къ тому къ краю платформы Лука Силычъ, да обернись,—тутъ-какъ тутъ за нимъ старый подглядываетъ баринъ, а за бариномъ—съ пледомъ лакей.

Такъ и ходили тутъ болѣе часу они другъ за другомъ въ ожиданіи лиховскаго поѣзда; а уже близится поѣздъ, и подымаютъ семафоръ; высыпали на площадку: барыня съ подвязанною шекою, съ пятью малышами, кульками, картонками, клѣтками, и уже на площадкѣ отдѣльно отъ дамы толстенькій офицеръ, пассажиръ неизвѣстнаго званья, толпа мужиковъ съ пилами и мѣшками, жандармъ и господинъ станціонный начальникъ въ крас-

ленькой шапочкѣ—съ Лукой Силычемъ раскланивается почти-тельно; Лука Силычъ глядитъ—что за диво: бритый баринъ къ начальнику станціи подошелъ, на Луку Силыча носомъ указываетъ, громко сморкается, третъ переносицу, и, видно, выспрашиваетъ: какая такая, молъ, ходитъ персона тутъ: Лука Силычъ губы поджалъ и надменность у себя на лицѣ изобразилъ: «Гдѣ я этого барина видывалъ? Только, будто, онъ былъ моложе»...

Но подкатилъ лиховскій поѣздъ, и уже вотъ Лука Силычъ въ вагонѣ перваго класса; три часа ему до Лихова маяться; слабъ, слабъ и хворъ лиховскій мукомолъ!

Только-было это ему пришло въ голову расположиться, какъ дверь отдѣленья раскрылась и противъ него старый усѣлся баринъ; ланей ему положилъ пледъ; и ушелъ; одни они другъ передъ дружкой сидятъ, другъ на дружку поглядываютъ; Лука Силычъ тайкомъ, а баринъ такъ вотъ и уставился на него; одно безстыдство!

Взялъ Лука Силычъ да перешелъ во второй классъ (пустые были вагоны); не прошло и пяти минутъ, во второй классъ перешелъ и баринъ; сидитъ насупротивъ: просто не выдержалъ Лука Силычъ:

— Вамъ, осмѣлюсь спросить, до Лихова?

— Да, господинъ Еропѣгинъ,—тоненькимъ голоскомъ протянулъ старый баринъ: не то разсмѣялся, не то расплакался.

— А съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Я ѣду въ уѣздъ изъ Петербурга по мамашинымъ дѣламъ—да!

«Какихъ же лѣтъ будетъ его мамаша?»—подумалъ Лука Силычъ.

— А самъ я—Тодрабе-Гаабенъ...

Такъ Луку Силыча и замутило: оконфузился, трясушка схватила: вотъ вѣдь барона-то онъ и забылъ, а придется, придется съ барономъ ему говорить о дѣлахъ; а дѣла-то не чистыя; а баронъ-то—сенаторъ «по юридической части».

А баронъ-то молчокъ: улыбается молча; хоть бы слово о дѣлѣ; разбалливается Лука Силычъ; выдержать онъ не можетъ баронова взгляда; схватило его подъ дожечкой; всталъ и ушелъ въ третій классъ.

Густо и душно въ вагонѣ третьяго класса; «мѣстовъ» — нѣтъ; около дамы съ картонками примостился рабочій; насу-противъ—кульки.

— Всякій обыватель, взявшій билетъ, имѣетъ право получить мѣсто,—сухо отчеканиваетъ Лука Силычъ, а самого мутить, отъ дамы—мутить, отъ пяти ея малышей—мутить, отъ рабочаго—мутить; но здѣсь еще лучше, чѣмъ тамъ, наединѣ съ врагомъ: съ сенаторомъ.

Лука Силычъ сидитъ. Въ окнахъ желтыя, слѣпыя, никлыя нивы, кое-гдѣ наставленныя копны и краснѣющая гречиха; кругозоръ пыльно голубой, далекій мчится съ поѣздомъ по одной линіи, гдѣ-то круто сворачивая за вагоннымъ окномъ, а подъ окнами тѣ же на встрѣчу бросаются нивы: будто пространства закрутились по кругу; все, что ни есть, несущееся вдали, проносится подъ оконнымъ стекломъ обратно.

Говорливый рабочій съ кроткимъ лицомъ (видно, изъ рото-зѣвъ), не выдержавъ молчанья, обращается къ Лукѣ Силычу:

— Я вотъ сейчасъ безъ полочки ѣду; везу вотъ чаю-сахару, баранокъ. Мы собрались просить намъ выдать; нѣтъ, не согласился: такъ ѣду.

Злится купецъ, обливается потомъ; онъ обрываетъ рабочаго.

— И нечего было ходить: вполне было поступлено съ вами на законномъ основаніи!

— Да какъ же такъ?

— Тебѣ нужно, а управляющій распинайся!..

Рабочій выслушиваетъ внимательно:

— Сто двадцать человекъ ходили еще просить; опять-таки отказалъ—не далъ.

— Я тебѣ уже объяснилъ: понялъ!

— Понялъ.

Молчаніе...

За окномъ то вверхъ, то внизъ телеграфная бѣгаетъ проволока, само оконное стекло въ пыли; то вверхъ, а то внизъ бѣжитъ телеграфная проволока; мошка, сидящая на стеклѣ, кажется далеко парящей въ поляхъ птицей; «чортъ бы побралъ генералишку!»—думаетъ Еропѣгиня; жуткое что-то ему въ баронѣ по-

чудилось; знаетъ ли онъ, какія такія у мамыи его съ нимъ дѣла? Какъ не знать—знаетъ: еще чего добраго, заберется баронъ сюда, въ третій классъ; и чего это ему, Еропѣгину, страшно?

Но рабочій не унимается:

— Везу вотъ чай-сахаръ, баранокъ: а въ этомъ году сѣять нечего...

— То-есть какъ это нечего?—наставительно удивляется Лука Силычъ, и вступаетъ въ разговоръ, чтобы больше не думать о баронѣ, генералѣ да Аннушкѣ.

— На обсѣваніе полей, значить, нѣтъ зерна...

— Почему же это у другихъ есть, а у тебя нѣтъ?

— Какъ у меня нѣтъ? И у другихъ нѣтъ; мы приговоръ писали; 75 человекъ подписались; ну, и отказали...

— Потому оно такое установленіе по всей державѣ...

— Такъ я ничего не говорю; я только къ тому, что трудно стало намъ жить...

— Ну, это опять же ты не умно говоришь...

— Да я...

— А только ты долженъ выслушать, что тебѣ скажутъ: не перебивай... У насъ по всей державѣ занимаются, можно сказать, земледѣіемъ, хлѣбопашествомъ и наша держава ни передъ какой другой... не уступить. И всѣ живемъ, слава Богу...

— Да, слава Богу, слава Богу: въ этомъ году опять сѣять нечего...

— Это опять же ты глупо сказалъ; хулиганическое слово это ты сказалъ... Если ты хочешь быть хулиганомъ, можешь такъ говорить (Лука Силычъ вмѣнилъ себѣ въ правило просвѣщать темный людъ)... И опять же я тебѣ объяснилъ: я кончу, тогда говори; а если желаешь перебить, то долженъ предупредить—понять?

— Теперь вы кончили?

— Кончилъ: можешь говорить...

Но разговору суждено было оборваться; дверь отворилась и кондукторъ предупредительно наклонился надъ Лукой Силычемъ:

— Тамъ баринъ вотъ изъ перваго класса проситъ васъ пожаловать къ нимъ: поговорить.

Нечего дѣлать: кряхтя, поднялся Еропѣгинъ и пошелъ въ первый классъ; уклониться отъ разговора такъ прямо онъ не желалъ; ему вслѣдъ пассажиры смѣются:

— Ишь какой—распорядитель...

— Должно быть, кадеты!..

— Прямо собака какая-то!..

— Баринъ!..

.....
А Еропѣгинъ уже въ первомъ классѣ передъ сенаторомъ.

— Васъ-то, господинъ Еропѣгинъ, мнѣ вѣдь и нужно: вотъ дорогу мы и поговоримъ...

Ну, и поговорили.

Всѣ что ни есть два часа, остающіеся до Лихова, только и было рѣчи, что объ акціяхъ 'Вараксинскихъ рудниковъ да Метелкинской желѣзнодорожной вѣтви; Еропѣгинъ слово—баронъ десять; Еропѣгинъ въ обходъ—баронъ въ десять обходовъ; такъ его загонялъ, параграфами да статьями закона, что былъ Лука Силычъ дѣльцомъ, а предъ барономъ сталъ отступать; а баронъ-то за нимъ—судомъ застраиваетъ и тихо такъ, съ лаской да выдержкой; просто измучилъ купца, котораго отъ слабости, тошноты, грезъ объ Аннушкиныхъ поцѣлуяхъ да страха передъ сенаторомъ «по юридической части» просто-таки скрючило.

И они уже вотъ передъ Лиховымъ.

— Я вамъ совѣтую лучше самимъ отказаться отъ требованій; въ случаѣ суда, я упеку васъ въ тюрьму; вамъ продѣнуть кольцо въ носъ и потащить на каторгу (баронъ всегда выражался образно: онъ былъ большимъ чудачкомъ).

Такъ неожиданно закончилъ баронъ съ грустнымъ вздохомъ, бережно сдувая пылинку съ дорожного несессера.

И они замолчали: въ голубомъ просвѣтѣ окна качались ихъ старческіе силуэты: купецкій и барскій; больной, зеленый, съ блистающими на солнцѣ глазами и сѣденькой бородой и розовый, бритый, длинноносый, весь пахнуцій одеколономъ—два старика: у одного на пыльных рукахъ золотое кольцо съ крупнымъ рубиномъ; у другого нѣтъ никакого рубина, но руки въ

черныхъ перчаткахъ; у одного ремнями связанный пледъ и подушка; у другого пледъ безъ ремней и маленькій несессеръ; у одного на лицѣ, простомъ, иконописномъ, развратъ совершенно высушилъ губы; у другого безполое лицо грустно розовое, а сочныя губы играютъ ироніей; одинъ высокъ, угловатъ, сухъ и когда на пиджакъ смѣняетъ свой купецкій черный нарядъ, то у пиджака торчатъ надставныя плечи; плечи другого округлы, а спина пряма, какъ у юноши; одинъ—въ картузѣ, другой—въ черной шелковой шапочкѣ съ наушниками и въ дорогой черной блузѣ; одинъ сѣдъ; другой еще сѣрѣ, хотя и ровесникъ сѣдому; одинъ—мукомоль, мужикъ; другой—баронъ, сенаторъ.

— А у васъ дѣти есть?

-- Есть.

— Чѣмъ же они занимаются?..

— Сынъ въ университетѣ...

— Бѣдный, въ такомъ случаѣ онъ—погибъ,—вздохнулъ баронъ въ неподдѣльномъ ужасѣ.

— То-есть какъ?

— Да очень просто: для умственного труда нуженъ отборъ и хорошая наслѣдственность...

Этого вовсе Еропѣгинъ не понялъ; онъ только понялъ одно: баронъ былъ хотя и чужакъ, а такая дѣляга, что лучше ужъ не путаться съ нимъ въ дѣла.

Вагонъ закачался изъ стороны въ сторону, уже изъ-за горбатой равнины выдался лиховскій шпидъ; прошла мезьяница, потянулись вагоны; поѣздъ остановился; два лиховскихъ носильщика стояли панями; пассажиры умоляюще кидались на нихъ; тутъ же шнырялъ экономическій староста съ льняной до пояса бородой, испуганно заглядывая въ окна вагоновъ и отыскивая господъ; расторопный лакей уже вбѣжалъ въ отдѣленье, и ему передалъ теперь баронъ свой пледъ и несессеръ: «Сдѣлайте милость, облегчите меня, мой другъ!».

— До свиданья,—протянулъ кротко баронъ свою мягкую руку Еропѣгину, не снимая, однако, перчатокъ—и уже вотъ онъ скрылся въ лиховской толкотнѣ.

духота.

Жарило: Лука Силычъ едва не обжегся, коснувшись желѣза пролетки; изъ головы его баронъ не выходилъ, какъ не выходила босоногая Аннушка, которая вотъ—ждетъ ли его сейчасъ, такую рань; небось, спать себѣ: сама-то Оекла Матвѣевна встаетъ развѣ что къ одиннадцати часамъ. Странное дѣло: точно стѣны дома его были отравлены болѣзью; едва попадалъ онъ домой, безконечная одурь сознаниемъ его овладѣвала, и все ему дома казалось не по себѣ: Оекла отъ него свои утаивала глаза; слуги косились и точно отъ него что поприпрятывали. Душно ему, а тутъ еще этотъ баронъ съ судной угрозой.

Уже они подъѣзжали къ Ганшиной улицѣ, въ концѣ которой виднѣлся деревянный его особнякъ, а кругомъ теперь съ неба валились на землю душныя тучи, хотя было едва ли восемь часовъ утра: быть грозѣ, быть.

Долго звонился Лука Силычъ у своего у подъѣзда: никакъ не дозвониться; всѣ, что ли, спятъ? Изъ насупротивъ домика, гдѣ проживалъ портной «Цизикъ-Айзикъ», на него установилась соболѣзнующая жидовка, вся состоящая изъ морщинъ и тряпья; она махала рукой Лукѣ Силычу:

— Звоните, звоните... Не дозвонитесь: у прислуха-то ваша ночью буль пиръ; съ пять часовъ утра выходилъ Сухоруковъ, выходилъ Какуринскій, выходилъ старушонка съ пріюта.

«Это что же такое?» подумалъ Лука Силычъ: мало было судьбѣ слабостью, да тошнотою, да мыслями о босоногой Аннушкѣ его затомить; мало было, чтобы три битыхъ часа петербургскій сенаторъ въ вагонѣ ему такое развелъ, что до сихъ поръ едва онъ можетъ очнуться; нѣтъ, извольте еще по пріѣздѣ порядокъ наводить всякій (Лука Силычъ крѣпко стоялъ за порядокъ). Отчаявшись дозвониться, Лука Силычъ сошелъ со ступенекъ крыльца и что есть мочи заколотилъ въ ворота; за воротами тогда раздалось чавканье и сопѣнье, засовъ заскрипѣлъ, и Иванъ Огонь выставилъ свое воспаленное, заспанное лицо; увидѣвъ хозяина, онъ законфузился, опустивъ злобно глаза.

— Что это у васъ безъ меня по ночамъ за гости?—вскинулся на него Лука Силычъ, но Иванъ Огонь молчалъ, какъ пень.

— А?...—продолжалъ Еропѣгинъ его допрашивать.

Но Иванъ Огонь будто бы даже озлился:

— Каки-таки хости? Никакихъ такихъ хостей не видывамъ!..

— Да ты руками-то не размахивай, не приучайся къ тому: опусти руки...

— Да я, да што: никакихъ хостей, во те хрестъ, не и видомъ-то не видалъ.

— Ладно, а что жидовка то мнѣ говорила?—обернулся Лука Силычъ къ портновскому окну; но тамъ уже у окна не торчала жидовка.

— А жидовка—жидовка и есть: жидовка всякое брешеть; вѣрьте, пожалуй, жидовкѣ... Жидовка...

— Не разсуждай руками, опусти руки, пришей ихъ тамъ, чтоль... Бери вещи!—изнемогаетъ Лука Силычъ.—Тамъ ужъ мы разберемъ... Ишь, быть грозѣ...

— Да,—почесался за ухомъ, озираясь на небо, Огонь,—наглобучило...

Сухо и важно проскрипѣлъ сапогами хозяинъ въ свой кабинетъ; пусто и густо въ его кабинетѣ; онъ опустился въ кресло; скоро защелкали его счеты, загремѣли ключи, шелестѣли межъ пальцевъ бумаги, квитанціи, векселя и расписочки; съ безпокойствомъ онъ пересматривалъ бумаги по грабенковскому дѣлу и начиналъ понимать, что баронъ-то вѣдь, пожалуй, и правъ: съ эдакими бумажками не ограбишь старушки, а развѣ что только напугаешь; не часъ, и не два хозяинъ изнемогаетъ отъ мыслей, слабости, тошноты да какой-то сухой грусти: вотъ то-же сторожъ Иванъ; не разъ казалось хозяину, что и сторожъ Иванъ угрюмо подглядываетъ за нимъ для какого-то такого обмана—отпустить бы его, отпустить, не медля...

Вдругъ вниманіе его отвлеклось; у себя въ пепельницѣ онъ замѣчаетъ окурокъ; руку купель протянулъ, окурочекъ со всѣхъ сторонъ осмотрѣлъ и рѣшилъ, что такихъ папиросъ гости его курить не могли; значитъ, кто-то тутъ въ его отсутствіи, въ кабинетѣ сидѣлъ; кто бы это могъ быть?

Смотрѣлъ: и чехоль-то на креслѣ сдвинуть, и на ковръ-то сухой грязи шлепокъ подъ кресломъ; Оеклѣ Матвѣевнѣ тутъ нечего дѣлать, да и грязи шлепка она не посадить. «Гости, значить, это сюда безъ меня повадились,—думаетъ Еропѣгинъ,—Оекла, значить, объ этомъ знаетъ, а мнѣ—ни слова: то-то вотъ она давненько въ глаза не глядитъ; можетъ, какого любовника завела—тьфу!» Луку Силыча такъ затошнило отъ этой мысли, что онъ сплюнулъ, представивъ себѣ «л е п е х у» въ роли любовницы.

— Нѣтъ, это не дѣло!—рѣшилъ онъ и вспомнилъ, какъ жидовка ему говорила: и Сухоруковъ, де, мѣдникъ, и—старушенки пріютныя ночью тутъ были—что за чортъ! Чего имъ у меня по ночамъ надо!—Вспомнилъ про стрекотанье да шиканье по угламъ Лука Силычъ, вспомнилъ, какъ стѣны дома на него вотъ болѣе году хмурятся, и даже въ потъ бросило:—Нѣтъ, это я все разслѣдую: погодите, Оекла Матвѣевна, погодите; я уже васъ научу, какъ въ собственномъ моемъ домѣ тайны отъ меня заводить, да пиры безъ вѣдома безъ моего устраивать...

Позвонилъ:

— Позвать Оедора.

Появляется Оедоръ, съ перепоя.

— Кто нынче ночью тутъ у насъ былъ?

— Не можемъ знать: кажись, никого не было...

— А ты, братъ, видно, опять за алко́холь!

Оедоръ почесывается:

— Малость выпивалъ: поднесли...

— Какъ ты это признаешь, я тебѣ долженъ сказать: несчастный ты человѣкъ, коли употребляешь алко́холь: это большое зло, и пропащій тотъ человѣкъ, который употребляетъ алко́холь.

— Вѣрно, сознаю—паразитъ человѣческій...

— Ну, это ты глупо сказалъ: развѣ можетъ па-ра-зитъ человѣческій? Что такое па-ра-зитъ? Можешь ты это разобрать?.. Ну, пошелъ!..

Такъ: Оедора, значить, они подпаиваютъ—Оедоръ не въ стачкѣ; ладно, ладно—все разберемъ, что и какъ. Сидитъ Лука Силычъ, посверкиваетъ глазами—губы сжалъ, а самого-то то-

пнить, въ виски бьетъ и слабость пуще прежняго одолеваетъ: Федоръ, баронъ, обманные поступки... Сухая сѣдаетъ Луку Силыча грусть. А уже въ домѣ встаютъ: топотанье, посуды звонъ, шлепанье туфель Оклы Матвѣевны; всѣ уже знаютъ—самъ изъ Овчинникова вернулся.

А не въ урочный день пожаловалъ изъ Овчинникова Лука Силычъ: никто его эдакую рань не ожидалъ. Что было тутъ—ниги! Цѣлую безъ него промолились ночь голуби, и даже не въ банѣ, а въ столовой; до моленья же было у голубей важное совѣщанье; совѣщались о томъ, что политическіе разговоры да прокламаціи временно пора прекратить; уже полиція рыскала по сѣдамъ голубей; слишкомъ явно въ Лиховѣ раздавались съ черными съ крестами листки; нѣтъ-нѣтъ, и накроютъ; особенно послѣ грачихинскихъ безпорядковъ да бунта попика Николая всякія въ Лиховѣ завелись строгости; пожаловалъ сюда эскадронъ; помнили лиховцы, какъ Токиныхъ да Алехиныхъ съ перекрученными руками везли на телѣгахъ по Паншиной улицѣ—въ острогъ.

Выгнанный изъ семинаріи семинаристъ долго пытался отстаивать лиховскую политическую платформу, но Сухоруковъ мѣдникъ сталъ на своемъ; по этому поводу непріятный у нихъ разговоръ вышелъ: объ умѣ.

— Я, можно замѣтить, не дуракъ и умнѣ многихъ по политичности...

— Я самъ не дуракъ: еще неизвѣстно, кто умнѣ...

— Какъ это вы странно говорите! Невѣжливо даже, можно сказать, обидно. Я еще не встрѣчалъ человѣка умнѣ себя. Бываютъ, можно найти, но рѣдко. Я еще не встрѣчалъ... Я съ вами больше не могу продолжать разговоръ, не желаю: можете говорить, я не слушаю,—надулся-было Сухоруковъ; но ихъ помирили. Все-таки мѣдникъ настоялъ на своемъ, и съ политикой голуби пока что поприкончили.

Среди причитаній пріютскихъ старушекъ «лепеха» прочла столяра Кудеярова цыдулю о томъ, что уже дитѣ голубиное, человѣческое, нарождается отъ духовныхъ двухъ человѣческихъ естествъ; голуби передавали другъ другу, что вокругъ Цѣле-

бѣвской волости цѣлое-де происходить движеніе и вездѣ голубямя тамъ—пріють да ласка.

Оекла Матвѣвна утромъ передъ собраньемъ ту получила пыдулю чрезъ нишаго, чрезъ Абрама, и тутъ же рѣшила на слѣдующій день въ Цѣлебѣво съѣздить, на тѣ посмотрѣть мѣста, подѣ предлогомъ побить въ деревенькѣ, навѣдаться на мельницу; въ тѣ времена Оекла Матвѣвна дни и ночи въ отсутствіе мужа молилась, такъ что маленечко она сдала, пообвисла; но сами глаза еще болѣе отъ того стали лучисты и чисты: моська моськой—глаза преангельскіе.

Вотъ только самъ некстати пожаловалъ; думала она безъ него удрать, а послѣ, какъ вернется, такъ предлогъ можетъ найтись всегда, отчего отсутствовала; теперь же какъ самому заявить объ отъѣздѣ? А уже Оедоръ вотъ лошадиную сбрую чистить: поздно откладывать.

Съ такими мыслями встрѣтилась она съ благовѣрными: другъ другу сухо въ ладони вложили они пальцы; самъ смотритъ—прегаденькая предъ нимъ лепешка-обманщица; думаетъ:

«Ладно, ладно! Глаза опускай — знаю я, съ чего это взоръ воротитъ: тайны у васъ безъ меня завелись».

Смотритъ сама,—Господи Боже мой, — кашей передъ ней безсмертный; тощій, блѣдный, въ испаринѣ, руки подергиваются, подѣ глазами круги.

Съ замираніемъ сердца «лепеха» сообщила супругу, что она желала бы на денечекъ, на два подышать деревенскимъ воздухомъ а рама тнымъ, кстати, попадью цѣлебѣвскую навѣстити, да и за мельницей присмотрѣть — все же хозяйкинѣ глазъ.

Бропѣгинъ-было подумалъ: «тутъ тебя, голубушка, я и поприжму», да поприжать Оеклу Матвѣвну онъ раздумалъ: во-первыхъ, въ ея отсутствіе слѣдствіе онъ наведетъ, какіе такіе гости къ нимъ въ домъ по ночамъ шляются; во-вторыхъ, съ Аннушкой ему, безъ самой-то, сподручнѣе миловаться.

— Что-жъ, поѣзжай...

— Я ужъ и Аннушку прихвачу Голубятню...

— Анку не брать!—цыкнулъ на нее Лука Силычъ, — безъ

Анки домъ придетъ въ безпорядокъ; Анка—туда, Анка—сюда.. Не поспѣтъ Анкѣ со всѣмъ управиться...

Подали тройку; съ перевязанными подушками, кадочками, одѣяльцами сѣла подвязанная лепешка; колыска татарарыкала.

И едва опустѣлъ домъ, какъ сталъ по тому по пустому дому расхаживать Лука Силычъ—все обнюхивать, перевертывать, въ ларяхъ копаться; забрался въ комнату Ѳеклы Матвѣевны—глядь: подъ подушкой забытые ключи отъ сундука да свернутое рукодѣлье; онъ—разглядывать: странное рукодѣлье: какіе то все кресты, а посередь крестовъ голубь серебряный съ вокругъ головы сіяньемъ: «Те-те-те!»—развелъ руками Лука Силычъ; рукодѣлье спалъ, унесъ въ кабинетъ: заперъ, снова вернулся: взялся за ключи, полѣзъ подъ кровать; подъ кроватью—сундукъ кованный; сундукъ выдвинулъ; крышку приподнялъ: «те-те-те-те, прокламаціи! Уряднику надо бы сообщить»... Такъ подумалъ Лука Силычъ, да надъ сундукомъ и присѣлъ: сталъ оттуда таскать Лука Силычъ предметы: сосуды, длинныя до полу рубахи, огромный кусокъ голубого шелку съ нашитымъ на немъ человѣческимъ сердцемъ изъ краснаго бархату и съ терзающимъ то сердце бѣлымъ, бисернымъ голубемъ (ястребинный у голубя вышелъ въ томъ рукодѣліи клювъ); вытащилъ два оловянныхъ свѣтильника, чашу, красный шелковый платъ, лжицу и копіе; все-то Лука Силычъ изъ сундука потаскалъ, закопошился у утвари—бѣлый, хилый и цѣпкій въ длиннополомъ черномъ своемъ сюртукѣ забарахтался онъ среди шелковъ да рубахъ, будто среди паутины паукъ:

— Ааа! Ааа!..—могъ только онъ выговорить и выйти изъ комнаты даже въ страхѣ какомъ-то; только и могъ въ темномъ стать корридорѣ, у стѣнки—ослабѣлъ: потъ льется градомъ, дыханіе захватило, а съ чего—самъ не знаетъ: чуетъ, преступное что-то такое.

По коридору топочетъ Аннушка-Голубятня; косы бьются у ней за гибкой спиной; сама съ собой ухмыляется, прижатого къ углу Еропѣгина не видитъ; онъ ее—хватъ за юбку. «Охъ, испужали!» — хохочетъ ключница, да босой отъ него отпихивается ногой: видно, думаетъ,—самъ-то изволигъ шутки шутить: да куда

тамъ! Какъ поволокъ ее Лука Силычъ къ лепехѣ въ комнату, да въ «предметы» шваркнулъ лицомъ: и въ борьбѣ забарахтались они среди чашъ, шелковъ да рубахъ: «это что? это что?» — тискается ее въ чаши будто бы даже испуганно хозяинъ.

— Это... Это... — блѣднѣетъ она и молчить.

— Говори!..

— Не скажу... — и еще пуще блѣднѣетъ.

Бацъ — ударъ по лицу.

— Говори!

— Не скажу!

Бацъ-бацъ-бацъ, — раздаются удары.

Вдругъ она, изловчившись, вырвалась, отбѣжала, да какъ захохочетъ, нагло такъ: такъ хохотала она, когда старикъ къ ней приставалъ — по ночамъ.

— И чего это вы меня бьете? Сами не знаете, за что! Развѣ не видите, что ефта барынина тайна, а что коли рассказывать, такъ надо все по порядку: вотъ ужъ вечеромъ, — подмигнула она, — все расскажу; утожу вамъ: ефти предметы разложимъ мы по порядку, будемъ вино изъ сосудовъ пить, миловаться; а я ужъ для васъ постараюсь! — тутъ она наклонилась къ нему и, смѣясь, зашептала что-то такое, отчего старикъ какъ-то весь просіялъ.

Динь-динь-динь — тою порой дребезжалъ ужъ который разъ колокольчикъ; надо было итти отпирать: комнату заперли; оказался некстати гость по хлѣбнымъ дѣламъ; волей-неволей заперся съ нимъ Лука Силычъ.

А во фруктовомъ саду Аннушка-Голубятня шепталась съ Сухоруковымъ, съ мѣдникомъ:

— Едакъ, Анна Кузминишна, оставлять не слѣдъ: никакъ, іетта, нельзя; съ іестава часа, коли оставить, намъ капутъ всѣмъ...

— Охъ!

— Какъ ни охайте, а съ нимъ порѣшить придется...

— Охъ, не могу!

— Моей политичности вы довѣрьтесь: я еще не встрѣчалъ человѣка умнѣ себя...

Молчаніе.

— Какъ ни какъ, а ужъ вы ему всыпьте.

— Не могу я всыпать...

— Нѣтъ ужъ, вы всыпьте: опять говорю — политичнѣе себя не встрѣчалъ...

Молчаніе.

— Такъ значитъ—такъ?

— Выкушай, мой ненаглядный, мой любимый, сладкаго винца.

Звукъ поцѣлуя: еще, и еще...

-- Аннушка моя, Аннушка, бѣлогрудая Аннушка!

Звукъ поцѣлуя: еще.

— Вотъ тебѣ, радость моя, сладкое вино; откушай еще... и еще... и еще...

Звукъ поцѣлуя: еще, и еще...

Старикъ въ одной исподней сорочкѣ съ волосатыми высушенными ногами; у него на колѣняхъ бѣлогрудая Аннушка; на столѣ лазурный атласъ, цвѣты, просфоры, чаша; два свѣтильника горятъ по сторонамъ; двери заперты, шторы спущены. Издали бѣшено залилась Иванова колотушка.

— Выкушай, мой ненаглядный, еще сладкаго вина: о, Господи!

— Что это ты такъ?

— Въ сердце кольнуло; ничего себѣ; кушай...

— Такъ, значитъ, «лепешка»-то моя по ночамъ молится въ одной исподней сорочкѣ? Ха-ха-ха!..

— Хи-хи!—Аннушка прячетъ мертвенно блѣдное лицо у него въ волосатой груди.

— Голубями зовутъ?

— Голубями, касатикъ...

— Ха, ха, ха!..

— Хи-хи!—раздается не то смѣхъ, не то визгъ на его волосатой груди.

— Что это ты вся дрожишь?

— Сердце покалываетъ...

Она поднимаетъ чашу и подносить къ его уже гаупо отвисшимъ губамъ.

Колотушка бѣшено бьетъ подъ окнами: въ тьму.

НАДО—НЕ НАДО.

Солнце, большое, золотое, золотыми своими большими лучами моего сухой, чуть бурбующий подь солнцем лугъ, травкамуравка печется въ лучахъ большого, большого солнца; здѣсь качается цвѣтикъ на сухомъ и узкомъ стеблѣ; тамъ зоветъ тебя бѣлоствольная чаша березъ и среди бѣлыхъ стволовъ—мхи, пни, листы; а копни листы здѣсь и тамъ, шапочка выглянетъ на тебя грибная; старый березовикъ такъ и запросится въ твою липовую кошелку; сладкая, осенняя, синичья пискотня—слышишь? А еще июль: но вся уже природа на тебя смотритъ, тебѣ улыбается, шепчетъ березовымъ шепотомъ: «жди августа»... августъ плыветъ себѣ въ шумѣ и шелестѣ времени: слышишь — времени шумъ? августъ уже посылаетъ бѣлочку на орѣшникъ; и мѣсяцъ августъ несется въ высокомъ небѣ треугольниками журавлей; слушай же, слушай родимый, прощальный гласъ пролетающего лѣта!..

Среди маховыхъ цвѣточковъ, березовыхъ пенечковъ, стоитъ себѣ Оекла Матвѣевна въ блаженствѣ въ тихомъ: безмятежно ручки сложила она на животѣ; солнце играетъ на платьѣ ея шоколаднаго цвѣта, на вуалеткѣ, на шляпкѣ огромныхъ размѣровъ съ вишневыми плодами; какъ богиня Помона, шествуетъ умиленная Оекла Матвѣевна среди даровъ лѣта благопріятныхъ; духомъ исполнилось и сердце ея: ароматы щекочутъ ея носъ; мѣлѣтъ она и слабѣтъ она отъ сладкаго, сладкаго чиханья, а пошикъ Вуколь, шагающий вслѣдъ за нею въ своей полотняной рясѣ, всякій разъ возглашаетъ послѣ ея чиха:

— Исполать вамъ, Оекла Матвѣевна!

На что Оекла Матвѣевна стыдливо отвѣтствуетъ:

— Спасибо, отецъ Вуколь: славный вы человекъ.

А у самой въ мысляхъ иное: здѣсь, здѣсь мѣста ароматныя, мѣста благодатныя, мѣста святыя, духовныя; здѣсь, здѣсь нынѣ зарождается радость всяя Руси: Духъ Святъ. Зорко выглядываетъ купчиха изъ-за кустиковъ, кочекъ, канавокъ,—не увидитъ ли благодати.

Вотъ ужъ она въ мѣстахъ, святыхъ, цѣлебныхъ — цѣлебъ-евскихъ; подъ ногами ея ручеекъ струйкой-гремучкой журчитъ; какъ ступила Ѳекла Матвѣвна на бревно, перекинутое чрезъ ручей, возмущился ручей, зажужжалъ, водичей; побрызгиваетъ водица, поварчивается, — промочила ножки Ѳеклы Матвѣвна.

— Осторожнѣй, осторожнѣй, матушка, здѣсь бревнышко-то качается: оступитесь, чась неровень! — суетится сзади нея попикъ. Не утерпѣлъ, подобралъ рясу, да и прыгъ черезъ ручей, рыженькой бородашкой потряхиваетъ, посмѣивается — руку купчихѣ протянулъ: смѣется Ѳекла Матвѣвна.

А тамъ-то, тамъ-то — за ручьемъ: тамъ вдаль убѣгаетъ березовая просѣка; бѣлыя сажени сложенныхъ дровъ, озаренныя парчей солнечной; а въ той въ парчѣ въ золотой — вьется, крылышкомъ бьется, гулькаетъ бѣлый голубокъ: на дровахъ утѣлся и побѣждалъ по полѣвцамъ: коготками по сухой корѣ — па, па, па!..

— Вотъ мѣста наши, матушка Ѳеклы Матвѣвна, — улыбается попикъ, отирая краснымъ платкомъ потное лицо: — благодать!..

Еще бы не благодать: помнить Ѳеклу Матвѣвну, какъ она вчера ѣхала въ Цѣлебѣво, какъ всю дорогу она молилась; и какъ сердце ея стучало; только что приближались они къ святому къ мѣсту, каждый пенъ на дорогѣ принималъ образъ и подобіе бѣса; всю дорогу Ѳеклу Матвѣвну обсвистывалъ вѣтеръ и гналъ на нее сухую пыль, а изъ пыли — дщи, кусты, сучки, какъ бѣсовскія хари, въ солнцѣ кривились на нее злобно, все ее гнали обратно въ Лиховъ; тутъ только Ѳекла Матвѣвна поняла, сколь многіе бѣсы грозятъ человѣческому естеству: оку невидимые, вьются они надъ нами; только молитва, постъ да чаенье святости, плоть истовчая, самое тѣлесное зрѣніе надѣляютъ зрѣніемъ духовнымъ; а при семъ при духовномъ зрѣніи каждый вещественный предметъ образомъ становится и подобіемъ предметовъ невидимыхъ; это все Ѳекла Матвѣвна вчера поняла, какъ приближалась изъ Лихова къ Цѣлебѣву; всю дорогу вплоть до села обсадили ужасными бѣсами; словно застава недруговъ обложила святые мѣста: отъ пенечка къ пенечку — отъ бѣса къ бѣсу: столько бѣсовъ въ душу Ѳеклы Матвѣвны

входили дорогой, сколько ихъ въ образѣ и подобіи; иней на дорогѣ вставало подѣ солнцемъ; но она неустанно молилась—и вотъ уже Оекла Матвѣвна въ Цѣлебѣвѣ.

Здѣсь пошло все иное: еще за самоварчикомъ у попадьихи Оекла Матвѣвна странныя замѣчала случаи: кустики, избы, жестяной на избѣ пѣтушекъ уставлялись ей въ очи и задумчивой сладостью точно ей говорили:

— Гляди на меня; я храню тайну. Село, прудъ, изъ пологаго лога выглянувшая крыша—все тайну хранило сихъ мѣстъ; попикъ и тотъ былъ словно иного, лучшаго міра житель.

Вечеромъ стояли они на цѣлебѣвскомъ лугу: завился на лугу хороводъ, оттопатывали ноги всякую пляску, а вокругъ бѣжала травная волна, улюлюкала вѣтеръ вечерній, косматый прахъ вставалъ на дорогѣ, а большой желтый мѣсяцъ подымался надъ Цѣлебѣвомъ; онъ смотрѣлъ Оеклѣ Матвѣвнѣ въ душу и говорилъ: «смотри, молчи и тай»...

Ночью Оеклѣ Матвѣвнѣ дано было видѣніе сонное: столяръ сталъ у ея изголовья; блѣдную надъ ней простирая руку, ей далъ запретъ о себѣ говорить и себя видѣть; молча съ ней столяръ говорилъ глазами: «Я, молъ, нынѣ въ тайнѣ великой, и видѣть, и слышать, и думать обо мнѣ нынѣ нельзя въ сихъ мѣстахъ»...

Утромъ Оекла Матвѣвна, отъ соннаго очнувшись видѣнья, взяла свое намѣреніе назадъ; еще она не готова посѣтить Кудеярова въ его обиталищѣ: ибо сіе обиталище есть нынѣ святое-святыхъ; постороннему оку оно не доступно...

Такъ думала Оекла Матвѣвна, обозрѣвая съ попиномъ святыхъ мѣста: что за мѣста! Тамъ синее блеснетъ озерцо, и къ нему будто изъ слюды сбѣгаютъ гремучки-струйки, тамъ дерево свѣситъ свой блекнувшій листъ, а въ листѣ сладкая, осенняя синичья пискотня; лучъ золотой палъ ей на грудь, а въ лучѣ въ золотомъ палъ ей на грудь жаркій и властный токъ и будто бы приказанье невидимой власти: «Все, что ни будетъ отнынѣ, хорошо: такъ надо».

— Такъ надо,—подтвердилъ и попикъ; но это онъ подтвердилъ ей иное; попикъ стоялъ передъ лужей и показывалъ Оеклѣ

Матвѣвнѣ, какъ надлежало черезъ лужу переходить; но Оекла Матвѣвна, процвѣтя улыбкою ангеловъ, сладко и нѣжно блеснула глазами на полика: «Такъ надо, такъ надо»,—и пошла ножкою въ грязь.

Попикъ же думалъ: «Возись вотъ съ этой дурекой, все только улыбается, а чего она улыбается?»...

А солнце большое, золотое своими большими лучами мыло сухую траву; а мѣсяцъ августъ неся въ высокомъ небѣ треугольникомъ журавлей; и слушай—родимый, прощальный гласъ улетающаго лѣта...

Едва сѣли они въ поповскомъ смородинникѣ за самоваръ, едва попадьиха, кланяясь униженно, разставила предъ лепехой постный сахаръ, медъ золотой, надъ которымъ кружились полосатые осы, въ то время, какъ кирпичемъ вычищенный самоваръ въ мѣдномъ лоскѣ своемъ безобразилъ лицо купчихи, какъ у поповскаго палисадника привязалъ коня примчавшійся нарочный; онъ быстро подбѣжалъ къ столу и подаль записку; въ запискѣ же Оеклу Матвѣвну извѣшали о томъ, что мужъ ея, Лука Силычъ, въ ночь занемогъ, а теперь у него отнялись языкъ, руки и ноги.

Странное дѣло: Оекла Матвѣвна читала записку, а въ душѣ ея звучало властное приказанье: «Все, что ни будетъ отнынѣ, хорошо: такъ надо»...

И Оекла Матвѣвна чуть не сказала вслухъ: «Такъ надо»... Сердце приказывало ей плакать и ужасаться, но Оекла Матвѣвна, принимая извѣстье, какъ сонъ, давно отъ нея отошедшій, продолжала радоваться...

Уже кони несли ее въ Лиховъ, обратно; всѣ тѣ пни и кусты что угрожали ей такъ недавно, тихо зыблемые ночнымъ вѣтеркомъ, пѣли новую пѣснь о радости несказанной; въ тонкомъ свистѣ вѣтвей раздавалось: «Такъ надо»... Когда же кони вздыбились надъ Мертвымъ Верхомъ,—съ Мертваго Верха открывалась окрестность; и такая была кругомъ тишина, что, казалось, будто міра скорбь навсегда отошла отъ земной обители, и земная обитель ликуетъ въ своемъ торжествующемъ блескѣ.

Пусто, страшно въ еропѣгинскомъ въ домѣ: въ темныхъ по-
кояхъ летаетъ грѣхъ; кажется, что изъ всѣхъ угловъ, рвется и
жалуется духъ Луки Силыча: Лука Силычъ теперь летаетъ въ
пустыхъ хоромахъ, какъ въ пустомъ, въ глупомъ, въ безцѣль-
номъ мірѣ, и нѣтъ ему выхода изъ своего дома, потому что
домъ свой онъ выстроилъ себѣ самъ; и этотъ домъ сталъ его
міромъ; и нѣтъ ему выхода...

Тамъ, тамъ, въ спальнѣ, лежитъ что-то блѣдное, жлкое,
безъ языка: но это не Лука Силычъ; что же это такое? Сухую
кожу да сѣденькую бородку найдете, пожалуй, вы; все это бе-
режно завернуто въ простыни; и надъ этимъ всѣмъ скло-
нилась пріютская старушка; тихо пшамкаетъ она надо всѣмъ
этимъ: но все это—не Лука Силычъ; тщетно оно смотреть
на міръ бессмысленными глазами, тщетно пытается оно шеве-
лить языкомъ, тщетно пытается оно вспомнить—оно не пом-
нить; Лука Силычъ уже отдѣлился отъ всего этого; невиди-
мый, онъ бьется въ окна, но окна закрыты наглухо ставнями,
и Лука Силычъ, безплотный, бессмертный, однако, не можетъ
пройти сквозь дерево, праздно колотясь своей тѣлесной душою
о стѣны и шурша обоями такъ, какъ шуршатъ обоями прусака;
безгласный, Лука Силычъ кричитъ о томъ, что он и отравили
то, что они потомъ бережно что-то завертывали въ простыни;
что въ томъ во всемъ теперь бьется не кровь, а ядъ; тщетно
онъ умоляетъ случайно нагрянувшего генералишку раскрыть
злодѣйство; генералишка его не слышитъ; вотъ съ докторомъ
оба склонились надъ сѣденькой бородкой.

— Ужасное происшествіе, докторъ!..

— Такъ и слѣдовало ожидать: ударъ—нельзя кутить безна-
казанно...

— Неправда, неправда! — кидается на нихъ Лука Силычъ.
— Здѣсь происходитъ убійство: они отравили меня — мщенія,
мщенія..

Но голосъ безмолвенъ, душа—невидима; и докторъ и гене-
ралъ склоняются надъ сѣдою бородкой; сѣдая бородка — это
уже не Лука Силычъ.

Нѣтъ — гдѣ же оно? Лука Силычъ не видитъ больше сѣ-

дой бородки, торчашей изъ-подъ простыни; справа и слева онъ видитъ углы подушекъ; докторъ склоняется надъ нимъ, шупаетъ голову; гдѣ же Лука Силычъ? Или все то лишь снилось ему, и онъ по комнатамъ не леталъ; или сейчасъ онъ вернулся въ свое тѣло; что съ нимъ произошло?

Кругъ свѣта приблизился; со свѣчей въ рукѣ блѣдная какъ смерть, стоитъ Голубятня; Лука Силычъ очнулся отъ бреда: теперь онъ помнитъ все, но онъ не можетъ ничего выразить; онъ знаетъ, что его отравили, что страшная въ домѣ его происходитъ тайна; умоляюще смотритъ на доктора; чувствуетъ, какъ слезы льются изъ глазъ.

— Онъ понимаетъ?..

— Но онъ не можетъ ничего сказать.

— Онъ больше никогда ничего не скажетъ?

— Никогда...

— Онъ не пошевелинется?

— Никогда...

Обо всемъ этомъ шепчутся съ докторомъ: но слухъ у Луки Силыча изострился; онъ слышитъ и то, что о немъ говорятъ, и то, какъ шепчется на кухнѣ Сухоруковъ съ Иваномъ Огнемъ, и то, какъ ползетъ на стѣнѣ прусакъ въ отдаленной комнатѣ.

Онъ все слышитъ, но онъ ничего не говоритъ: отравили.

Уже надъ нимъ стоитъ Фекла Матвѣевна въ шеколадномъ платьѣ, вся овѣянная сладостнымъ ароматомъ полей, но глаза ея подѣ вуалью; еще она не сняла шляпу; что она тамъ, подѣ вуалью — плачетъ, улыбается ли? Лука Силычъ на все шевелитъ губами, тянется: «Отравили, отравили»... Но она не слышитъ; она улыбается: ничего подѣ вуалью не разберешь...

Смотритъ Фекла Матвѣевна на мужа, и видитъ, что это уже не мужъ, не тамъ, а такъ что-то, завернутое въ простыни; хочется ей плакать о мужѣ и горевать; но горести нѣтъ никакой, а такъ что-то: синее въ душѣ блеснуло озерце, и къ нему будто изъ слюды сбѣгаютъ гремучки-струйки; тамъ дерево свѣситъ свой блекнувшій листъ, а въ листѣ сладкая, осенняя, синичья пискотня; не горе въ душѣ Феклы Матвѣевны, а воспоминанье,

да сладкая, осенняя, синичья пискотня и властное приказанье подслушиваетъ она въ себѣ: «Все, что ни будетъ отнынѣ, хорошо: такъ надо»...

— Такъ не надо, не надо,— пытается что-то крикнуть изъ Луки Силыча,— надо обо мнѣ плакать, а не смѣяться...

Но Оекла Матвѣевна не смѣется; слезы текутъ изъ ея глазъ, а все же... въ душѣ ея встаетъ лучъ золотой, а въ лучѣ—встается, крылышкомъ бьется, гулькаетъ голубокъ бѣлый.

— Не надо!..

— Надо!..

Густо, и пусто, и страшно въ еропѣгинскомъ домѣ: въ темныхъ углахъ нчинается шуршанье. Лука Силычъ опять залеталъ по комнатамъ.

ПАВЕЛЬ ПАВЛОВИЧЪ.

Надъ высокимъ обрывомъ, куда проваливаются сосны, сидитъ Катя, а передъ ней надъ лѣсною далью злой, вечерній холодный огонь; сѣрый пледъ закрылъ Катины плечи; дѣтскія плечики чуть дрожатъ отъ пробѣгающей сырости; здѣсь вчера, бѣдная дѣточка, чуть было не кинулась въ прудъ; здѣсь вчера, бѣдная дѣточка, простила Петра; здѣсь вчера она простирала къ нему свои тонкія руки—туда, надъ лѣсною далью, въ злой, вечерній, холодный огонь.

Но мысль о бабкѣ остановила ее.

И себя пересилила Катя; и даже она, какъ всегда, раскладывала пассіансъ; и онѣ играли съ бабкой въ дурачки—старуха и дѣтка; и улыбались другъ другу; а потомъ уже къ вечеру пріѣхалъ дядюшка Павелъ Павловичъ, на день задержавшійся въ Лиховѣ.

Дядюшка посѣдѣлъ, но онъ оставался такимъ же, какимъ его видѣла Катя два года тому назадъ; выбритый, чистый, пахнувшій одеколономъ, онъ съ нѣскольکو небрежной лаской поцѣловалъ старухины пальцы и потомъ вечеромъ, за чаемъ, по-

тягивая сливки, потомъ, имъ рассказывалъ о Петербургѣ, и о своихъ путешествіяхъ заграничей плаксивымъ, грустно жалобнымъ голосомъ; и приклеенный къ стѣнѣ Евсѣичъ, выпучивъ глаза, жадно слушалъ рассказы пріѣзжаго барина; камердинеръ же Павла Павловича, Стригачовъ, одѣтый не хуже самого барона, вертѣлся небрежно среди господъ, и когда рассказываемыя происшествія Павелъ Павловичъ путалъ, Стригачовъ вставлялъ, безъ смущенія свои поправки:

— Позвольте, Павелъ Павловичъ, дѣло было не такъ: мы пріѣхали въ Ниццу не въ четвергъ, а въ пятницу утромъ; вы изволили взять по пріѣздѣ ванну, а потомъ уже мы...

— Совершенно вѣрно, мой другъ...—соглашался Павелъ Павловичъ, продолжая рассказъ.

Такъ сидѣли они втроемъ на террасѣ: грустно радовалась пріѣзду дядюшки Катя; дядюшка же, громко сморкаясь, говорилъ бабкѣ:

— Матап—столько шуму изъ ничего: я думалъ, вамъ грозитъ разоренье, что было бы, впрочемъ, въ порядкѣ вещей. А, между тѣмъ, тутъ не болѣе, какъ шантажъ; никто никогда не имѣетъ права лишить васъ имѣнья; относительно же векселей Варакинскихъ рудниковъ, то мы еще съ господиномъ Еропѣгинымъ поговоримъ: не думаю, чтобы онъ былъ такъ опасенъ, какъ хочетъ представиться.

(О своей встрѣчѣ въ вагонѣ Павелъ Павловичъ скрылъ и при томъ неизвѣстно почему).

Надъ высокимъ обрывомъ, куда проваливаются сосны, сѣлъ Павелъ Павловичъ Тодрабе-Граабенъ; рядомъ съ нимъ сидитъ на скамейкѣ Катя; а впереди, надъ лѣсною далью, злой вечерній холодный огонь; тамъ, вдали, уже багрянѣетъ первая осинка; жаркое было лѣто: близится осени золотая и красная пора.

Такъ сидятъ племянница и дядя; и думаютъ, каждый о своемъ. Катя думаетъ о томъ, что, какъ только умретъ ея бабка, она, бѣдная дѣточка, поступитъ въ монастырь; а длинноносый сенаторъ, дядя улыбается грустно надъ Катиной молодостью, невольный въ душѣ подавляя свой вздохъ:

— Вы молоды, Катенька, и не знаете жизни: время возьметъ свое.

— Зачѣмъ же, дядя, онъ покинулъ меня?..

— Не сумѣю вамъ сказать, мой другъ: вы молоды, и я искренне желалъ бы вамъ счастья: то, что онъ больше не съ вами поднимаетъ его въ моихъ глазахъ.

— ?...

— Это показываетъ, что онъ добивался вашей руки по дѣйствительному влеченью, а не ради богатства. Вѣдь онъ — поэтъ?

— Да, поэтъ...

— То-есть,—эстетическій хамъ...

У—какъ вспыхнула Катя! Какъ бровки ея согнулись, какой она на него метнула взглядъ! Но дядино безбородое лицо стало грустнымъ и кроткимъ:

— Дитя мое, я не хотѣлъ васъ обидѣть: надо вамъ сказать, что всѣ люди дѣлятся на паразитовъ и рабовъ; паразиты же дѣлятся въ свою очередь на волшебниковъ или маговъ, убійцъ и хамовъ; маги это тѣ, кто выдумали Бога и этой выдумкой вымогаютъ деньги; убійцы—это военное сословіе всего міра; хамы же дѣлятся на просто хамовъ, то-есть людей состоятельныхъ, ученыхъ хамовъ, то-есть профессоровъ, адвокатовъ, врачей, людей свободныхъ профессій и на эстетическихъ хамовъ: къ послѣднимъ принадлежатъ поэты, писатели, художники и прости-тutki... Я кончилъ, мой другъ,—жалобно вздохнулъ дядя-сенаторъ, нюхая цвѣтокъ.

Уже темнѣло: они сидѣли на обрывѣ; низкія черныя проносились, холодныя облака.

Вдали, на дорожкѣ сада, среди вѣтвей, тѣней, въ тѣнь взлетающихъ нетопырей, безжизненно проходила баронесса, опираясь на трость: оловянные ея тупые глаза и ея обвислый ротъ—все говорило о томъ, что разрушается старуха, разрушается, что дни ея уже давно сочтены, что мракъ ночи вѣчной, къ ея прилипнувъ глазамъ, уже смотрится въ душу, зоветъ.

Всѣ троемъ они идутъ къ дому: дядя поддерживаетъ бабу, Катя идетъ впереди и безцѣльно жуетъ тростинку.

Мать шепчетъ своему старому сыну:

— Этотъ хамъ меня вдобавокъ и обокралъ; въ тотъ день, какъ ушелъ онъ изъ дому, у меня пропали мои брилліанты.

— Ахъ, да оставьте, мамаша: онъ вѣдь чудакъ, а чудакъ, какъ извѣстно, не занимаются воровствомъ.

— Но... брилліанты...

— А кто у васъ былъ въ тотъ день?..

— Да, кажется, никого не было... Нѣтъ, постой: въ тотъ день и былъ Ерошѣгинъ...

— Одинъ?

— Нѣтъ, съ генераломъ Чижиковымъ!

— Вотъ видите, мамаша, а вы говорите: брилліанты укралъ генералъ Чижиковъ.

Такъ шепталъ Павелъ Павловичъ трясущейся матери, сморкаясь въ густой, съ неба падающій мракъ...

Баронъ Павелъ Павловичъ Тодрабе-Граабенъ былъ большимъ чудакомъ: но всѣ бароны Тодрабе-Граабены отличались чудачествомъ, всѣ они искони брились и ходили съ длинными розовыми носами, которые къ шестидесяти годамъ покрывались пунсовыми жилками отъ умѣреннаго употребленія рѣдчайшихъ и тончайшихъ винъ, еще находимыхъ въ дѣдовскихъ погребкахъ; у всѣхъ верхняя губа далеко выдвигалась впередъ подъ самымъ подъ носомъ; у всѣхъ подбородокъ отсутствовалъ, отчего нижняя часть лица казалась чудовишно маленькой по сравненію съ выпуклыми глазами, никогда не глядящими въ лицо женщинъ, огромными носами и покатыми лбами огромныхъ размѣровъ; было бы, пожалуй, во всѣхъ въ нихъ что-то грустно воронье, ежели бы не блѣдно каштановые необыкновенно промытые, шелковистые волоса; всѣ бароны Тодрабе-Граабены не говорили, а жалобно плакали, если не вслушаться въ ихъ слова, но содержаніе этого тонкаго плача было всегда шутиливо.

Плакали и баронессы; и баронессы носили и лбы, и носы, какъ мужская линія; но баронессы носили и подбородки; за то многія изъ баронессъ были глупы, какъ дребежжашія, ничѣмъ не наполненныя склянки, ходили въ кружевахъ и смолоду покидали Россію для Ниццы и Монте-Карло.

Отецъ Павла Павловича—Павелъ Павловичъ,—какъ и всѣ Граабены былъ большимъ чудакомъ; онъ до того помѣшался на чистотѣ, что въ домѣ завелъ у себя странный обычай; къ полотенцу, къ носовому платку онъ притрагивался всего одинъ только разъ; когда бывалъ у него насморкъ, то, чувствуя надобность въ платкѣ, онъ шлепалъ трижды въ ладоши; дверь раскрывалась и вбѣгали два крѣпостныхъ казачка, придерживая двумя пальцами каждый за кончикъ совершенно чистый носовой платокъ; Павелъ Павловичъ брался за середину платка и громко сморкался (всѣ Граабены сморкались необычайно громко); казачки мгновенно бросались съ платкомъ вонъ изъ комнаты; и если надобность въ платкѣ была ежеминутна, ежеминутно вбѣгали казачки: безконечное количество платковъ приносилось и уносилось.

Еще Павелъ Павловичъ былъ музыкантъ; онъ игрывалъ на виолончели симфоніи Бетховена и сажалъ сына аккомпанировать; при малѣйшей ошибкѣ симфонія начиналась сначала, хотя бы и было разыграно десять страницъ; такъ продолжалось до безконечности; и оттого-то Павелъ Павловичъ отецъ не могъ сыграть ни одного пассажа до конца; сынъ же его смолodu возненавидѣлъ музыку. Всѣ разбѣгались отъ музыки Павла Павловича, отца, а онъ садился играть на порогѣ между двумя наиболѣе проходными комнатами; однажды онъ заперъ на ключъ своего знакомаго и передъ нимъ игралъ много часовъ подрядъ, пока знакомый не упалъ въ обморокъ. Вскорѣ послѣ этого эпизода Павелъ Павловичъ отецъ скончался.

Дядюшка Павла Павловича, Александръ Павловичъ, былъ еще большій чудакъ; смолodu онъ проѣлъ три четверти состоянія и выпилъ оставленный дѣдами погребокъ; къ сорока же годамъ переселился въ родовое имѣнье, гдѣ пять лѣтъ колесилъ по уѣзду, остроумничая во всю; послѣ онъ пять лѣтъ безвыѣдно просидѣлъ у себя въ имѣньѣ, объѣзжая пахотныя поля и остроумничая съ управляющимъ; тутъ завелась у него странность: и зиму, и лѣто онъ ходилъ въ собольей шубѣ и мѣховой шапкѣ; слѣдующія пять лѣтъ Александръ Павловичъ уже не выходилъ изъ парку: здѣсь онъ сажалъ плодовые деревья и ловилъ

въ силки птицъ; затѣмъ съ каждымъ годомъ онъ урѣзывать свои прогулки по парку, такъ что къ шестидесяти годамъ оказался загнаннымъ на террасу, откуда кормилъ крошками голубей; потомъ Александръ Павловичъ заключился въ трехъ только комнатахъ барскаго дома, и, наконецъ, послѣдніе три года просидѣлъ безвыходно въ спальнѣ, куда къ нему приводили дворовую дѣвку, Сашку, которую Александръ Павловичъ съ необыкновенной нѣжностью поглаживалъ по плечу, но и только: ей Богу, только всего! Сашка же ежегодно рожала дѣтей отъ прохожихъ парней; всего удивительнѣе, что Александръ Павловичъ былъ твердо увѣренъ, что эти дѣти—его дѣти; Сашкинымъ дѣтямъ осталось въ наслѣдство богатѣйшее помѣстье Александра Павловича.

Другой дядюшка Павла Павловича, Варавва Павловичъ, былъ еще большій чудакъ; такъ же, какъ всѣ прочіе Граабены, онъ отличался остроуміемъ, честностью и особымъ стремленіемъ къ чистотѣ: вотъ это-то стремленіе и выразилось въ такой невѣроятной особенностях (всего только въ одной), что и сказать стыдно, да и вы и не повѣрите: проживая въ провинціи и отправляясь въ гости, Варавва Павловичъ ѣхалъ шестерикомъ, въ каретѣ; впереди же себя пускалъ онъ другую карету, запряженную цугомъ четверикомъ; на запяткахъ стояли два казачка, а на передней лошади ѣхалъ гайдукъ и размахивалъ бичомъ: но что же съ собою возилъ въ этой передней каретѣ Варавва Павловичъ? Да... право, не скажешь: на случай... нѣкоторый «предметъ», назначеніе котораго точнѣе опредѣлить стыдно; подѣзжала передняя карета; два казачка бросались открывать дверцы и завернутый «предметъ» торжественно вносился въ особо приготовленную комнату; а потомъ уже къ дому подѣзжалъ самъ Варавва Павловичъ; и только тогда на порогѣ радушно показывались хозяева и вели подъ руки стараго барина въ парадный покой.

Стремленіе къ чистотѣ искалѣчило жизнь и тетускѣ Павла Павловича, баронессѣ Агнии Павловнѣ; къ старости она мыла все, что ей ни попадалось подъ руки, и при этомъ брезгала полотенцами: просушивала она свои руки, взмахивая ими въ

воздухъ, отчего руки ея всегда оставались покрытыми жесткимъ коростомъ. Наконецъ, однажды съ утра она вымыла шубу огромныхъ размѣровъ на чернобуромъ, лисьемъ мѣху—собственноручно, отчего на пальцѣ у нея вскочилъ маленькій прыщъ; прыщъ оказался сибирской язвой, отъ которой и скончалась баронесса Агнія Павловна.

Въ семействѣ вотъ такихъ чудаковъ выросъ Павелъ Павловичъ Толрабе-Граабенъ, баронъ, съ сестрою Натальей, отличавшейся отъ прочей женской линіи красотой и умомъ; Павелъ Павловичъ въ ту пору, какъ мать ихъ уходила отъ мужа съ гусаромъ, привязался къ сестрѣ; привязанность перешла потомъ въ болѣе нѣжное чувство; въ ту пору Павелъ Павловичъ поступилъ въ «Правовѣдѣніе», былъ тонкимъ молодымъ человекомъ и носилъ треуголку; сестра же его вышла замужъ за дворянина Гуголева; извѣстіе объ ея замужествѣ такъ потрясло Павла Павловича, что рѣшилъ жениться и онъ, какъ только окончить курсъ, что и исполнилъ; въ выборѣ жены онъ руководствовался двумя признаками; во-первыхъ: жена его должна была вовсе молчать; во-вторыхъ, волосы ея должны были быть тонки, какъ ленъ; на молчаніи своей жены да на ея волосахъ женился Павелъ Павловичъ.

Скоро баронъ быстро выдвинулся по службѣ благодаря уму, краснорѣчью и умѣнью распутывать тончайшія юридическія дѣла совершенно честно; къ тому же въ ту пору онъ былъ умѣренный либераль; такъ какъ-то совсѣмъ незамѣтно онъ дослужился до бѣлыхъ сенаторскихъ панталонъ, но тотчасъ же бросилъ всякую дѣятельность; въ немъ произошелъ къ тому времени переворотъ: Павелъ Павловичъ сталъ яркимъ поклонникомъ Прудона; въ петербургскихъ гостиницахъ его боялись за никого не шадившее остроуміе; въ Сенатѣ же къ выходкамъ его отнеслись благосклонно, но дали понять, что ему больше нечего дѣлать, къ чему онъ, впрочемъ, отнесся равнодушно, перебравшись въ дѣдовское имѣніе; онъ появлялся въ Петербургѣ на три мѣсяца, чтобы не терять изъ виду друзей.

Быстро и ярко въ деревнѣ въ немъ всплыли чудачества Граабеныхъ: опустошался погребокъ, продались деньги; съ чу-

довышней быстротой росла библіотека; оставаясь человѣкомъ серьезнымъ, Павелъ Павловичъ находилъ время для всевозможныхъ прихотей: сначала онъ устроилъ домъ стариннымъ фарфоровъ; на столахъ, шкафахъ и полкахъ появились безносыя, безголовыя и безрукія фигурки, съ отбитыми ручками чашки, угловатыя лампы и прочій вздоръ; потомъ Павелъ Павловичъ исколесилъ всю Европу, отыскивая какую-то никому ненужную гравюру; послѣ этого Павелъ Павловичъ выписалъ съ полдюжины велосипедовъ; усѣлся самъ на велосипедъ, усадилъ жену, камердинера, бонну и вовсе маленькаго своего сынишку; черезъ полгода онъ раздарилъ велосипеды и принялся за домашнее воспитаніе дѣтей; были выписаны француженка, нѣмка, англичанка и негръ; изучались трактаты о воспитаніи; наконецъ, Павелъ Павловичъ остановился на системѣ Жанъ-Жака-Руссо: книги были отобраны отъ ребенка; англичанка, француженка, нѣмка и негръ отправились во-свояси; а бѣлокурый мальченокъ повисъ на деревьяхъ, подражая обезьянѣ; тогда Павелъ Павловичъ успокоился и весь отдался книгамъ: у него можно было встрѣтить рѣшительно все, что не доставало библіофиламъ; зато самихъ необходимыхъ книгъ не оказывалось въ библіотекѣ Павла Павловича; рѣдкія книги оплеталъ въ муаровые переплеты нѣжноголубыхъ, блѣднорозовыхъ и полевыхъ цвѣтовъ; только близкимъ друзьямъ открывалъ Павелъ Павловичъ доступъ въ свою библіотеку; но горе тому изъ друзей, который по невѣдѣнью проводилъ по страницѣ хотя бы едва замѣтную черту; испорченная книга не могла оставаться въ библіотекѣ: и съ умѣло скрытымъ презрѣніемъ книга дарилась попортившему ее лицу; близкіе друзья трепетали получить въ подарокъ отъ Павла Павловича книгу: это значило бы только то, что они навсегда упали въ его глазахъ.

Въ деревнѣ Павелъ Павловичъ поднимался съ пѣтухами; три часа, пока въ домѣ еще всѣ спали, камердинеръ Стригачовъ обтиралъ и обмывалъ его водой по разъ заведенному обычаю, послѣ чего Павелъ Павловичъ отправлялся къ себѣ въ кабинетъ и писалъ, — что, — это оставалось тайной для всѣхъ: вѣроятно, какой-нибудь невѣроятный трактатъ, гдѣ готовились человѣче-

ству новыя откровенья по антропологии, философіи, исторіи и общественнымъ наукамъ; говорили и то, что просто это какой-то сумбуръ, но Павелъ Павловичъ не унывалъ, иной разъ вступая въ переписку съ учеными; правда, больше о тонкостяхъ библіографіи, нежели о тонкостяхъ науки онъ переписывался, —но переписывался.

Передъ завтракомъ Павелъ Павловичъ пробѣгалъ газеты и разрѣзалъ журналы; послѣ же, уже передъ обѣдомъ, свѣжій и стройный, съ полотенцемъ на плечѣ и съ чайной розой въ рукѣ, онъ пробѣгалъ по парку къ купальнѣ.

Къ домашнимъ относился Павелъ Павловичъ кротко; не въ его принципахъ было читать наставленья; и Павелъ Павловичъ предоставлялъ всѣмъ полную свободу дѣйствій; но эта свобода была пуще неволи; не глядя ни на кого, онъ видѣлъ все; и такъ какъ понятія объ опрятности были у него нестерпимыя ни для кого, то уклоненія въ сторону отъ этихъ понятій вызывали быстрыя его бѣгства изъ дому къ ужасу домашнихъ и совершенно на неопредѣленный срокъ; весь домъ дрожалъ и становился на ципочки, когда издали еще раздавался голосъ его, плаксивый и грустно кроткій; такъ однажды, проходя по дому, онъ замѣтилъ нѣсколько окурковъ, воткнутыхъ въ банку съ цвѣтами; это его такъ потрясло, что онъ смогъ только грустно окинуть домашнихъ взоромъ, полнымъ укоризны, и быстро уйти въ кабинетъ; черезъ два часа Стригачовъ вынесъ баронскіе чемоданы, а черезъ двѣ недѣли неутѣшная жена получила извѣстіе, что Павелъ Павловичъ—живъ и здоровъ, и что онъ плыветъ къ острову Мадейры на пакетботѣ «Викторія».

Въ Петербургѣ друзья съ нетерпѣніемъ ожидали барона; въ его отсутствіи они всѣ негодовали на него, называя Павла Павловича чудачкомъ, — болѣе того: человекомъ вреднымъ и анархистомъ; при его же появленіи двери салоновъ гостепріимно распахивались, чтобы принять «чудака»; и Павелъ Павловичъ, засѣдая на плюшевой тафтѣ со стаканомъ сливокъ въ рукахъ (отъ чая баронъ воздерживался), говорилъ много и долго о судьбахъ Россіи, о монгольскомъ нашествіи, о вредѣ христіанства, о вліяніи его на распространеніе спиртныхъ напитковъ и

о будущемъ политическомъ строѣ. Говорилъ онъ грустно и медленно, закрывая глаза, говорилъ съ обезоруживающей убѣжденностью, но говорилъ столь странныя вещи, что вокругъ него собирався кружокъ; послѣ этотъ кружокъ иронически отзывался о мнѣніяхъ Павла Павловича. Но пока Павелъ Павловичъ говорилъ, никто ему не перечилъ; да и трудно было ему перечить; логическія послыки барона казались высоко нелѣпы; защищалъ же ихъ онъ и развивалъ съ желѣзной логикой, съ блескомъ, почти съ вдохновеніемъ: у него было нѣсколько излюбленныхъ темъ, но онъ варьировалъ эти темы многообразно и многократно; всякій разговоръ, какъ только вступалъ въ него Павелъ Павловичъ, казалось, совершенно терялъ самостоятельное значеніе и становился канвой, на которой Павелъ Павловичъ вышивалъ свои темы.

Такъ неумолимый Павелъ Павловичъ оттачивалъ въ петербургскихъ салонахъ свое остроуміе; за это время онъ обходилъ книжные магазины и принакупалъ книгъ; бывали случаи, когда Павелъ Павловичъ вспоминалъ свою практику юриста (а юристъ онъ былъ дѣйствительно замѣчательный—хладнокровный, уравновѣшенный, стойкій); попутно тогда распутывалъ Павелъ Павловичъ какое-либо темное дѣло; и, уличивши мошенниковъ, уѣзжалъ въ деревню.

Узнавши о томъ, что мошенники и плуты угрожаютъ матери, Павелъ Павловичъ выѣхалъ въ Гуголево; предварительно онъ потребовалъ кой-какіе изъ документовъ, кой-какія письменно навелъ справки и слѣшно выѣхалъ, чтобы обнаружить хамское плутовство; разговоръ съ Еропѣгинымъ успокоилъ барона: онъ понялъ, что купецъ уже больше не будетъ грозить.

Впрочемъ, не изъ одной боязни за состояніе матери Павелъ Павловичъ быстро выѣхалъ въ Гуголево; болѣе, чѣмъ мысль о матери, тревожила его мысль о племянницѣ Катенькѣ, напоминавшей ему безвременно погибшую его любовь—къ сестрѣ; Катенька занимала мысли Павла Павловича очень и очень; онъ питалъ къ ней какое-то особо нѣжное, быть можетъ, слишкомъ для родственника нѣжное чувство; но какъ порядочный человѣкъ, онъ ничего не строилъ на этомъ чувствѣ; все же мысль

о томъ, что его племянница помолвлена за мужлана и, какъ говорятъ, чудака, взволновала его; что ея женихъ мужланъ—это волновало Павла Павловича лишь эмоционально, а вовсе не принципиально: принципиально Павелъ Павловичъ былъ демократъ; то же, что этотъ мужланъ—чудакъ и поэтъ,—скорѣй его примиряло съ бракомъ (какъ извѣстно, чудачи чувствуютъ другъ къ другу извѣстное уваженіе и взаимное пониманіе). Теперь же, узнавъ о бѣгствѣ «мужлана» изъ гуголевской усадьбы, объ увлеченьѣ какой-то бабой, сектанткой, и о позорныхъ для Катина жениха баронессиныхъ подозрѣньяхъ, Павелъ Павловичъ Тодрабе-Граабенъ, баронъ, по ему одному вѣдомымъ причинамъ составилъ вдругъ заключеніе, что этотъ «мужланъ»—порядочный человѣкъ, какъ разъ подходящий Катѣ.

Катя: какъ она занимала мысли барона послѣдній годъ! Онъ завелъ съ ней вдругъ грустно-томную переписку; онъ писалъ ей мрачныя письма за подписью «дядя»; старался издалека руководить ея чтеніемъ; писалъ онъ ей на лазурнаго цвѣта бумагѣ, вынимаемой изъ саше, и прикладывалъ къ сургучу старинную печать съ изображеніемъ двухъ деревьевъ и съ выгравированнымъ четверостишіемъ:

«Ручей два древа раздѣляетъ,
Но вѣтви ихъ, сплетаясь, растутъ;
Судьба два сердца раздѣляетъ,
Но мысли ихъ въ одномъ живутъ»...

Послѣдніе годы Павелъ Павловичъ и похудѣлъ, и постѣдѣлъ; его носъ заострялся все болѣе, какъ и сужденія его, заостренныя нестерпимо; онъ мрачно блисталъ своимъ остроуміемъ, какъ клинкомъ отточенного кинжала; но остроумничалъ онъ одинъ самъ съ собой; болѣе всего къ нему тянуло молодежь; но молодежь Павелъ Павловичъ отъ себя гналъ; люди же старе отъ него убѣгали и сами. Безполезное его остроуміе на рубежѣ двухъ эпохъ одиноко свѣтило Павлу Павловичу на остаткѣ того пути, который надлежало ему совершить въ этомъ мірѣ.

Понятно, что старѣющій баринъ ухватился за Катину дружбу; понятно, что, бросивъ свои дѣла, онъ появился въ нашихъ мѣ-

стахъ; и теперь, въ темнотѣ, подъ воркотанье выживающей изъ ума старухи, Павелъ Павловичъ грустные свои бросалъ Катѣ взоры: въ душѣ его созрѣвалъ планъ ей вернуть жениха; какъ собирався выполнить этотъ планъ старый баринъ, это оставалось загадкой для него самого; но въ успѣхѣ своего предпріятія онъ былъ увѣренъ вполнѣ.

Таковъ былъ Павелъ Павловичъ.

Андрей Бѣлый.

ПОВѢСТЬ О НЕЩАСТНОМЪ ГРАФѢ РИГЕЛѢ *.

Берегись, берегись! Надъ Бургосскимъ путемъ,
Сидитъ одинъ черный монахъ.

Лермонтовъ.

1.

Графъ совершалъ путешествіе верхомъ, на своемъ любимомъ ворономъ конѣ. Его свита состояла изъ шести человѣкъ приближенныхъ: секретаря Мортонъ Шафтона, оруженосца Робина и четырехъ слугъ. Обозъ съ утварью и съѣстными припасами былъ отправленъ заранѣе.

Снѣжныя метели замедляли путешествіе графа. Мѣстами дороги были занесены, такъ что легко было сбиться съ пути. Нерѣдко приходилось укрываться на постоянныхъ дворахъ и въ корчмахъ.

Въ три дня миновавши горныя графства, графъ ступилъ на рубежъ своей родины.

Графство Ригель лежало въ низменной, болотистой мѣстности. Большая часть земли занята была рѣдкимъ мелколѣсьемъ. Попадались хвойныя деревья, но мало. Главнымъ образомъ лѣса состояли изъ березы, осины и орѣшника. Чахлые кустарники кое-гдѣ разнообразили бѣдный ландшафтъ графства Ригель.

За то болота были богаты клюквой, въ большомъ количествѣ привлекавшей молодыхъ поселенковъ, въ дни ранней осени, когда сараи и амбары крестьянина, наполненные зерномъ и сѣномъ, сулятъ безбѣдное существованіе въ продолженіе суровой зимы, домики единственной сельской портнихи завалены шелками и атласомъ, и въ похолодѣвшемъ воздухѣ далеко слышны по ночамъ веселыя пѣсни и завываніе волюнки.

Десять лѣтъ графъ не видѣлъ своей родины. При прибли-

* Заимствована изъ рукописи покойнаго Ильи Петровича Гакова.

женіи кавалькады собаки выбѣгали изъ дворовъ и съ лаемъ бросались подъ ноги лошадямъ. Въ окнахъ показывались любопытныя лица, и праздно бродящій мальчишка останавливался, провожая всадниковъ долгимъ взглядомъ.

Графа не узнавали. И графъ почти не узнавалъ съ дѣтства знакомыхъ селеній. Дома состарились и развалились. Кое-гдѣ стекла были выбиты и окна заткнуты тряпкой. Когда-то свѣжія бревна постѣрѣли; кровли грозили паденіемъ. Графъ видѣлъ воочію то разореніе края, о которомъ до сихъ поръ зналъ только по слухамъ.

Уже вечерѣло, и начинавшаяся метель стушала сумерки, когда графъ увидѣлъ высокую ель, осыпавшую колодезь, отстоявшій на версту отъ замка Ригель.

Вдали открылось широкое, занесенное снѣгомъ озеро, съ обрамлявшими его древними березами и елями; показался и снѣжный дымокъ надъ вершинами обнаженнаго парка.

— Что можно сравнить съ тѣмъ чувствомъ, которое охватываетъ душу при свиданіи съ милой родиной?—сказалъ графъ подѣхавшему въ нему Мортону.—Десять лѣтъ разлуки! Сколько измѣнилось! А, между тѣмъ, хотя румянецъ молодости и сбѣжалъ съ моихъ щекъ, и хотя непрерывные военные труды и невзгоды закалили сердце робкаго юноши, въ этихъ мѣстахъ, гдѣ такъ живы воспоминанія безпечнаго дѣтства, я чувствую себя тѣмъ же краснощекимъ мальчикомъ въ атласной курткѣ, который, бывало, убѣгая отъ скучныхъ уроковъ и розогъ матери, бѣгалъ съ черноглазой Дженни по широкимъ полянамъ заглохшаго парка, повѣряя маленькой подружкѣ первые помислы ребяческаго честолюбія, первыя мечты о славѣ и подвигахъ.

При упоминаніи о матери, облако грусти спустилось на лицо графа. Нѣкоторое время онъ ѣхалъ, опустивъ поводъ, въ мрачномъ раздумьѣ. Мортонъ догадывался о чувствахъ, волновавшихъ графа, и почтительно молчалъ, съ любопытствомъ осматривая незнакомую ему мѣстность.

— Да,—заговаривалъ снова графъ,—тотъ не имѣетъ права роптать на Провидѣніе, у кого есть, гдѣ преклонить голову, кто можетъ уснуть на той постели, гдѣ спали его дѣдъ и

отецъ; въ той комнатѣ, гдѣ онъ засыпалъ когда-то на колѣняхъ матери, подъ ея колыбельную пѣсню. Но,—Боже праведный!—сколько тысячъ людей скитается по нашей когда-то богатой и радостной странѣ, напрасно ища завоевать себѣ естественныя права всякаго человѣка, безъ родины, безъ крова, безъ пищи! Но это кончится. И не одинъ поселянинъ, окончивъ мирный ужинъ въ кругу своего веселаго и сытаго семейства, помянетъ въ вечерней молитвѣ графа Ригеля. Но пока... бѣдная моя родина!

Такимъ образомъ, великодушный графъ сознаниемъ общественнаго бѣдствія заглушалъ свои личныя чувства.

«Нѣтъ, намъ больше не вернуться въ Совѣтъ Центрального Комитета!»—подумалъ Мортонъ, съ тревогой слѣдившій за ходомъ мыслей графа.

II.

Лѣсничій Гудайль, съ черной бородой и разбойничьимъ лицомъ, встрѣтилъ гостей у воротъ замка.

— Добро пожаловать, графъ,—говорилъ онъ, помогая Ригелю освободить ногу изъ кованнаго стремена и сойти съ коня.—Давненько васъ не видали!

— Здравствуй, Гудайль,—отвѣчалъ графъ.—Однако, и постарѣлъ ты, любезный! Когда пришли обозы?

— Вчера вечеромъ, графъ. Я и жена разобрали всѣ сундуки и ящики и приготовили вамъ теплую и хорошо обставленную опочивальню. Кухня вашего замка уже съ утра полна запахомъ паленой свинины, и васъ ожидаетъ обильный и вкусный ужинъ. Въ замкѣ, конечно, еще сыровато и холодно, но ваша комната хорошо истоплена и вамъ не придется дрожать отъ холода. Вотъ свита ваша первую ночь позябнетъ, но къ утру можно вновь истопить всѣ печи. Дайте посмотрѣть на васъ, графъ! Да, и вы перемѣнились. Думалъ ли я когда-нибудь, что тотъ самый Гарри, котораго я носилъ на рукахъ и кото-

рому дѣлалъ игрушечные сабли и кинжалы, станетъ со временемъ знаменитымъ завоевателемъ Юга!

— Ну, объ этомъ послѣ, любезный Гудайль, а пока поскорѣ устрой намъ ужинъ и покажи моей свитѣ ея помѣщенія.

И съ этими словами графъ вошелъ во дворъ замка, гдѣ, въ совершенномъ уже мракѣ, свистѣла метель, накрывая вершины вѣковыхъ елей и поскрипывая ихъ стволами.

Въ окнахъ замка мелькали огни. Видно было, что люди перебѣгали изъ этажа въ этажъ и изъ комнаты въ комнату.

Въ сѣняхъ на графа пахло давно знакомымъ запахомъ сырости и гнилого дерева. Шаги графа и его свиты гулко отдавались по сводамъ.

Въ дымной столовой накрытъ былъ ужинъ. Рыцарскіе доспѣхи былыхъ временъ, панцири, шлемы и мечи, портреты предковъ въ рамахъ съ потускнѣвшей позолотой, составляли украшеніе высокихъ, сводчатыхъ стѣнъ столовой.

На столѣ уже стояли большія блюда съ розовыми кусками копченой свинины, окаймленными блестящимъ, серебрянымъ жиромъ; высокіе кубки, увѣнчанные фамильными гербами графа Ригеля, краснѣли ароматнымъ виномъ, много лѣтъ хранившимся въ подвалѣ графскаго замка.

Графъ сѣлъ за столъ съ секретаремъ Мортонемъ Шафтономъ и оруженосцемъ Робинемъ.

Хлопотливый Гудайль самъ прислуживалъ за столомъ и спѣшилъ наполнять быстро опоражнивавшіеся кубки.

— Вотъ это вино,—повѣствоваль словоохотливый лѣсничій, вливая въ кубокъ жирную струю темнаго, какъ запекшаяся кровь, вина,—особенно было любимо вашимъ покойнымъ батюшкой. Хотя его осталось не больше, какъ четверть бочки, я рѣшаюсь подать его сегодня по случаю вашего возвращенія. Вѣдь десять лѣтъ вы не навѣдывались къ намъ, графы! Это—не шутка!

— Много воды утекло за эти десять лѣтъ, любезный Гудайль,—сказалъ графъ, разомъ осушая тяжелый кубокъ.

Въ это время черноглазая дѣвушка, съ румяными губами и вздернутымъ носикомъ, старательно избѣгая взглядовъ графа, по-

ставила на столъ новое блюдо: салатъ изъ огурцовъ, картофеля и лука.

Графъ внимательно взглянулъ въ лицо хорошенькой служанки и весело воскликнулъ:

— Э, да это ты, черноглазая Дженни! Какъ не стыдно отвертываться отъ стараго товарища, съ которымъ ты ловила бабочекъ въ паркѣ ригелевскаго замка! Неужели ты думала, что я не узнаю твои узкіе глазки, которые уже тогда часто принимали выраженіе веселаго кокетства? Ты—очень хорошенькая, Дженни, и я не буду графомъ Ригелемъ, если не поцѣлую мою маленькую подругу и не накажу ее, заставивъ выпить со мною кубокъ этого прекраснаго вина за ея забывчивость по отношенію къ старымъ друзьямъ! Эй, Гудайль, вина!

И графъ поднесъ кубокъ хорошенькой Дженни и, хотя она отвертывалась съ кокетливыми ужимками балованной служанки и дѣлано смѣялась, онъ поцѣловалъ ее въ розовыя губки, уже привыкшія къ поцѣлуямъ статныхъ молодцовъ сосѣдней деревни.

Этотъ эпизодъ развеселилъ графа и всю компанію. Когда поднялись изъ-за стола, было уже далеко за полночь.

— Гдѣ вы приготовили мнѣ постель, любезный Гудайль?—спросилъ графъ, позѣвывая въ предвкушеніи сладкаго сна.

— Въ комнатѣ Большого Зеркала, графъ, гдѣ жила старая графиня. Эта комната всѣхъ теплѣе и суше. Вы можете спокойно спать въ ней до утра, закрывшись вашимъ бархатнымъ плащомъ.

Внезапныя тѣни набѣжали на лицо графа при этихъ словахъ Гудайля.

— Запереть эту комнату на ключъ, и ключъ отдать мнѣ, Гудайль!—строго сказалъ графъ.—Я буду спать наверху, въ моей старой комнатѣ. Холода я не боюсь, послѣ того, какъ мнѣ приходилось проводить ночи на сырой землѣ, подъ ненадежной защитой палатки. Имѣй въ виду, Гудайль, что ты отпустилъ меня изнѣженнымъ мальчикомъ, беззащитнымъ, какъ тепличное растеніе, а теперь встрѣчаешь закаленнаго солдата, изрубленнаго въ бояхъ, обожженнаго солнцемъ и опаленнаго

морозомъ. Желаю вамъ доброй ночи, господа!—и графъ вышелъ изъ комнаты взволнованной походкой, выдававшей его внутреннее смятеніе.

Въ маленькой спальнѣ графа было жарко натоплено. Графъ снялъ мечъ, стащилъ тяжелые ботфорты, и, не раздѣваясь, легъ на жестковатый тюфякъ, набитый соломой. Угли рдѣли во мракѣ. Вьюга все усиливалась, снѣгъ билъ въ окна, вѣтеръ шумѣлъ въ трубѣ. Смотря на медленно угасавшіе угли, внимая напѣвный шумъ метели, графъ постепенно забывался сномъ. Но скоро онъ проснулся отъ проникавшего его тѣло холода. Отсирѣвшія и промерзшія толстыя стѣны замка быстро вобрали въ себя все тепло; вѣтеръ проникалъ въ щели ставень. Графъ закутался оленьей шкурой и снова уснулъ. Крѣпко и безмятежно проспалъ онъ до утра, когда его разбудило мычанье коровъ во дворѣ, звонъ колокола и суетливая бѣготня по заламъ и коридорамъ начинавшаго дневную жизнь замка.

III.

Постоянные припадки запойнаго пьянства и постепенно наступавшая слѣпота дѣлали невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе аббата Евстафія въ монастырѣ.

Братія, привязавшаяся къ доброму и веселому старяку, съ печалью провожала Евстафія. За пятнадцать лѣтъ своего служенія аббатъ сдѣлалъ много добра для своей братіи, и никто не могъ пожаловаться на его строгость или несправедливость. Внезапная отставка престарѣлаго служителя церкви возбудила ропотъ въ средѣ монаховъ. Давно всѣ привыкли къ періодическимъ запоямъ аббата, когда онъ недѣлями не отправлялъ богослуженія и отлучался изъ кельи только для того, чтобы раздобыть вина. Въ эти періоды аббатъ былъ особенно оживленъ и занимателенъ, и никогда не доходилъ до потери сознанія, хотя сосудъ съ запретнымъ напиткомъ неотлучно стоялъ возлѣ постели Евстафія, и онъ каждыя пять минутъ отлебывалъ изъ него, не только днемъ, но и ночью. Что же касается

слѣпоты аббата, то одинъ глазъ его еще видѣлъ вполне отчетливо, такъ что Евстафій ходилъ безъ провожатаго, читалъ книги крупной печати и могъ совершать богослуженіе съ тѣмъ же благолѣпіемъ, какъ въ прежніе годы. Негодующая братія объясняла увольненіе аббата личнымъ нерасположеніемъ епископа и интригами завистливыхъ прелатовъ. Правда, ходили какіе-то темные слухи о сношеніяхъ аббата Евстафія съ дьяволомъ, но этимъ расказнямъ вѣрили только мѣстные кумушки, любившія почесать языкъ, сойдясь утромъ у колодца, особенно если дѣло шло о какомъ-нибудь знатномъ и уважаемомъ лицѣ селенія. Не только люди образованные, но и наиболѣе разсудительные поселяне смѣялись надъ этими вымыслами досужаго невѣжества. Всѣ знали аббата Евстафія за хорошаго христианина, всегда готоваго помочь ближнему въ бѣдѣ, правда, имѣющаго несчастную слабость къ вину и не совсѣмъ равнодушнаго къ прелестямъ женскаго пола. Но эти маленькія слабости приусуши многимъ монахамъ и почти неизбѣжны при ихъ обязательномъ безбрачїи. Нѣтъ ничего опаснѣе религіознаго фанатизма, преслѣдующаго естественныя наклонности нашей природы, вложенныя въ насъ Самимъ Господомъ Богомъ, и ставшаго соблюденіе субботы выше дѣла челоуѣколюбія.

Не желая порывать сношеній со своей братіей, аббатъ Евстафій арендовалъ клочекъ земли въ пятнадцати верстахъ отъ аббатства. Онъ заключилъ годовой контрактъ съ управляющимъ помѣстья Ригель, по которому онъ въ теченіе года могъ пользоваться домомъ и тремя десятинами графской земли, съ правомъ выгонять на лугъ свою скотину и косить траву.

Домикъ, арендованный аббатомъ, отстоялъ на версту отъ графскаго замка. Онъ былъ окруженъ вѣковымъ еловымъ паркомъ. Неподалеку стояла хижина лѣснаго Гудайля, уже знакомаго читателю изъ предыдущей главы нашего повѣствованія.

Развивавшіеся старческіе недуги внушали аббату серьезныя опасенія. Онъ рѣшилъ испробовать отстать отъ своей пагубной привычки. Около года онъ не притрогивался къ стакану, чувствовалъ себя бодро и благословлялъ свое воздержаніе. Ложился онъ рано. Вставалъ до зари, и, по прочтеніи положен-

ныхъ молитвъ, занимался дѣланіемъ птичьихъ клѣтокъ и ловушекъ.

При первыхъ лучахъ зари, надѣвъ сапоги изъ оленьей шкуры и теплую мѣховую шапку, аббатъ выходилъ изъ дому. Хорошо высмотрѣвъ мѣста своимъ единственнымъ глазомъ, аббатъ разставлялъ ловушки. Въ ловлѣ птицъ проходило у него утро. Въ лѣтнее время сборъ грибовъ и рыбная ловля поглощали все время дѣятельнаго старика.

Аббатъ Евстафій скоро ознакомился съ мѣстнымъ населеніемъ и сдружился съ приходскимъ священникомъ, отцомъ Филиппомъ, молодымъ еще человѣкомъ. Отецъ Филиппъ только третій годъ былъ священникомъ, и съ необычайнымъ рвеніемъ относился къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей. Когда гасли огни во всемъ селеніи, долго еще мерцала лампада въ крайнемъ домикѣ отца Филиппа, и въ окно можно было разглядѣть склоненную передъ Распятіемъ высокую и стройную фигуру священника. До глубокой ночи отецъ Филиппъ читалъ молитвы, повергаясь ницъ передъ Распятіемъ, отгоняя ночные соблазны и грѣховные помыслы. Болѣзненный и раздражительный, отецъ Филиппъ не дружилъ съ поселянами, и постоянно обличалъ въ воскресныхъ проповѣдяхъ ихъ нерадѣніе къ церкви, ихъ развратъ и пьянство.

Наоборотъ, благодушный аббатъ Евстафій легко сходился съ поселянами, и скоро сталъ желаннымъ гостемъ въ наиболѣе зажиточныхъ домахъ деревни. Къ легкому и общительному нраву аббатъ присоединялъ еще рѣдкую смѣтливость и находчивость. Никто не могъ лучше его подать совѣтъ въ болѣзни, найти средство для починки испортившагося инструмента, способствовать удачѣ народнаго праздника.

IV.

Въ описываемый нами день аббатъ Евстафій только что всталъ отъ послѣбѣденнаго сна и вышелъ на занесенное снѣгомъ крылечко, чтобы полюбоваться закатомъ солнца. Нѣсколько

дней бушевавшая вьюга затихла; жемчужное небо нѣжно розовѣло за бѣлыми стволами обнаженныхъ березъ. Въ тишинѣ парка иногда только слышался хрустъ сломившейся вѣтки или поканье бѣлки, дерпрыгивавшей съ одной ели на другую.

Вниманіе аббата Евстафія привлекла высокая и прямая фигура неизвѣстнаго ему человѣка. Графъ Ригель, по колѣно увязая въ сугробахъ, приближался къ домику аббата. За нимъ бѣжала бѣлая собака, взволнованно нюхая подъ кустами и высматривая бѣлокъ.

Аббатъ Евстафій стоялъ на крыльцѣ въ одной рясѣ и безъ шапки.

Графа поразила правильная округлость его лысины, обрамленной черными волосами. Ротъ аббата выдавался впередъ сочнымъ бутонѣмъ; на давно небритомъ подбородкѣ проступала черная щетина. Подъ дугообразными бровями большіе темные глаза пристально вглядывались въ подходившаго. Одинъ глазъ уже былъ затянутъ сѣровой мутью.

Отрекомендовавшись аббату, графъ изъяснилъ, что онъ явился узнать, доволенъ ли отецъ Евстафій условіями жизни въ помѣстьѣ Ригель и не терпитъ ли онъ какихъ-нибудь неудобствъ отъ ветхости строенія и отъ грубости лѣсничаго Гудайля.

— Въ этомъ домѣ многое требуетъ починки, — говорилъ графъ. — Полы давно стнили и, вѣроятно, вамъ не мало пришлось бороться съ холодомъ, этимъ безсовѣстнымъ тираномъ, самовластно распоряжающимся въ нашемъ прекрасномъ помѣстьѣ. А что до Гудайля, то я всегда цѣнилъ его преданность нашей семьѣ и бдительность въ дѣлѣ охраны лѣса, но хорошо знаю, какъ тяжело бываетъ терпѣть его самоуправство и грубость!..

— Я очень тронутъ, графъ, вашей внимательностью ко мнѣ, бѣдному, слѣпому старику, подъ конецъ дней лишенному крова и принужденнаго къ печальнымъ скитаніямъ, — отвѣтилъ аббатъ. — Но, хвала Дѣвѣ Маріи!, эта зима не давала поводовъ роптать на Всевышняго. Морозы щадили скромную келью одинокаго анахорета. Правда, изъ-подъ пола сильно дуло, но я за-

ложилъ полъ коврами, если только эта маленькая роскошь дозволительна для духовнаго лица. Что же касается чернобородаго Гудайля, то мы съ нимъ большіе друзья, и я часто пользуюсь услугами его и жены его, наипріятнѣйшей изъ дочерей Евы.

— Да,—задумчиво сказалъ графъ Ригель.—И до меня дошли слухи, что старый Гудайль овдовѣлъ, а черезъ двѣ недѣли женился на семнадцатилѣтней красоткѣ, прелести которой были плохими защитниками ея дѣвической невинности.

— Конечно, строгость распутной матери не уберегла дѣвушку отъ нѣкоторыхъ проказъ, неизбѣжныхъ спутницъ красоты и молодости,—съ улыбкой отвѣчалъ аббатъ Евстафій.— Но нашъ Гудайль не былъ особенно разборчивъ насчетъ нравственности. Да и все показываетъ, что онъ сдѣлалъ хорошій выборъ: во всякомъ случаѣ, его супружеское ложе общаетъ ему плодородіе нашего праотца Іакова. За четыре года женитьбы онъ наплодилъ четырехъ ребятишекъ. Но что же, графъ? Надѣюсь, что вы удостоите посѣщеніемъ мое бѣдное жилище! Войдите, пожалуйста.

v.

Графъ вступилъ въ комнату, съ большимъ чернымъ Распятиемъ въ углу, портретами монаховъ по стѣнамъ и клѣткой съ синицами на окнѣ.

Аббатъ сѣлъ въ кресло у окна и, снявъ очки, принялся протирать ихъ. Въ окно проникали голубыя сумерки уже весенняго вечера; крутившіяся снѣжинки предвѣщали опять ночную вьюгу.

— Скажите, графъ,—началъ аббатъ Евстафій,—въ какомъ положеніи дѣла при дворѣ ея величества? Будетъ ли, наконецъ, положенъ предѣлъ наглому самоуправству безбожнаго узурпатора герцогскихъ правъ, несчастнаго принца Георга, который, не боясь воздаянія ни въ этой жизни, ни въ будущей, покушается на привилегіи дворянъ и прелатовъ?

— Едва ли мы сойдемся во взглядахъ по этому предмету, отецъ Евстафій,—нетерпѣливо прервалъ графъ Ригель словоохотливаго аббата.—Я считаю политику принца Георга наиболее соответствующей переживаемому моменту. А что до дворянъ и прелатовъ, то, право же, они довольно нагуляли себѣ жиру и набили карманы золотомъ, пока другіе гибли на полѣ сраженія, или, что много хуже, въ своихъ собственныхъ домахъ, не имѣя куска хлѣба для утоленія голода. Я самъ былъ свидѣтелемъ того разоренія, въ какое пришли южныя графства вслѣдствіе несчастныхъ войнъ 10-го и 13-го года. Но и нашъ сѣверъ не процвѣтаетъ. Я, всего недѣля, какъ пріѣхалъ въ замокъ, а ничего еще не слышалъ, кромѣ жалобъ на бѣдность, на низкій эгоизмъ земельной аристократіи и безсовѣстное самоуправство герпогской полиціи. Я надѣюсь, что не потеряю даромъ того времени, которое королева соблаговолила подарить мнѣ для путешествія на родину. Я надѣюсь на мѣстѣ изслѣдовать нужды нашего крестьянства, выяснитъ коренныя причины бѣдственнаго положенія, въ которое попала вся трудящаяся часть населенія, придумать мѣры для скорѣйшаго улучшенія народнаго благосостоянія и изложить все это въ запискѣ Центральному Комитету. Я хорошо знаю доброе сердце ея величества и не хочу вѣрить, что происки презрѣнныхъ тунеядцевъ имѣютъ большую силу въ глазахъ королевы Маріи, чѣмъ правдивое донесеніе ея стараго друга, съ первыхъ лѣтъ отдаваго себя на служеніе интересамъ королевскаго дома.

Аббатъ Евстафій заходилъ по комнатѣ.

— Я всегда сочувствовалъ горю угнетеннаго народа,—началъ онъ, закуривая трубку. Къ этому сочувствію обязываетъ меня уже одно званіе христіанскаго пастыря. Но я не думаю, чтобы дѣло добра и справедливости могло совершаться черезъ угнетеніе одного сословія другимъ, путемъ грабежа и насилія. А какимъ другимъ именемъ назовете вы проектъ земельной реформы, читанный принцемъ Георгомъ на засѣданіи 5-го ноября? Вѣдь эта реформа неизбежно приведетъ къ обнищанію лучшей части народа, вѣками служившей дѣлу усиленія государства и процвѣтанія церкви. Конечно, я не одобряю нашего отца Фи-

липпа, который въ каждой воскресной проповѣди призываетъ къ повиновенію помѣщикамъ и позидіи, чѣмъ только раздражаетъ нашихъ добрыхъ поселянъ и фермеровъ. Но, съ другой стороны, и то несомнѣнно, что народъ въ значительной мѣрѣ самъ создаетъ себѣ настоящее положеніе своею лѣнью и беззаботностью. Могу васъ увѣрить, что эти недовольные Центральнымъ Комитетомъ, по большей части, составляютъ подонки населенія. Всѣ работающіе и здравомыслящіе крестьяне благословляютъ королеву Марію, и (пошли ему Богъ многія лѣта!) герцога Карла. Тѣ же, кто не наполнилъ своевременно свои амбары зерномъ и сарай сѣномъ, смущаютъ мирное населеніе, въ надеждѣ «половить рыбу въ мутной водѣ», какъ говоритъ пословица.

Графъ Ригель дернулъ ногой, при чемъ его посеребренная шпора сверкнула въ сумракѣ.

— На счетъ того, кто «ловить рыбу въ мутной водѣ», позвольте мнѣ остаться при собственномъ моемъ мнѣніи, отецъ Евстафій,—сказалъ графъ, подымаясь съ мѣста.—Однако, совѣмъ стемнѣло. Мнѣ пора вернуться въ замокъ.

— Вы непременно собьетесь съ дороги,—сказалъ аббатъ.—Слышите, какъ шумитъ вьюга? Это послѣднія усилія зимы. Но ей не долго еще царствовать. На тополяхъ начали разбухать почки; вечера становятся все длиннѣе и длиннѣе. Я все-таки радъ веснѣ, хотя мое, съ каждымъ днемъ слабѣющее, зрѣніе не дастъ мнѣ какъ слѣдуетъ полюбоваться прелестями оживающей природы. Не хотите ли вы взять у меня фонарь, графъ Ригель? Иначе вы непременно заплутаетесь, предупреждаю васъ.

— Благодарю васъ, отецъ Евстафій. Но я съ дѣтства хорошо знаю всѣ дорожки и тропинки нашего помѣстья, и никакая метель не можетъ помѣшать мнѣ добраться до замка. Фонарь былъ бы мнѣ только лишней обузой.

И, кликнувъ собаку, графъ вышелъ изъ дома аббата Евстафія. Метель съ визгомъ кинулась ему въ глаза, забиваясь мокрыми снѣжинками подъ мѣховую шапку, осѣдая на бородѣ и усахъ, заползая за воротникъ. Но въ крутящейся мглѣ графъ ясно различилъ свѣтящуюся точку. Огонекъ мигалъ: то совѣмъ гасъ, то возникалъ изъ снѣжного вихря.

«Это—огонекъ въ окнѣ стараго Гудайля»,—подумалъ графъ, и пошелъ по направленію свѣтящейся точки. Скоро онъ потерялъ всякую дорогу, и, по колѣно увязая въ снѣгу, готовъ былъ вернуться назадъ и прямо идти въ замокъ, отложивъ посѣщеніе Гудайля до болѣе благопріятной погоды. Онъ часто задѣвалъ головой еловыя вѣтви, отягченные снѣгомъ; цѣлыя лавины падали на него, тогчасъ же тая и насквозь пропитывая одежду. Древніе стволы со скрипомъ клонились, уступая напору вѣтра.

VI.

Страхнувъ съ плечь мокрый снѣгъ и предварительно стукнувъ, графъ вступилъ въ жилище стараго лѣсничаго. Нѣсколько грязныхъ ребятишекъ барахтались на полу. Гудайль съ супругой сидѣли за ужиномъ. На столѣ стояло блюдо соленой рыбы и миска полбенной каши.

При входѣ графа, Гудайль быстро вскочилъ изъ-за стола, уступая графу свое мѣсто.

Комната, низкая и прокопченная, тускло освѣщалась свѣтильной изъ трескового жира. Пахло рыбой, лукомъ и грязнымъ бѣльемъ. Кромѣ глиняной печки, стола и деревянныхъ лавокъ, убранство комнаты составляла большая, накрытая сбитыми въ кучу одѣялами кровать.

Очевидно, все семейство, двое супруговъ и четверо дѣтей, вкушало сладость Морфея на этомъ непривлекательномъ ложѣ.

— Неудобно-ли, графъ, раздѣлить съ нами нашъ убогій ужинъ?—говорилъ суетливый Гудайль.—Правда, мы не можемъ предложить вамъ ничего, кромѣ полбенной каши и соленой рыбы. За то рыба — первый сортъ! Я думаю, вы не забыли, какъ сладки форели вашего озера? Въ теперешнее проклятое время они составляютъ чуть ли не единственный доходъ вашего помѣстья. Можетъ быть, вы хотите свѣжихъ яицъ? Катерина, угости графа.

Хозяйка, засвѣтивъ лучину, вышла во дворъ, и скоро вер-

нула съ тарелкой бѣлорозовыхъ яицъ, какъ видно только что снесенныхъ курами хозяйственнаго Гудайля.

— Прекрасныя яйца,—говорилъ графъ, разбивая скорлупу и проглатывая яйцо. — Но еще прекраснѣе руки, поднесшія ихъ мнѣ.—И графъ, поднявшись, поцѣловалъ руку молодой супруги старика Гудайля.

Пока графъ бесѣдуетъ съ Гудайлемъ о хозяйственныхъ дѣлахъ замка Ригеля, мы познакоимъ читателя съ наружностью Катерины, ибо супруга Гудайля займетъ не послѣднее мѣсто въ нашемъ повѣствованіи.

Четыре года супружеской жизни, постоянныя работы, болѣзни дѣторожденія и питаніе грудью сильно измѣнили хорошенькую поселянку, нѣкогда слышную сиреной голубого Тэя и мечтавшую о болѣе высокомъ положеніи, чѣмъ то, которое занимаетъ въ свѣтѣ бѣдная жена лѣсничаго. Изъ прежнихъ прелестей Катерина сохранила только необыкновенную бѣлизну кожи, отливавшей серебрянымъ блескомъ, и сладострастное выраженіе сонныхъ желтыхъ глазъ, въ которыхъ никогда нельзя было уловить присутствіе чувства или мысли. За четыре года замужества Катерина раздобрѣла и стала еще тупѣе и лѣннѣе. Гудайль не рѣдко поколачивалъ свою прелестную супругу, но къ побоямъ она относилась равнодушно, разъ навсегда припрившись съ неизбежностью своего положенія.

— Эге, старина Гудайль!—замѣтилъ графъ, хлопнувъ по плечу лѣсничаго.—У тебя губа—не дура! Ну, видано ли, чтобы старику доставалась такая красота! Но, кажется, молодой супругѣ не приходится тосковать объ удовольствіяхъ любви, и старикъ работаетъ за четверыхъ, какъ я могу судить по этимъ щенкамъ, играющимъ съ моей шпорой.

Катерина засмѣялась съ притворнымъ смущеніемъ, закрывъ лицо рукою.

Гудайль сердито нахмурился.

— Не стыдно ли вамъ, графъ, издѣваться такъ надъ бѣдными людьми!—недовольно проговорилъ онъ.—Конечно, моя Катерина—женщина честная и хозяйственная, но она ничѣмъ не заслужила вниманія графа Ригеля, привыкшаго къ обществу не та-

кихъ женщинъ. Вашими рѣчами вы только вскружите голову моей бѣдной дурѣ, которая, пожалуй, не пойметъ, что графъ изволить надъ ней смѣяться, и приметъ за чистую монету ваши похвалы ея наружности.

— Ну, ну, Гудаль,—привѣтливо сказалъ графъ Ригель.—Ты все такой же угрюмый звѣрь, какимъ былъ прежде. Право, я не думалъ оскорбить тебя, похваливъ твой вкусъ и твою крѣпость. Вотъ милая Катерина гораздо лучше поняла меня, какъ я замѣчаю по ея улыбкѣ. Перестань же сердиться, старина!

Въ это время вьюга сильно зашумѣла, хлопнула ставней, и снѣгъ зазвенѣлъ о стекла. За перегородкой кто-то пошевелился.

— Какъ ты пойдешь къ господину аббату, Алиса? Ты со-
бьешься съ дороги,—сказала Катерина.

— Ничего, дойду!—раздался голосъ, нѣжный, какъ пѣніе золотой скрипки, и затѣмъ зазвенѣлъ короткій смѣхъ, похожій на журчаніе лѣснаго ручья.

Графъ Ригель вздрогнулъ.

— Кто тамъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ Катеринѣ.

— Это моя сестренка, графъ. Она живетъ въ прислугахъ у господина аббата. Добрый отецъ Евстафій отпустилъ ее сегодня ко мнѣ на цѣлый вечеръ. Она помогаетъ мнѣ по хозяйству и занимается починкой сѣтей. Скоро растаетъ озеро, и предстоитъ богатая рыбная ловля.

Въ это время изъ-за перегородки вышла дѣвочка лѣтъ шестнадцати, невысокаго роста. Коротенькая коса ея была золоти-
стаго цвѣта. На румяномъ, какъ яблоко, лицѣ смѣло усмѣхались маленькіе зеленые глаза, безъ бровей. Въ рукахъ она держала рыбачью сѣть.

Алиса поклонилась графу и сѣла у окна, поправивъ свѣ-
тильню.

Графъ поспѣшно всталъ и простился съ хозяевами.

— Не проводить ли васъ, графъ, до большой дороги? Что за охота по колѣно вязнуть въ снѣгу!—кричалъ Гудаль графу, уже вышедшему въ сѣни.—Вотъ Алиса сбѣгаетъ васъ проводить: она каждый день по нѣскольку разъ бѣгаетъ отъ дома госпо-

дина аббата и протоптала тропинки, никому неизвѣстныя, кромѣ ея одной. Алиса, проводи графа!

Графъ не успѣлъ отказаться отъ предложенія Гудайля, какъ быстрая Алиса уже была въ дверяхъ. Она побѣжала впередъ, но графъ не видѣлъ ея за снѣжнымъ смерчемъ, онъ только слышалъ ея голосъ: «сюда, графъ! не наткнитесь на елку! Видите огонекъ въ домѣ господина аббата?»

Выйдя на большую дорогу, Алиса остановилась. Въ блѣдномъ вихрѣ простирались занесенныя снѣгомъ поля, съ рѣдкимъ обнаженнымъ кустарникомъ. Небо и земля слились въ однопафное звенящее и свистящее пространство. Снѣжинки, не тая, ложились на красныя щеки Алисы и опушали ея рѣсницы. Вѣтеръ срывалъ платокъ съ ея головы.

Графу казалось неудобномъ разстаться съ Алисой, не сказавъ ей привѣтливаго слова.

— У вашей матери бо́льшая семья, Алиса? — спросилъ онъ своего хорошенькаго проводника.

— «У меня одинъ братъ; онъ далеко на службѣ, графъ. Еще есть маленькія сестры», — отвѣчала дѣвушка.

— И ваши сестры такія же хорошенькія, какъ вы, Алиса? У нихъ такіе же золотые волосы и свѣтлыя глазки?

— «Мы всѣ—бѣлыя», — разсмѣялась Алиса и бросилась бѣжать отъ дороги. Ея снѣгъ, похожій на журчаніе лѣснаго ручья, исчезъ въ шумѣ метели.

VII.

Графъ двинулся впередъ. Онъ шелъ напроломъ. Вѣтеръ дулъ ему навстрѣчу, почти сбивая съ ногъ. Снѣжный вихрь стѣкалъ по лицу, закрывая глаза и больно ударя въ щки. Графъ ничего не видѣлъ передъ собою. Ни одинъ предметъ не выдѣлялся изъ крутящейся мглы. Графъ часто оступался и завязалъ въ сугробѣ.

Къ завыванію метели присоединился какой-то звенящій шелестъ. Графъ различилъ по обѣ стороны дороги заросль кустарника.

Нѣкоторые засохшіе листья не облетѣли, и теперь вѣтеръ стремился оборвать ихъ и разметать по снѣжному полю.

Новый вихрь налетѣлъ на графа и чуть не сбиль его съ ногъ. Когда снѣжинки разсѣялись, графъ ясно увидѣлъ передъ собою фигуру монаха въ черной рясѣ. Графъ инстинктивно схватился за мечъ и готовъ былъ окликнуть подозрительнаго бродягу; но черный образъ, какъ будто сотканный изъ вѣтра и мрака, растаялъ передъ нимъ, и снова ничего не было, кромѣ шума метели. Графъ не обратилъ вниманія на эту странную встрѣчу. Послѣ вкуснаго ужина, который подала Джени, онъ утѣлся у теплаго камина, положивъ ноги на желѣзную рѣшетку и согрѣвая краснымъ виномъ свое иззябшее и промокшее тѣло. Онъ оживленно бесѣдовалъ съ Мортонемъ о политическихъ дѣлахъ, мгновенно позабывъ и Катерину, и Алису, и страннаго монаха на дорогѣ.

VIII.

Передъ праздникомъ Пасхи графъ Ригель исповѣдывался и причастился у отца Филиппа.

Древній храмъ, гдѣ покоились останки предковъ графа, расположенъ былъ среди тѣнистой рощи надгробныхъ деревьевъ, неподалеку отъ домика аббата Евстафія и хижины лѣсничаго Гудайля.

Съ каждымъ днемъ посѣщеніе храма становилось затруднительнѣе и затруднительнѣе для графа Ригеля. Уже весеннее солнце замѣтно припекало съ голубой вышины; снѣга таяли вокругъ корней древесныхъ; шумные ручьи пересѣкали дорогу. Но наступило полнолуніе; ночи были свѣтлыя и тихія, и графъ упорно совершалъ свои походы пѣшкомъ, надѣясь на толщину и непроницаемость своихъ высокихъ ботфортвъ, давно уже насыщенныхъ лошадинымъ потомъ и пропитанныхъ кровью непріятелей.

Въ день исповѣди, проводя, ночь въ благочестивыхъ помышленіяхъ и чтеніи молитвенника, графъ немного заснулъ

передъ восходомъ солнца. Его разбудилъ вѣтеръ, съ утра бушевавшій въ поляхъ и клонившій вершины вѣковыхъ листвъ, росшихъ въ паркѣ подъ окнами графской спальни.

Этотъ вѣтеръ пробудилъ въ душѣ графа непонятное безпокойство, весь день не покидавшее его. Напрасно онъ старался сѣсть за работу или собрать разсѣянные мысли, устремивъ ихъ къ покаянію въ содѣланныхъ согрѣшеніяхъ и къ ожиданію пріятія даровъ Святаго Духа въ благодатномъ таинствѣ апостольской церкви. Неистовый вѣтеръ шумѣлъ за окномъ, и не давалъ графу сосредоточиться. Въ полдень графъ сошелъ внизъ и засталъ Мортонъ Шафтонъ за разработкой земельного проекта. Дѣло, столь близкое душѣ графа, на минуту заняло его. Онъ указалъ молодому человѣку главные недочеты его труда, поставилъ по-новому нѣкоторые вопросы, похвалилъ скромнаго юношу за его усердіе и аккуратность, и, накинувъ красный бархатный плащъ, вышелъ изъ воротъ замка.

IX.

За эту ночь въ природѣ произошли значительныя перемѣны. Тамъ, гдѣ еще вчера глыба серебрянаго снѣга блестѣла на солнцѣ, теперь разливалась синія взволнованная зыбь. Ледъ, съ шипѣніемъ и хрустомъ, обламывался подъ ногами графа; его ботфорты глубоко уходили въ студеную лѣдненую воду. Голубое небо искрилось, и оттуда доносились веселыя трели незримыхъ пернатыхъ. Вѣтеръ свистѣлъ въ вѣтвяхъ обнаженныхъ деревьевъ, накренилъ черныя стволы, и быстро гналъ по небу бѣлые облака.

Едва графъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ вѣтеръ захлѣпилъ ему уши, взвилъ его бархатный плащъ на голову, и чуть не свалилъ съ ногъ.

Немудрено, что графъ былъ очень радъ, когда вступилъ въ глухую аллею парка, куда едва проникалъ вѣтеръ и гдѣ только слышалось хлюпанье земли, всасывавшей въ себя влагу растаившаго снѣга. Ни одного листка не зеленѣло еще на деревь; но

молодыя ивы, эти нѣжныя красавицы бѣднаго сѣвера, уже надѣли свой весенній нарядъ: почки ихъ покрылись бѣлымъ пухомъ.

Съ кровли аббатава домика поднимался синій дымокъ. Маленькая Алиса, въ сѣромъ платьѣ и потертой плисовой кофточкѣ, бѣжала по тропинкѣ къ хижинѣ лѣсничаго Гудайля.

х.

Солнце начинало склоняться къ западу, когда графъ вступилъ подъ каменные своды храма.

Родъ Ригелей издавна отличался вольнодумствомъ и религіознымъ индифферентизмомъ. Объ этомъ свидѣтельствовала наружность храма. Позолота вездѣ потускла; карнизы обвалились; сквозь отверстія стѣнъ склонялись древесныя вѣтви. Было темно какъ въ склепѣ и сыро какъ въ погребѣ.

Въ храмѣ было еще совершенно пусто. Одинокая лампада теплилась передъ образомъ Дѣвы Маріи; блѣдно желтели молитвенники на пыльныхъ попитрахъ. На престолѣ тускло блестѣли три серебряныхъ свѣтильника.

Косые лучи заходящаго солнца едва проникали сквозь высокія готическія окна, освѣщая пыльный столбъ, тянувшійся изъ купола къ алтарю.

На оконныхъ стеклахъ начертаны были сцены изъ библейской исторіи.

На одномъ окнѣ Богъ, въ видѣ странниковъ, въ бѣлыхъ одеждахъ и съ дорожными посохами, возсѣдалъ подъ сѣнью зеленаго дуба Мамврійскаго; сѣдобородый Авраамъ, склонясь на колѣни, подавалъ золотое блюдо съ багрянымъ виномъ и пшеничными хлѣбами; а древняя годами Сарра, съ насмѣшливой улыбкой, выглядывала изъ-за двери. На второмъ окнѣ добрый пастырь несъ на плечахъ заблудшаго ягненка; на третьемъ—Иисусъ Христосъ, возлѣ колодца, бесѣдовалъ съ красивой Самарянкой, пришедшей на зарѣ почерпнуть воды въ свою амфору; на четвертомъ—Дѣва Марія поцирала лунный серпъ Сво-

ею ногой, и ангелы, въ видѣ прекрасныхъ дѣвушекъ, въ красныхъ хитонахъ, славословили Приснодѣву. Такъ, на каждомъ окнѣ кистью искуснаго живописца изображенъ былъ какой-нибудь символъ христіанской религіи.

Надъ аркой, отдѣлявшей алтарь отъ остальной части храма, золотыми буквами начертаны были слова изъ Лоретскаго акаѳиста: «*Stella matutina, ora pro nobis*».

Въ ожиданіи отца Филиппа, графъ бродилъ между гробницами предковъ, разсматривая скульптурныя украшенія и читая полустертые надписи. На иныхъ гробницахъ изсѣчены были рыцарскіе доспѣхи; на другихъ—молящіяся фигуры; на третьихъ—черепы и скелеты—печальные символы смерти, столь неумѣстные на христіанскихъ гробницахъ, гдѣ все должно говорить не о бранныхъ останкахъ, мирно истлѣвающихъ въ землѣ, а о бытіи безсмертнаго духа человѣческаго.

Надгробные мраморы потемнѣли; кое-гдѣ они поросли плѣсенью и мохомъ.

Разбирая торжественныя эпитафіи, графъ припоминалъ все, что съ дѣтства было ему знакомо изъ разсказовъ матери, въ долгіе осенніе вечера любившей вспоминать семейныя преданія. Переходя отъ гробницы къ гробницѣ, графъ перечитывалъ повѣсть злодѣяній, которыми было украшено знаменитое имя Ригелей. Это была страшная повѣсть жестокости и распутства. Путемъ постоянныхъ грабежей, притѣсненіемъ слабого и сираго росло богатство семейства Ригелей. Буйные варвары, для которыхъ хищничество такъ же необходимо, какъ пища и воздухъ, Ригели по всей округѣ прославились опустошительными набѣгами, во время которыхъ они угоняли у поселянъ послѣдній скотъ и захватывали наиболѣе красивыхъ дѣвушекъ. Удрученный тяжелыми преданіями своего дома, графъ Ригель радостно остановился передъ свѣжей мраморной плитой, со склоненнымъ надъ нею скульптурнымъ ангеломъ. Это была гробница его отца, котораго онъ потерялъ на седьмомъ году жизни. Покойный Эдмундъ Ригель отличался необыкновеннымъ человѣколюбіемъ, и память о его благодѣяніяхъ до сихъ поръ свѣжа не только въ графствѣ Ригель, но и за его предѣлами.

Графъ Ригель почти не помнилъ отца. Одно только событіе твердо запечатлѣлось въ его памяти. Онъ помнилъ, какъ его, шестилѣтняго мальчика, отецъ въ первый разъ посадилъ на лошадь. Онъ помнилъ, какъ желѣзная рука огромнаго рыцаря подхватила его и, какъ перышко, опустила въ сѣдло со звонкими серебряными стременами. Онъ помнилъ, что отецъ весело погладилъ его по головѣ, сказавъ: «ну, Гарри, я вижу, изъ тебя выйдетъ хорошій наѣздникъ, и ты не посрамишь славнаго имени Ригелей».

Еще графъ помнилъ мертвое лицо, въ золотомъ шлемѣ, подъ траурнымъ балдахинномъ, среди главной залы замка. Онъ помнилъ странный сумракъ во внезапно умолкшихъ покояхъ, роскошную погребальную церемонію, громъ трубъ и бой барабановъ.

XI.

Приходъ отца Филиппа порвалъ нить воспоминаній въ головѣ графа Ригеля.

Священникъ такъ испостился и измолился за послѣдніе дни, что его трудно было узнать. Онъ привѣтливо поздоровался съ графомъ и началъ облачаться передъ престоломъ.

Между тѣмъ, поселяне постепенно занимали свои мѣста. Здѣсь были сѣдые старики, видѣвшіе смѣну трехъ династій; согбенныя старухи, дѣвчонками носившія ягоды прадѣду графа; семнадцатилѣтнія дѣвушки, для которыхъ храмъ представлялъ наиболѣе удобное мѣсто, чтобы показать новые наряды и перемигнуться съ черноусымъ красавцемъ сосѣдней деревни; франтоватыя молодые люди, озабоченные выборомъ снохи для своихъ престарѣлыхъ родителей. За неимѣніемъ бальнаго зала эти дѣвицы и юноши подъ мирною сѣнью храма полагали начало своимъ невиннымъ и безхитростнымъ романамъ.

Послѣ вечерни графъ исповѣдывался.

Уже вечерѣло, когда графъ вышелъ изъ храма. Лужи поддер-

нулись тонкимъ слоемъ льда. Въ розовомъ небѣ трепетно сверкала первая звѣздочка. Звуки рѣзко раздавались въ тишинѣ.

Съ молитвеннымъ миромъ въ сердцѣ, не торопясь, шелъ графъ Ригель по направленію къ чернѣвшему парку. Влажный снѣгъ хрустѣлъ подъ его ногами.

Алиса, шедшая съ ведромъ на плечѣ отъ колодца, встрѣтилась ему. Она взглянула въ лицо графа, покраснѣла, засмѣялась и отвернулась.

— Здравствуй, Алиса,—сказалъ графъ, и слова его гулко раздались въ вечерней тишинѣ.

Дѣвочка остановилась. Ведро со звономъ колыбалось за плечомъ ея. Въ глазахъ ея было дѣтское любопытство.

Графъ взялъ ее за руку и продолжалъ:

— Сегодня былъ вѣтреный день, маленькая Алиса. Но вечеръ—тихъ и безмятеженъ. Посмотри, какая золотая звѣзда сіяетъ надъ паркомъ. Эту звѣзду называютъ звѣздой любви. Но о любви еще не думаетъ моя крошка. Она думаетъ только о куклахъ и красномъ платочкѣ на праздникѣ? Не правъ ли я, Алиса?

И онъ откинулъ назадъ ея голову и сверху глядѣлъ ей въ глаза. Золотая прядь волосъ выпала изъ-подъ платка. Она усмѣхнулась.

На ногахъ Алисы были закорузные дырявые башмаки; въ отверстія проникалъ снѣгъ, соперничая съ бѣлизной ея кожи.

Графъ наклонилъ лицо къ лицу Алисы. И вдругъ она, какъ-то дѣтски покорно и безпомощно, опустила голову ему на плечо. Графъ поцѣловалъ ее въ губы. Внезапно Алиса вздрогнула, захохотала, и, вырвавшись, исчезла въ чашѣ. Только ведро ея, замирая, звенѣло въ отдаленіи. И оно смолкло. И ни единый звукъ не нарушалъ вечерняго молчанія. Розовое сіянье мѣрно ложилось на голубые снѣга.

Графъ постоялъ съ минуту и быстро зашагалъ вслѣдъ за Алисой къ домику аббата Евстафія.

XII.

Графъ засталъ аббата за скромной вечерней трапезой. Неприхотливый старикъ довольствовался дешевыми продуктами сельского хозяйства: блюдо варенаго картофеля и немного салата съ уксусомъ—вотъ все, что въ дни поста позволялъ себѣ престарѣлый служитель церкви.

— А, графъ! не угодно ли закусить? Алиса! поставь приборъ!—встрѣчалъ гостя хлѣбосольный хозяинъ.

— Духовному пастырю не слѣдовало бы соблазнять и безъ того заблудшую овцу, любезный-господинъ аббатъ!—шутливо отвѣчалъ графъ Ригель.--Да будетъ вамъ извѣстно, что завтра утромъ я приобщаюсь плоти и крови нашего Господа. Этотъ вечеръ должно мнѣ провести въ благочестивыхъ помыслахъ и полномъ воздержаніи.

— Э, полноте, графъ!—съ улыбкой возразилъ аббатъ.—Не то оскверняетъ человѣка, что входитъ въ уста, а то, что выходитъ изъ устъ. Къ тому же я вамъ не предлагаю плѣнительной биранины, не соблазняя даже сладкой форелью. Подкрѣпить тѣло нѣсколькими картофелинами и листикомъ салата—не только не грѣшно, но даже необходимо. Слабость тѣлесная дѣлаетъ насъ болѣе воспримчивыми къ нѣкоторымъ искупеніямъ и соблазнамъ. Присаживайтесь-ка сюда и кушайте. Эй да у васъ ноги обледѣли! Что стоитъ схватить лихорадку и преждевременно отправиться на лоно Авраамово? Васъ необходимо согрѣть, милѣйшій графъ! И я обладаю нѣкоторымъ элексиромъ, навѣрное, болѣе сладкимъ, чѣмъ нектаръ юной Гебы и охраняющимъ отъ всякой болѣзни. Что вы смотрите, графъ? Старый монахъ не такъ-то плохъ, какъ это можетъ сначала показаться.

И аббатъ вышелъ изъ комнаты, слегка кряхтя и тяжело ступая толстыми, обутыми въ оленью шкуру, ногами.

Голубыя сумерки уступили мѣсто ночному мраку. Глаза съ трудомъ различали предметы, находившіеся въ комнатѣ. За окномъ слышалось паденіе капель.

Алиса вошла, держа въ пальцахъ розовую стеклянную лам-

падку съ зажженнымъ фитилемъ. Она укрѣпила ее у подножія Распятія, висѣвшаго въ углу. Кокетливая дѣвочка отвернула голову и ни разу не взглянула на графа. Графъ былъ поглощенъ своими мыслями и ему лѣнь было опять заигрывать съ маленькой шалуньей.

Аббатъ вернулся съ пузатой черной бутылкой. Онъ несъ ее бережно, обѣими руками, какъ вещь дорогую, нѣжно любимую. На бутылкѣ былъ ярлыкъ съ крестомъ Бенедиктинскаго ордена.

— Вотъ онъ — живительный элексиръ! — говорилъ аббатъ Евстафій, ставя бутылку на столъ. — Выпейте немного, и вамъ сразу станетъ тепло. Иначе, не одобровать вамъ, графъ Ригель!

— Я бы охотно выпилъ, — отвѣчалъ графъ. — Но такое воздержаніе въ вечеръ передъ святымъ причастіемъ, согрѣвъ мое просырѣвшее тѣло, не повредитъ ли спасенію моей души? Подумайте-ка, аббатъ Евстафій!

Но аббатъ весело засмѣялся и сказалъ:

— Вѣдь угощаетъ васъ духовное лицо. Слѣдовательно, вамъ опасаться нечего. Если съ кого спросится грѣхъ вашего воздержанія, то прежде всего съ меня, какъ съ пастыря церкви. Но мы можемъ оба быть спокойны. Уступить немощи тѣлесной не значитъ нарушить заповѣдь Божію. Вы отвѣдаете Вахова дара не съ цѣлью постыднаго опьянѣнія, что явно запрещено апостоломъ Павломъ, а только имѣя въ виду здоровье тѣлесное, неизмѣнно споспѣшествующее и подвигамъ духовнымъ. Итакъ, отложите всякій страхъ. Сейчасъ узнаете, какъ сладокъ мой нектаръ. А роль мифологической Гебы успѣшно сыграетъ моя малютка. Алиса, наполни стаканъ графа!

Алиса потупляясь и, краснѣя, взяла бутылку и наклонила ее. Золотая, смолистая, жирная струя лѣниво засочилась изъ горлышка.

Когда стаканы были наполнены, аббатъ сказалъ:

— Алиса, сядь за столъ, и набей двѣ трубки: мнѣ и графу. Ваше здоровье, графъ!

Графъ сдѣлалъ нѣсколько плотковъ. Золотая, сладкая влага, какъ раскаленный металлъ, обожгла ему языкъ и горло. По тѣлу мгновенно распространилась теплота, въ вискахъ застучало.

Алиса за тѣмъ же столомъ набивала трубки. Она не подымала глазъ и ежеминутно, краснѣя, улыбалась.

Графъ былъ тронутъ добротой и заботливостью о немъ аббата. Ему стыдно стало рѣзкихъ словъ послѣдняго свиданія. Онъ всталъ, и, подавая руку аббату, сказалъ:

— Любезный отецъ Евстафій! прошлый разъ я зря поторчался и, быть можетъ, обидѣлъ васъ. Я былъ несправедливъ къ вамъ, и очень раскаиваюсь. Забудемъ объ этомъ, любезный отецъ Евстафій!

— Что вы, голубчикъ! — отвѣчалъ аббатъ, обѣими руками сжимая протянутую ему руку графа. — Я ничуть не оскорбленъ вашими горячими и не совсѣмъ справедливыми сужденіями. Поскольку же ваше порицаніе было направлено на меня лично, то санъ мой давно пріучилъ меня къ всепрощенію и любви. За это несчастное свойство я и остался безъ крова подъ конецъ моей многотрудной жизни.

Неизвѣстно, до чего бы дошла нѣжность и жалость графа Ригеля къ одинокому старику. Вѣроятно, графъ заключилъ бы его въ свои объятія. Но тутъ произошло нѣчто неожиданное. При послѣднихъ словахъ аббата Алиса, все время сдерживавшая улыбку, захохотала на всю комнату, закрыла зардѣвшееся лицо руками и выбѣжала за дверь, бросивъ на столъ двѣ набитыя трубки. Лицо аббата внезапно исказилось злобой.

— Не смѣй больше сюда показываться, дура! — закричалъ аббатъ и захлопнулъ дверь въ кухню.

— Эта дѣвчонка испытываетъ мое терпѣніе, — продолжалъ аббатъ, возвращаясь за столъ, — неряха, грязнуха, нахалка! Бросается на шею первому попавшемуся мужчине. Катерина одинъ только разъ отпустила ее погулять на деревню, и какъ бы вы думали! негодяйка вернулась съ долговязымъ парнемъ! Съ тѣхъ поръ мать не велѣла отпускать ее на деревню, и бѣдная Катерина совсѣмъ замучилась, не спуская глазъ со своей прелестной сестрицы! .

Въ это время изъ кухни графу послышался смѣхъ и шелестъ. Но онъ подумалъ, что это вино ударило ему въ голову. Уже въ глазахъ графа вспыхивали искры; въ ушахъ смутно звенѣло.

Онъ не чувствовалъ своего тѣла, такъ ему было легко. Казалось, сейчасъ онъ встанетъ и полетитъ.

На слова аббата объ Алисѣ графъ не обратилъ никакого вниманія. Онъ объяснялъ ихъ минутнымъ раздраженіемъ самолюбиваго старика, надъ которымъ посмѣялась шаловливая дѣвочка. Графъ хорошо зналъ привычки и манеры сладострастныхъ женщинъ. Онъ ясно видѣлъ, что Алиса еще совершенно невинна не только дѣломъ, но и помысломъ. Онъ видѣлъ въ ней только очаровательное, сознающее свою прелесть и уже кокетливое дитя. И это дитя начинало, сильно занимать его воображеніе.

XIII.

Аббатъ Евстафій взялъ трубку и закурилъ; другую трубку онъ подаль графу Ригелю со словами:

— Перейдемте, графъ, въ мой кабинетъ, въ то же время служащій мнѣ спальней. Я вамъ покажу мою библіотечку.

Въ кабинетѣ аббата было жарко натоплено. Постель стояла возлѣ стѣны, соприкасавшейся съ кухней. Пахло табакомъ, лукомъ и постнымъ масломъ. На стѣнѣ висѣли потемнѣвшіе отъ времени портреты. Графъ сразу обратилъ вниманіе на портретъ стараго прелата. Желтое, какъ пергаментъ лицо, съ вывалившимися щеками и заостреннымъ подбородкомъ, все зажжено было острымъ взглядомъ уже тускнѣющихъ глазъ. Руки сложены были на груди. Прелатъ казался издыхающей хищной птицей. Тутъ же висѣла небольшая картина, въ потемнѣвшей золотой рамѣ, картина старой и очень хорошей работы. Мѣстами краска облупилась, мѣстами холстъ былъ прорванъ. Сюжетъ картины былъ мифологическій: подъ сѣнью лавровъ лѣсная нимфа уклонялась отъ объятій сатира; изъ тусклаго мертвеннаго фона выдѣлялись золотые волосы нимфы, пурпурный плащъ, которымъ она стыдливо прикрывала свою наготу и нѣжные мягкіе сосцы, дѣвственно розовѣвшіе на двухъ посѣрѣвшихъ, блеклыхъ грудяхъ дриады.

— Я—большой поклонникъ классической древности,—гово-

рилъ аббатъ, доставая съ полки книгу въ полуистлѣвшемъ кожаномъ переплетѣ.—Въ свободные отъ богослужебныхъ обязанностей часы я уже около десяти лѣтъ работаю надъ комментариемъ къ Виргилію. Вотъ цѣнное изданіе его эклогъ, которое теперь вы не найдете ни за какія деньги.

И аббатъ, бережно касаясь страницъ, подалъ графу томъ Виргилія. Грубые пальцы графа, болѣе привыкшіе къ обращенію съ мечами, чѣмъ съ рукописными сокровищами, едва не разорвали первую, полуистлѣвшую, съ отпавшими краями, страницу.

— Осторожнѣе, графы!—въ ужасѣ воскликнулъ аббатъ.—Вы обращаетесь съ книгой, какъ съ желѣзной перчаткой. Вѣдь ни за какія деньги вы не получите другой экземпляръ!

Графъ окончательно не зная, что ему дѣлать съ книгой, и безпомощно вертѣлъ ее въ пальцахъ.

— Я никогда не былъ поклонникомъ классическихъ авторовъ, и меня много драли за нихъ въ школѣ,—заговорилъ графъ.—Латинскіе и греческіе тексты неизмѣнно вызываютъ во мнѣ печальное воспоминаніе о бесполезно истраченныхъ часахъ, когда я цѣлые вечера зѣвалъ надъ проклятой грамматикой, съ грустью поглядывая за окно, гдѣ рѣзвились крестьянскіе мальчики. Какъ я завидовалъ имъ! ихъ свободѣ, силѣ, безопасности! Никогда не забуду счастливейшаго часа моей жизни, когда, не смотря на просьбы и слезы матери, я сложилъ костеръ изъ проклятыхъ *ut fidele*, Цезарей и Ксенофоновъ и съ тощимъ кошелькомъ, добрымъ конемъ и мальчикомъ-оруженосцемъ отправился искать счастья на югъ, гдѣ гремѣло тогда еще славное имя герцога Карла и "ликующіе рабы подымали къ небу разрѣшенные отъ узъ руки!

— Увы, графы!—сказалъ аббатъ.—Мнѣ грустно встрѣчать въ такомъ просвѣщенномъ человѣкѣ, какъ вы, обычное для толпы предубѣжденіе къ античному міру. Но, графъ, пусть вашъ мечъ охраняетъ насъ во дни военной непогоды; когда же она стихнетъ, умы мирныхъ гражданъ отчего не очаруетъ латинская лира?

— Я плохо помню древнюю литературу,—отвѣчалъ графъ.—Но въ головѣ моей прочно застѣли нѣкоторые отрывки, которые плѣняли воображеніе безпутнаго мальчишки, мало извѣдо-

вавшего въ свое время хорошей ивой розги! Едва ли повѣсти о приключеніяхъ развратныхъ боговъ, вашего блудливаго Зевса и этой старой кокетки—Венеры могутъ хорошо вліять на нравы нашего общества, и безъ того распустившагося за послѣднее время.

— Ахъ, графъ, графъ!—сказалъ аббатъ, покачивая головой.— Изученіе классиковъ просвѣщаетъ нашъ разумъ и развиваетъ въ насъ тонкость чувствъ. Вы никогда не читали того, о чемъ вы говорите, повторяя ходячія фразы безграмотной черни. Творенія божественнаго Платона, нѣжныя пѣсни Виргилія — это прекраснѣйшія предваренія христіанскаго благовѣстія. Отцы церкви изучали классиковъ, иныхъ языческихъ пѣнителей они именовали—«христіанами до Христа». Развѣ не содержитъ въ себѣ пророчество о рожденіи Господа нашего Іисуса Христа четвертая эклога?

И, взявъ ветхую книгу, аббатъ сталъ читать пророчество о возвращеніи золотого вѣка.

Въ это время дверь тихо растворилась. Увлеченный чтеніемъ, аббатъ не замѣтилъ этого.

Въ сплнѣ сумракъ, слегка озаряемый розовымъ свѣтомъ лампы, графъ увидѣлъ Алису. Она сидѣла у окна съ шитьемъ. Графъ чувствовалъ на себѣ ея пристальный взглядъ; но, когда онъ взглянулъ на нее, она отвернулась. Это повторилось нѣсколько разъ.

— Конечно,—заговорилъ аббатъ, откладывая книгу,—и Виргилій не былъ свободенъ отъ несчастныхъ пороковъ своего времени. Жалобы на холодность прелестнаго Алексиса — тому доказательство. Но таково вліяніе дурной среды и испорченнаго вѣка, что даже гени не избѣгаютъ онаго. Однако, глаза мои совсѣмъ плохи. Я едва разбираю нѣкоторые стихи? Куда же вы, графъ? Ночи теперь свѣтлыя. Не заблудитесь. Сидѣли бы!

xiv.

«Неужели я пьянъ? или я влюбленъ?»—думалъ графъ, возвращаясь домой.

Было свѣтло. Ручьи шумѣли. Студенныя волны со всѣхъ сторонъ бѣжали на дорогу. Графу было легко и весело. Ему казалось, что онъ летитъ. Онъ шелъ, не разбирая дороги. Вода достигала выпре кофѣна, но онъ не чувствовалъ холода.

Посреди дороги онъ остановился.

«Прекрасный міръ!—думалъ онъ.—Прекрасная ночь! Прекрасная весна! Что это со мной? Ахъ, эта дѣвочка Алиса! Неужели я счастливъ отъ поцѣлуя кокетливой кухарочки? Какъ это смѣшно и какъ глупо! Вотъ бы разсказать въ залѣ Совѣта!»

Онъ стоялъ и смѣялся. Темная тѣнь, мрачившая его свѣтлыя минуты, и теперь стала передъ нимъ. Но онъ улыбнулся, и она отвѣяла, успокоенная и тихая. И ничто уже не темнило его весенняго счастья.

Ледъ трещалъ. Вода шумѣла. Вѣтеръ трепеталъ въ обнаженныхъ деревьяхъ. И вдругъ, какъ послѣ сильнаго удара не сразу чувствуется боль, а потомъ вдругъ яростно схватываетъ поврежденный членъ и начинаетъ грызть и ломать, такъ графъ почувствовалъ на губахъ и щекахъ загорѣвшійся поцѣлуй Алисы.

Любовь томила его; онъ пересталъ смѣяться; онъ плакалъ.

Никто не встрѣтилъ графа во дворѣ замка. Онъ прошелъ по лѣстницѣ мимо заспанныхъ слугъ и сѣлъ на кресло у окна. Ночь свѣтлѣла за стеклами; вода плескалась и грохотала. Графъ закрылъ глаза и откинулъ голову. Опять ощутилъ онъ прикосновеніе губъ и щекъ Алисы. Къ этому ощущенію присоединилось другое, доселѣ невѣдомое графу ошущеніе. Онъ почувствовалъ всѣ свои зубы; бѣлые, крѣпкіе, длинные, какъ клыки хищнаго леопарда, они наполняли его ротъ. Онъ щелкнулъ по нимъ пальцами.

«Однако, крѣпкое вино у стараго грѣховодника! И это въ ночь передъ святымъ причастіемъ! Ну, и хорошъ же я!»—подумалъ графъ.

Онъ всталъ, умылся, обливъ голову нѣсколько разъ холодной водой, раздѣлся, легъ въ постель и скоро уснулъ.

Здѣсь кончается рукопись Ильи Петровича Гакова. Однако, изъ черновыхъ набросковъ можно составить себѣ слѣдующее представленіе о дальнѣйшемъ ходѣ повѣсти. Получивъ извѣстіе о немилостяхъ королевы и торжествѣ враждебной ему придворной партіи, графъ на зиму остается въ замкѣ. Въ то время бѣдствія страны достигаютъ крайнихъ предѣловъ. Потерявъ надежду добиться аграрной реформы легальнымъ путемъ, графъ становится во главѣ народнаго возстанія. Предусмотрительный герцогъ Карлъ слѣдитъ за графомъ черезъ шпіона, которымъ оказывается аббатъ Евстафій. Зная, что графъ при своихъ несомнѣнныхъ способностяхъ и добродѣтеляхъ, страдаетъ двумя пороками—необузданнымъ сладострастіемъ и болѣзненнымъ суевѣріемъ—аббатъ Евстафій бьетъ на обѣ слабости графа. Онъ ловко опутываетъ его съ головы до ногъ, съ помощью хорошенькой служанки Алисы. Въ то же время онъ заставляетъ лѣсничаго Гудайля рассказать графу преданіе о древнемъ проклятіи, тяготящемъ надъ домомъ Ригелей. Тайнственные явленія питаютъ суевѣріе графа. Подкупленный аббатомъ Евстафіемъ слуга, въ одеждѣ чернаго монаха, встрѣчается графу по ночамъ въ аллеяхъ его парка.

Осенью начинается возстаніе. Войско графа встрѣчается съ войскомъ герцога на берегу Тѣя. Происходитъ кровопролитный бой. Герцогъ спасается бѣгствомъ, едва собравъ остатки разбитаго войска. Графъ побѣдоносно возвращается въ замокъ. Побѣда празднуется веселымъ пиромъ. Разъяренная толпа вѣшаетъ отца Филиппа. Аббатъ Евстафій, спасенный покровительствомъ графа, дѣйствуетъ съ новой энергіей. Графъ одураченъ знаменіями и призраками. Ловкая Алиса увлекаетъ его все дальше и дальше, дразня его легкимъ кокетствомъ, но упорно храня свою невинность. Тѣмъ временемъ герцогъ, съ новымъ, хорошо вооруженнымъ войскомъ, вступаетъ въ графство Ригель. Графъ встрѣчаетъ его могучимъ отпоромъ. Передніе ряды королевской арміи смяты; тогда передъ графомъ возникаетъ образъ чернаго

монаха и грозитъ ему. Въ то же время ему вручаютъ записку, гдѣ рукой Алисы написано: «Жду тебя подъ старымъ дубомъ. Я буду твоя. Алиса». Графъ покидаетъ войско и спѣшитъ въ паркъ. Онъ ищетъ Алису и подъ дубомъ и во всѣхъ аллеяхъ, но не находитъ. Разражаясь проклятіями, графъ гонитъ коня къ мѣсту сраженія. По дорогѣ встрѣчаются ему бѣглецы, крича, что сраженіе проиграно, что герцогъ съ войскомъ подступаетъ къ замку. Графъ закалываетъ бѣглецовъ и съ крикомъ: «смерть или побѣда!» — бросается впередъ. Въ то же мгновеніе онъ производитъ опустошеніе въ непріятельскихъ рядахъ. Бѣгство останавливается. Но тутъ, съ холма, раздается пѣсня Алисы. Графъ обращаетъ глаза къ холму и падаетъ, пораженный немного пониже сердца. Происходитъ полное разстройство и бѣгство. Раненаго графа подбираютъ друзья и кладутъ на носилки.

Не встрѣчая сопротивленія, герцогъ Карлъ сжигаетъ паркъ и замокъ. Избиваетъ все населеніе, не щадя ни женщинъ, ни малолѣтнихъ.

Графа приносятъ въ опустѣвшій домъ аббата Евстафія. Домашній медикъ находитъ его рану исцѣлимой.

Придя на слѣдующее утро провѣдать графа, друзья нашли его мертвымъ. Онъ лежалъ въ лужѣ крови, свѣсившись головой и одной рукою съ постели. Повязка съ его раны была сорвана: онъ умеръ отъ потери крови.

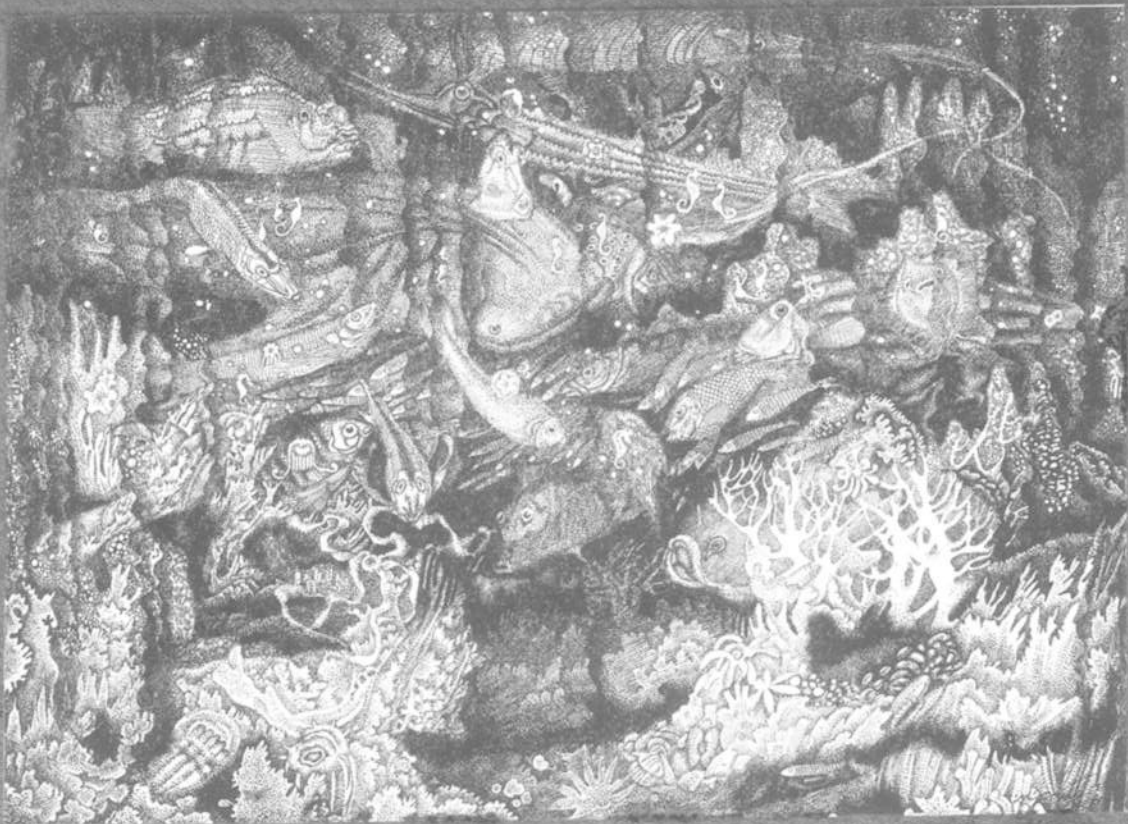
Въ передней оруженосецъ Робинъ поднялъ потерянный кѣмъ-то красный платокъ. Послѣ справки оказалось, что платокъ принадлежалъ служанкѣ аббата Евстафія, Алисѣ.

Сергѣй Соловьевъ.

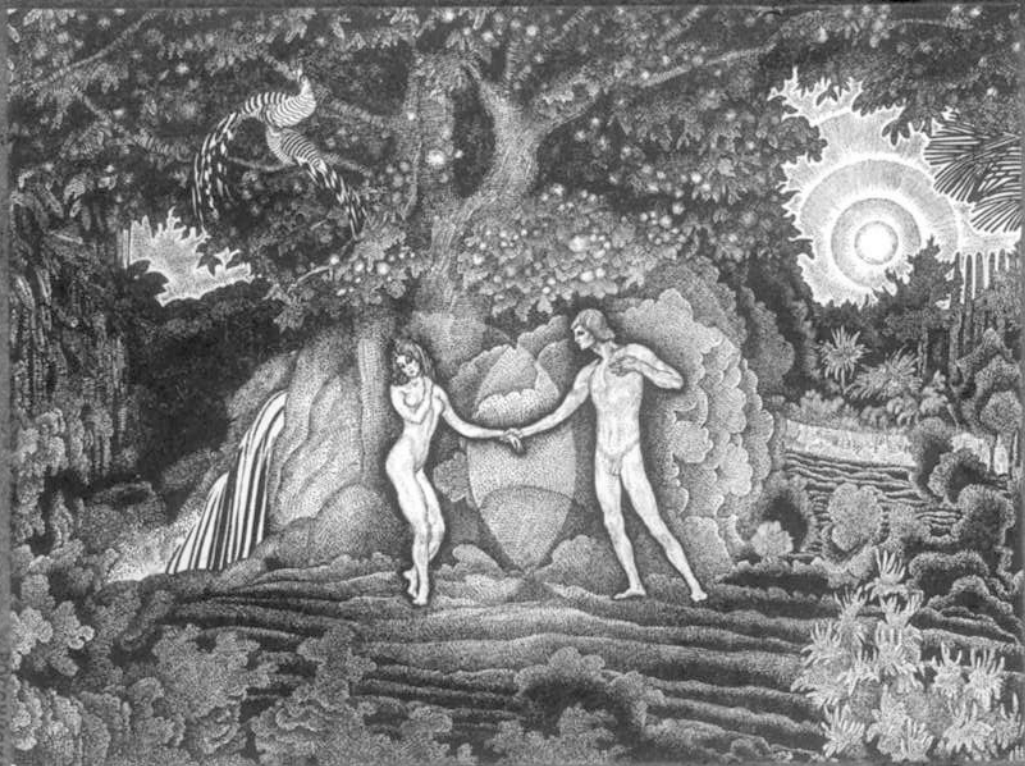
РИСУНКИ

Н. Э. ЮОНЪ

НН (УН), АДЪ И БВА.

©muxu

ЛЕВКАЙОНІЯ.

(При посвященіи съ Валеріемъ Брюсовымъ
Musée Guimet, 7 октября 1909 года).

Левкайонія поцѣлуйная,
Ты взята лаской, какъ волной,
Ты вся—какъ влага многоструйная,
И ты не можешь быть иной.

Вѣка—твой храмъ. Ты вся—зазывная.
Дашь себя—губамъ, рукамъ,
Змѣиность страсти переливная,
Ты вызовъ бросила вѣкамъ.

Поцѣловавъ, не разлучилася,
А научилась цѣловать,
И такъ любовь тобой плѣнилася,
Что сонмъ вѣковъ—твоя кровать.

Ты вся—любовная симфонія,
Священный танецъ живота,
Свершенной тайности гармонія,
Стрѣлой пронзенная мета.

Кто былъ, кто былъ онъ, искусительный,
Кто эти губы цѣловаль?
Кто эти ноги, въ ласкѣ длительной,
Съ своими бѣшено свиваль?

Кто былъ, кто былъ онъ—въ завершенности
Паденья въ срывность васъ двоихъ,
Что дать вѣка твоей влюбленности,
Какъ мы въ вѣка бросаемъ стихъ?

Не я ли, въ тѣхъ столѣтьяхъ тающихъ,
Не я ль сгорѣлъ въ сверканьяхъ грозъ,—
И вотъ слѣжу огни мерцающихъ
Твоихъ каштановыхъ волосъ.

Парижъ. 1909. Осень.

К. Бальмонтъ.

СТИХИ Ю. БАЛТРУШАЙТИСА.

ВЕЧЕРНЯЯ СВИРЬЛЬ.

Сомкнулъ закатъ ворота золотыя
За шествіемъ ликующаго дня,
И тѣни тучъ, какъ ангелы святыя,
Стоять на стражѣ Божьяго огня...

Еще горять случайные просвѣты,
Гдѣ дальній лучъ вечерній дымъ разсѣкъ,
Но грани горъ туманами одѣты
И въ тишинѣ томится человѣкъ...

Въ живомъ огнѣ тоски невыразимой,
Онъ преданъ весь призыву и молебѣ,
Но мертвъ и нѣмъ просторъ необозримый,
Гдѣ синій день свѣтилъ его борьбѣ...

И тщетно онъ, проснувшійся надъ бездной,
Лелѣетъ сонъ лучей пережитыхъ,
Въ тотъ часъ, когда, теряясь въ выси звѣздной,
Скудѣетъ дымъ кадилаицъ золотыхъ...

Его душа—алтарь въ забытомъ храмѣ,
Его удѣлъ—изгнанье, путь въ пыли,
Гдѣ онъ, въ слезахъ, горячими устами
Лобзаеъ прахъ развѣнчанной земли!

Ю. Балтрушайтисъ.

СТИХИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА.

Изъ хрустальнаго тумана,
Изъ невиданнаго сна
Чей-то образъ, чей-то странный...
(Въ кабинетѣ ресторана
За бутылкою вина).

Визгъ цыганскаго напѣва
Налетѣлъ изъ дальнихъ залъ,
Дальнихъ скрипокъ вопль туманный...
Входитъ вѣтеръ, входитъ дѣва
Въ глубь исчерченныхъ зеркалъ.

Взоръ во взоръ—и жгуче-синій
Обозначился просторъ.
Магдалина! Магдалина!
Вѣетъ вѣтеръ изъ пустыни,
Раздувающий костеръ.

Узкій твой бокаль и выюга
За глухимъ стекломъ окна—
Жизни только половина!
Но за выюгой—солнцемъ юга
Опаленная страна!

Разрѣшенъ всѣхъ мученій,
Всѣхъ хуленій и похвалъ,
Всѣхъ змѣящихся улыбокъ,
Всѣхъ просительныхъ движеній,—
Жизнь разбей, какъ мой бокалы!

Чтобъ на ложѣ долгой ночи
Не хватило страстныхъ силъ!
Чтобъ въ пустынномъ воплѣ скрипокъ
Перепуганныя очи
Смертный сумракъ погасилъ.

Александръ Блокъ.

СТИХИ ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА.

СОБЛАЗНИТЕЛЮ.

Лишь ты одинъ владѣешь
ключами рая, праведный, утож-
ченный, могущественный!

Т. де-Кувиси.

Ко мнѣ вошелъ ты, Соблазнитель,
Глаза укромно опутивъ.
Ты, милосердый побѣдитель,
Со мной былъ ласковъ и стыдливъ.

Склонивъ на шею мнѣ несмѣло
Двѣ нѣжно-огненныхъ руки,
Ты тихо погрузилъ все тѣло
Въ истому пламенной рѣки.

Ты всѣ желанья, все бывшее
Въ моей душѣ дыханьемъ сжегъ,—
И стало въ мірѣ насъ лишь двое:
Твой плѣнникъ—я, и ты—мой богъ!

Ты обострилъ мнѣ странно зрѣнье,
Ты просвѣтилъ мнѣ дивно слухъ,
И надъ безмѣрностью мгновенья
Вознесъ мой окрыленный духъ.

И всѣмъ, во мнѣ дремавшимъ силамъ,
Ты далъ полеть, ты далъ упоръ,
Ты пламя мнѣ разлилъ по жиламъ
Ты пламенемъ зажегъ мой взоръ.

Когда жъ воскликнулъ я: „Учитель!
Возьми меня навѣкъ! я—твой!“—
Ты улыбался, Соблазнитель,
Качая молча головой.

Валерій Брюсовъ.

СТИХИ АНДРЕЯ БѢЛАГО.

СВѢТЛАЯ СМЕРТЬ.

Тяжелый, сверкающій кубокъ
Я выпилъ: земля убѣжала—
Все рухнуло внизъ: подъ ногами
Пространство холодное, воздухъ.
Остался въ старинномъ пространствѣ
Мой кубокъ сверкающій—Солнце.

Гляжу: подъ ногами моими
Ручьи, и лѣса, и долины
Уходятъ далеко, глубоко,
А облако въ очи туманомъ
Пахнуло, и внизъ убѣгаетъ
Своей кисеей позлащенной...

Полдневная гаснетъ окрестность;
Полдневныя звѣзды мнѣ въ душу
Глядятся, и каждая „Здравствуй“
Беззвучно сверкаетъ лучами:
„Вернулся отъ долгихъ скитаній—
Проснулся на родинѣ: здравствуй!..“

Часы за часами проходятъ,
Проходятъ вѣка: улыбаясь,
Подъемлю въ старинномъ пространствѣ
Мой кубокъ сверкающій—Солнце.

Андрей Бѣлый.

СТИХИ МАКСИМИЛІАНА ВОЛОШИНА.

КАНТИКОІ.

Вѣйте, вайи! Флейты, пойте! Стройте, лиры! Бубень, бей!
Быстрый танецъ, вдоль по лугу бѣлый вихрь одеждъ развѣй!
Зарный Богъ несется къ югу въ стаяхъ бѣлыхъ лебедей...

Ржутъ грифоны, вьются птицы, блещутъ спицы колесницъ,
Плещутъ воды, вторятъ долы звонкимъ крикамъ вешнихъ птицъ,
Въ дальнихъ тучахъ быстро бьются крылья огненныхъ зарницъ.

Устья рѣкъ, святая роши, гребни скалъ и темя горъ—
Оглашаетъ ликованьемъ всѣхъ существъ великій хоръ,
И луга, и лѣсъ, и пашни, гулкій берегъ и синь-просторъ.

У сокрытыхъ водъ Дельфузы славятъ Музы Бога силъ;
Вѣщихъ словъ слѣпныя узы бременятъ сердца Сивилль;
Всходятъ зели, встали травы изъ утробъ земныхъ могиль.

Ты—цѣлитель! Ты—даятель! отвратитель тусклыхъ бѣдъ!
Гнѣвный мститель! насылатель черныхъ язвъ и знойныхъ лѣтъ!
Легкихъ Оръ святыя хоры ты уводишь Киеаредъ!

Движешь камни, движешь сферы строемъ лиры золотой;
Порожденный въ лонѣ Геры Геи ревностью глухой
Гадъ Пиеонъ у вратъ пещеры пораженъ твоей стрѣлой!

Листьемъ дуба, темнымъ лавромъ обвивайте алтари!
Въ бѣломъ блескѣ ярыхъ полдней, пламя алое, гори!
Златокудрый, огнеликій, сребролукій, богъ зари!

Зорю духа, пламя лика въ насъ, Ликей, не угаси!
Ликодатель, возвѣстившій каждой твари: „ты еси!“
Сѣвы звѣздъ на влажной нивѣ въ стройный колось всколоси!

Вѣйте, вайи! Флейты, пойте! Стройте, лиры! Бубень, бей!
Быстрый танецъ, вдоль по лугу бѣлый вихрь одеждъ развѣй!
Зарный Богъ несется къ югу въ стаяхъ бѣлыхъ лебедей!

Максимилианъ Волошинъ.

СТИХИ З. ГИППУСЪ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

«Люблю тебя, Петра творенье»...

Твой островъ прямъ, твой обликъ жестокъ,
Шершавопыльный сѣръ гранитъ,
И каждый выбкій перекрестокъ
Тупымъ предательствомъ дрожить.

Твое холодное кипѣнье
Страшнѣй бездвижности пустынь.
Твое дыханье—смерть и тлѣнье,
А воды—горькая полынь.

Какъ уголь дни,—а ночи бѣлы,
Изъ скверовъ тянетъ трупной иглой.
И сводъ небесный, остеклѣтый,
Пронзень зарѣчною иглой.

Бываетъ: водный ходъ обратенъ,
Вздыбась, идетъ рѣка назадъ...
Рѣка не смоетъ рыжихъ пятенъ
Съ береговыхъ своихъ громадъ—

Онѣ, кровавыя,—вскипѣли...
Ихъ ни забыть,—ни затоптать.
Горить, горить на темномъ тѣлѣ
Неугасимая печать!

Какъ прежде, вьется змѣй твой мѣдный,
Надъ змѣемъ стынетъ мѣдный конь...
И не пожретъ тебя побѣдный
Всеочищающій огонь,—

Нѣтъ! Ты утонешь въ тинѣ черной
Проклятый городъ, Божій врагъ!
И червь болотный, червь упорный
Изъѣстъ твой каменный костякъ.

Э. Гиппиусъ.

СТИХИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА.

ПОЭТУ.

1.

Вершины золота,
Гдѣ пѣснь орлицей рѣтъ,—
Гляди, поэтъ,—зарѣтъ
Поэзія-дитя.

Младенца вскормивъ
Амбросіями неба,
Въ лучахъ звенящихъ Феба
Сойди къ намъ, Солнце-Миръ!

Гремитъ старикъ-кентавръ
На струнахъ голосистыхъ;
На бедрахъ золотистыхъ
Ничьихъ не видно тавръ.

Одно тавро на немъ—
Тавро природы дикой,
И лирникъ свѣтлоликій
Спряженъ съ лихимъ конемъ.

Прекрасный ученикъ,
Ища по свѣту лавра,
Пришелъ въ вертепъ кентавра
И въ пѣсни старца вникъ.

Родъ поздній, дряхль и хилъ,
Забыль напѣвъ пещерный;
Ты жь слѣдуй мѣрѣ вѣрной,
Какъ ученикъ Ахиллъ.

2.

Поэтъ, ты помнишь ли сказанье?
Семьъ волшебницъ-Піеридъ —
Музъ-Піеридъ, на состязаньѣ,
Соборъ безсмертный предстоить.

Поютъ плѣнительно царевны,—
Но пѣснь свою поютъ лѣса;
И волны въ полночь такъ напѣвны,
И хоръ согласный—небеса.

Запѣли Музы—звѣзды стали,
И ты, полнощная Луна!
Не льдомъ ли рѣки заблистали?
Недвижна вольная волна.

Какая память стала явной?
Сквозною тканьъ какихъ завѣсъ?
А Геликонъ растеть дубравный
Горой прозрачной до небесъ.

И стало бѣ небо намъ открытымъ,
И дольний жертвенникъ угасъ...
Но въ темя горное копытомъ
Ударилъ, міръ будя, Пегасъ.

Казалось намъ, одежда Мая
Сквозная скрасила кусты,
И вѣтеръ, вѣтокъ не ломая,
Слетить изъ синей высоты,
Проглянуть пестрые цвѣты,
Засвищутъ иволги пѣвучи,—
Зачѣмъ же радость простоты
Темнится тѣнью темной тучи?

Деревья нѣжно различая,
Кто выщелъ къ намъ изъ темноты?
Его улыбка—рѣчь нѣмая,
Движенья быстры и просты
Куда отъ вольной красоты
Ведетъ онъ насъ тропой колючей?
А дали, изъ-красна желты,
Темнятся тѣнью темной тучи.

Шесть дней идемъ, заря седьмая
Освѣтитъ дальніе кресты,
И вожды: „не слабая тесьма я,
Сковались цѣпью онъ и ты.

И третья есть: вы всё чисты
Желанья нѣжны и не жгучи
И лишь пройденные мосты
Темнятся тѣнью темной тучи.“

—О Вождь, мы слабы, какъ листы!
Веди насъ на любыя кручи;
Вѣдь только дни, что прожиты,
Темнятся тѣнью темной тучи.

М. Кузминъ.

ДА НЕ БУДЕТЬ.

Надежды нѣтъ и нѣтъ боязни.
Наполненъ кубокъ черезъ край.
Твое прощенье— хуже казни,
Судьба. Казни меня, прощай.

Всему я радъ, всему покоренъ.
Въ ночи послѣдній замеръ плачъ.
Мой путь, какъ ходъ подземный, черенъ—
И тамъ, гдѣ выходъ, ждетъ палачъ.

Д. Мережковскій.

СТИХИ С. СОЛОВЬЕВА.

МАДРИГАЛЪ.

Сіянье глазъ твоихъ звѣздой горитъ,
О нимфа нѣжная! не о тебѣ ли
Напѣвы я слагалъ въ моемъ апрѣлѣ?
Явилась ты, и лира говорить.

Гомеръ, Софокль и легкій Теокрытъ,
Іоніи китары и свирѣли
Авзоніи тебя согласно пѣли,
Цвѣтокъ весны, соперница Харитъ.

И приемами хочу я, какъ вѣнками
Нарциссовъ, гіацинтовъ, лилій, розъ,
Тебя вѣнчать, царица первыхъ грезъ

О Греціи, завѣщанной вѣнками.
Въ тебѣ слились всѣ краски и черты
Античной совершенной красоты.

СТИХИ ѲЕДОРА СОЛОГУБА.

Вздымалося облако пыли,
Багровое, злое, какъ я,
Скрывая постылыя были,
Такія жъ, какъ сказка моя.

По улицамъ люди ходили,
Такіе же злые, какъ я,
И злую тоску наводили,
Такую же злую, какъ я.

И шла мнѣ навстрѣчу царица,
Такая же злая, какъ я,
И съ нею безумная жрица,
Такая же злая, какъ я.

И чары несли онѣ, обѣ,
Такія же злыя, какъ я,
Смѣяся въ ликующей злобѣ,
Такой же, какъ злоба моя.

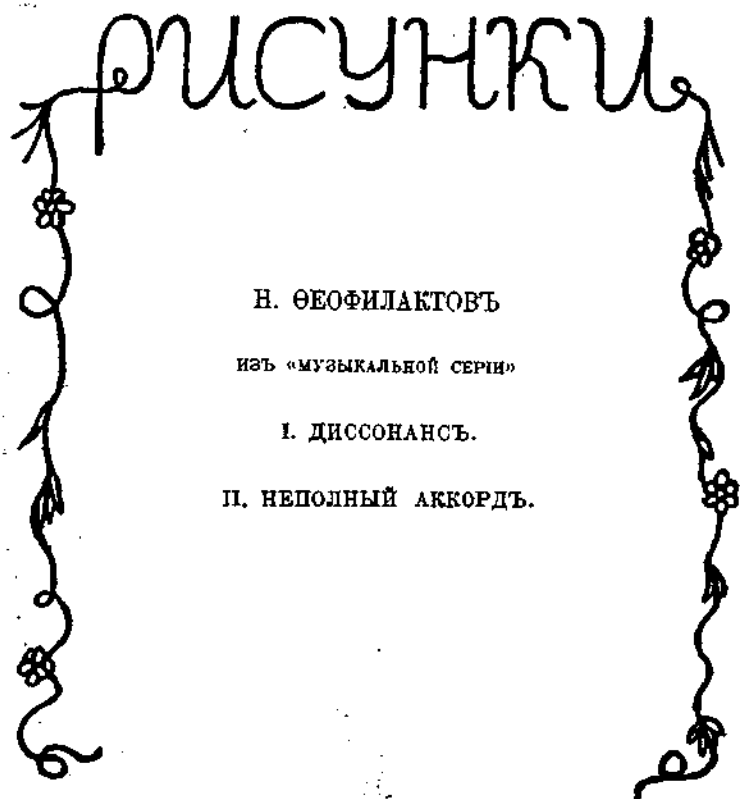
Пылали безумныя лица
Такой же тоской, какъ моя,
И злая изъ чаръ небылица
Вставала, какъ правда моя.

Змѣиной, растоптанной злобѣ,
Такой же, какъ злоба моя,
Смѣялись, безумныя, обѣ,
Такія же злыя, какъ я.

Въ багряности поднятой пыли,
Такой же безумной, какъ я,
Царица и жрица укрыли
Такую же тоску, какъ моя.

По улицамъ люди ходили,
Такіе же злые, какъ я,
Тая безнадежныя были,
Такія жъ, какъ сказка моя.

Федоръ Сологубъ.

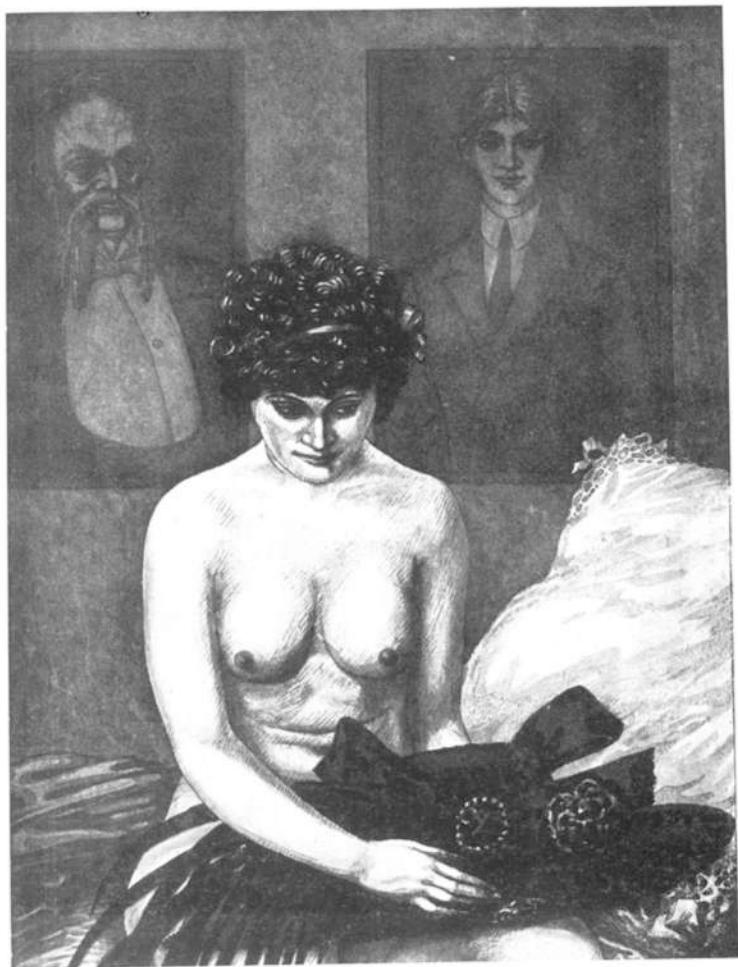
РИСУНКИ

Н. ТЕОФИЛАКТОВЪ

ИЗЪ «МУЗЫКАЛЬНОЙ СЕРИИ»

I. ДИССОНАНСЪ.

II. НЕПОЛНЫЙ АККОРДЪ.

RECEIVED
JAN 21 1964
U.S. AIR FORCE
OFFICE OF THE
JOINT CHIEFS OF STAFF
WASHINGTON, D.C.

THE UNIVERSITY OF
CHICAGO
LIBRARY
500 EAST
HARRIS DRIVE
CHICAGO, ILL. 60607

литература

„Искусство есть истинный и вѣчный органъ и въ то же самое время и документъ философіи, пассивно къ все время подтверждающій то, чего философія не можетъ выразить...“

(Шеллингъ. „Система трансцендентальнаго идеализма“. 3/4)

1.

„Символизмъ — это культура“ — вотъ самое общее изъ самыхъ общихъ мѣстъ; вотъ одно изъ самыхъ существенныхъ и самыхъ радостныхъ завоеваній того великаго переворота въ современномъ міросозерцаніи, вотъ та первопосылка, на которой одной можетъ быть возведено новое зданіе будущаго, та единственная и послѣдняя наша надежда, которая все еще свѣтитъ намъ среди ужаса безвременья. Если это общее положеніе, взятое нами какъ лозунгъ въ борьбѣ за будущее, звучитъ какъ общее мѣсто, то оно вдругъ становится спорнымъ, воинствующимъ и дерзко-спредельнымъ, когда мы обратимъ его и скажемъ: если еще недавно это положеніе („символизмъ—это культура!“) казалось сомнительнымъ и если оно такъ скоро стало безспорнымъ, то едва ли далеко то время, когда мы получимъ право такъ же спокойно и безспорно говорить: „культура—это символизмъ!“

Большая разница заключена между этими двумя положеніями, ибо одно дѣло признать культурное значеніе за символизмомъ (это уже сдѣлано вчера) и другое дѣло самую культуру опредѣлять и оцѣнивать съ точки зрѣнія символизма. Но именно это совершается сегодня, именно это будетъ довершено до конца завтра. Если мы не вѣримъ ни во что, то въ это „завтра“ мы не можемъ не вѣрить! Если сейчасъ цѣнность символизма, подобно цѣнности бумажныхъ денегъ, опирается все еще на нѣкую цѣнность, приспособляясь къ нимъ, то будущее, самое близкое будущее сдѣлаетъ именно символизмъ валютой всей великой, уже предчувствуемой нами, „многострунной“ и жаждущей внутренняго единства стѣня культуры будущаго. Самая формула такой постановки вопроса, невозможная еще вчера, уже многое объясняетъ, намекаетъ на многое, знаменуетъ существенное!

Становится ощутимымъ, очевиднымъ и знаменательнымъ, какъ безспорный фактъ, тотъ переворотъ въ самомъ послѣднемъ масштабѣ культуры, который осознанъ значительно поздиѣ всѣхъ первыхъ, внѣшнихъ „литературныхъ“ столкновений, всѣхъ громогласныхъ и намѣренно-дерзкихъ переоцѣнокъ. Великое дѣло переворота

II.

Когда мы говорили: „культура — это символизм!“, мы ставили вопросъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дали точный и, по-нашему, единственно возможный отвѣтъ на него, и тогда самое слово культура, это за-тасканное, истертое и безнадежно общее слово, какъ бы специально предназначенное спасать величественную профессорскую риторику, вдругъ начинаетъ свѣтиться и округляться. Слово „культура“ лишь совокупность подлежащихъ критикѣ и строгому выбору цѣнностей; терминъ „символизмъ“ — совокупность тѣхъ немногихъ уже выбранныхъ и отмѣченныхъ цѣнностей, которыя должны занять центральное мѣсто, координируя все остальные, и случайную груду зарубрицированныхъ исторіей и наслоившихся другъ на друга въ процессъ эволюціи формъ кристаллизовать въ единое цѣлое, въ одну новую форму „единства во многообразіи“. Слово культура насквозь исторично, вполне нейтрально по существу, его границы отрицательно-опредѣлительны, слово символизмъ глубоко современно и въ то же время традиціонно, но не въ отрицательно-опредѣляющемъ, а въ положительномъ смыслѣ.

Каждая эпоха культуры имѣетъ свой единственный отвѣтъ на искони общій вопросъ, звучащій въ словѣ культура. Догматъ, разумъ, воля къ жизни, методъ, голый фактъ, система — вотъ разные отвѣты, которые давали разные эпохи на этотъ вопросъ. Все онѣ были правы по-своему, все стремились къ соединенію всехъ цѣнностей, но каждая ставила въ центръ только одинъ основной терминъ, ибо вездѣ и всегда мыслимъ лишь одинъ основной критерій.

Нѣтъ одной абсолютной, вѣвременной культуры. Есть культуры, и каждая изъ нихъ есть попытка синтеза, исходящаго изъ одного, основного критерія. Ницше опредѣляетъ культуру, какъ „прежде всего единство художественнаго стиля во всехъ жизненныхъ проявленіяхъ данного народа“ (См. его „Давидъ Штраусъ“).

Наша эпоха опредѣлила свой основной культурный критерій, бросивъ великій лозунгъ борьбы за символизмъ, какъ за новое міросозерцаніе. Этимъ совершился фактъ самоопредѣленія нашей эпохи, т. е. нашей культуры и ея отношенія къ общему, надъ-историческому термину культуры вообще. Это слово стало жить тогда, когда другіе термины-лозунги умерли; это слово обѣщаетъ еще большую жизненность въ будущемъ!..

Поэтому борьба за символизмъ есть и будетъ борьбой противъ догмата, противъ эмпиризма мысли, противъ реализма въ творчествѣ и противъ суверенитета теоретическаго разума („чистаго разума“).

Кто станетъ въ наше время серьезно говорить объ утопіяхъ науки, какъ „doctrine unique“, какъ о первопосылкѣ міросозерцанія,

теперь, когда одна классификація наукъ уже особая наука, когда съ еще большимъ основаніемъ каждый „почтенный спеціалистъ“ можетъ повторить старое „ignovimus“, когда сама же точная наука точно знаетъ, чему она обязана безсознательнымъ порывомъ творческаго интеллектуальнаго экстаза во всѣхъ первоначальныхъ стадіяхъ созиданія гипотезъ, когда давно уже признаны всѣ ея законы, относительныя притязанія и когда ея общая миссія „упорядочивать наши представленія“ формулирована съ небывалой ясностью именно тѣмъ мыслителемъ, для котораго весь смыслъ культуры — за предѣлами точной науки, но для котораго возмущеніе противъ науки было бы высочайшей некультурностью. Да, мы всѣ уважаемъ науку и считаемся съ ней, но мы хотимъ жить и быть цѣльными, и поэтому смотримъ черезъ науку, сознавая, что наука вѣчна, но что позитивизмъ, это міросозерцаніе, паразитирующее на счетъ науки и всегда живущее въ кредитъ, уже потерпѣлъ окончательное банкротство и что онъ еще имѣетъ какое-нибудь значеніе лишь для тѣхъ, кто, подобно современнымъ эмпирио-критицистамъ, надѣется поживиться на всемірномъ аукціонѣ позитивизма. Но, право же, для насъ Огюстъ Контъ дороже и интереснѣе Авенариуса, хотя бы просто какъ старая и отъ давности пріобрѣтшая стиль и цѣнность вещь. Кромѣ того Контъ не былъ членомъ въ своемъ позитивизмѣ. Достаточно вспомнить его фетишистическій культъ того стула, на который садилась его Клотильда де-Во. И за этотъ фетишизмъ многое отпустится основателю положительнаго знанія.

Намъ скажутъ о гносеологін. объ этой „наукѣ всѣхъ наукъ“, тайно мечтающей, быть можетъ, стать новой философіей безъ системы, отчасти какъ бы все еще общающей, что и отъ нея можетъ въ будущемъ родиться что-нибудь, стоящее прежней „системы“, гносеологія, давно уже играющая роль періодическаго покаянія всѣхъ больныхъ чрезмѣрнымъ развитіемъ „метафизической потребности“, однако, покаянія *sui generis*, когда каждый новый больной оплакиваетъ лишь прегрѣшенія своего предшественника, оплакиваетъ съ тѣмъ большею готовностью, чѣмъ больше его самого тайно мучить беременность новой системой. И въ то же самое время вся т. н. наука „гносеологін“ въ сущности лишь комментарий на эстетику и логику Э. Канта, въ сущности лишь одинъ общій и большой учебникъ логики, выпускаемый вѣдѣ за „критикой чистаго разума“ отдѣльными выпусками подъ разными именами и, увы, переплетаемый каждый разъ въ одинъ переплетъ съ новой „системой“ (скрытой или явной), т.-е. съ новымъ прегрѣшеніемъ противъ великаго формалиста, воплотившаго въ себѣ послѣдній ужасъ цѣломудрія Чистаго Разума, сказавшаго самое страшное „veto“ человеческому духу... и ужаснувавшегося и написавшаго свое великое отреченіе.

Кромѣ того, гносеологія и не наука, ибо тогда каждая наука потянулась бы къ ней, и уже никакъ не „наука наукъ“, ибо первое же ея слово, самое ея право на существованіе порываетъ органическую связь съ эмпирическимъ знаніемъ. Раскройте первую страницу любой гносеологіи, и вы неизмѣнно прочтете заявленіе о томъ, что для теоріи знанія совершенно безразличны всѣ отдѣльныя знанія, всѣ виды ихъ и всѣ выводы частныхъ эмпирическихъ наукъ. Этой связи она боится также непомѣрно, какъ и другого порока, специально окрещеннаго гносеологами „психологизмомъ“. Въ самомъ дѣлѣ, — если каждый эмпирический выводъ и даже каждое матеріальное сужденіе не могутъ существовать иначе, какъ ставъ „содержаніемъ сужденія“, то какое дѣло до нихъ всѣхъ гносеологу, этому стражу правъ и формальныхъ притязаній чистаго разума, этому схоластику средне-вѣковья и одновременно софисту древности? * Вѣдь для него не можетъ даже возникнуть вопроса о томъ, возможно ли безнаказанно разрывать тончайшую и таинственнѣйшую связь между тремя великими органами духа (волей, чувствомъ и разумомъ), такъ же, какъ и вопроса о томъ, возможно ли мышленіе безъ неизбежной доли „психологизма“ и не есть ли оно просто иллюзія или голая абстракція. Однако, Великій Разумъ мститъ гносеологамъ, и вотъ рядомъ съ ихъ учебниками вырастаютъ ученія, непосредственно вопіющія о правахъ интуиціи (понимаемой, какъ мистическій эмпиризмъ, напр. у Н. Лосскаго) и даже о приматѣ непосредственнаго переживанія и чувствованія (ученіе Липса).

О, конечно, и гносеологія полезна, интересна и по-своему права! Къ чему она стремится, того именно она и достигаетъ. Но, Боже мой, что же само по себѣ бесполезно, изъ чего только не извлечетъ интереса и примѣненія современный умъ, и развѣ не правъ по-своему и А. Бѣлый, первый начавшій утилизировать гносеологію у насъ въ Россіи для своихъ хитроумныхъ и въ послѣднемъ счетѣ всего болѣе для насъ цѣнныхъ цѣлей?!. Однако, гносеологія въ рукахъ А. Бѣлаго только средство, простое средство, своего рода искусственное удобреніе символизма, выписываемое имъ періодически изъ Европы, изъ специальныхъ мѣстъ добыванія и при томъ въ гер-

* Чѣмъ сильнѣе каются гносеологи въ метафизичности, тѣмъ строже обвиняютъ другъ друга въ „психологизмѣ“. Кантъ — всѣхъ своихъ предшественниковъ, Риккертъ, — Канта, Когенъ — Риккерта, Хуссерль — Когена, а Габриловичъ даже и Хуссерля. Вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ гносеологія все больше и больше превращается въ пролегомены въ пропедевтику, въ введеніе въ философію, которая уже болѣе невозможна, въ ученіе не о познаніи объекта, а лишь объ объектѣ познанія, попросту въ учебникъ формальной логики, гдѣ послѣдній выводъ повторяетъ исходную посылку.

метически-закупориваемыхъ ящикахъ. Конечно, для нашего русскаго малоурожайнаго символизма полезно и нужно это удобреніе.

Конечно, гносеологи могутъ мнѣ возразить, что мои доводы ничтожны съ точки зрѣнія гносеологін; конечно, ставъ на ихъ точку зрѣнія и отрѣшившись отъ всякаго „содержанія сужденій“, я утратилъ бы почву и самыхъ моихъ возраженій, но тогда вообще ни о чемъ, кромѣ „предмета познанія“, уже невозможно было бы разсуждать, и мнѣ оставалось бы одно: отклонивъ вопросъ о смыслѣ и цѣнности гносеологін вообще, тотчасъ же засѣсть и начать писать еще одну гносеологию въ частности. Поэтому я заранее снѣшу заявить, что противъ всѣхъ нихъ я совершенно безоруженъ и самъ себя обвиняю въ „психологизмѣ“. Однако, мнѣ хотѣлось бы подкрѣпить здѣсь свои афоризмы хотя бы однимъ соображеніемъ теоретическаго характера.

Если задача гносеологін построить, независимо отъ теоріи фактовъ, теорію теорін, то гдѣ теоретически опредѣляемый предѣлъ этому теоретизированію, гдѣ гарантія (объективная), что теорія теорін не потребуетъ теорін теорін теорін и такъ ad infinitum? Не фактическая же возможность возможныхъ здѣсь предѣлъ? Съ другой стороны первая посылка гносеологін о необходимости отвлеченія отъ всякаго конкретнаго содержанія сужденія * есть сама по себѣ уже сужденіе съ опредѣленнымъ содержаніемъ или опирается на сужденіе (на рядъ сужденій) съ содержаніемъ. Подобно тому, какъ каждая юридическая норма черпаетъ свою юридичность лишь изъ покрывающей ее высшей юридической нормы, и, слѣдовательно, каждая юридическая система нормъ не юридична, ибо основная посылка ея фактическая, совершенно также не гносеологична, не формальна до конца, не интеллектуально чиста и каждая теорія знанія, будучи подобна стройному зданію, не прикрѣпленному къ почвѣ и могущему упасть отъ каждаго сильнаго толчка. Исторія общежитія неизмѣнно опрокидываетъ всѣ юридическія системы одну за другой, исторія мысли, всѣ теорін знанія, и все-таки существуютъ и будутъ существовать и тѣ и другія, даже болѣе того, — каждая юридическая система точно устанавливаетъ норму всемогущества за покушеніе на себя (политическія преступленія), особенно подчеркивая ея значеніе; каждая теорія знанія оговариваетъ всякое могущее возникнуть противъ нее покушеніе („психологизмъ“), и все-таки и тѣ и другія системы непрочны въ отдѣльности и неустойчивы въ обществѣ.

Мы, съ своей стороны, даже покушались на „психологизмъ“ тѣмъ

* „Всякое содержаніе познанія должно возникать изъ абсолютно ирраціональнаго опредѣленія имманентнаго бытія, проблема вѣрованія въ трансцендентальную реальность не имѣетъ мѣста въ теоріи познанія“. (Г. Риккертъ „Введеніе въ трансцендентальную философію“, стр. 257).

не менѣе, одновременно преклоняемся передъ этой таинственной и вѣчной устойчивостью теоріи знанія, * замѣтивъ, однако, что разгадка этой устойчивости лежитъ не въ формально-теоретически обосновываемой ея сущности, а скорѣе просто въ надсознательной и неискоренимой жадѣ всего бессознательнаго стать сознательнымъ, ибо и сознание могло, очевидно, возникнуть лишь изъ бессознательности. ** Но этотъ вопросъ приводитъ насъ къ шелленгианству, т.е. къ другому поставленному нами выше вопросу о борьбѣ символизма съ метафизической системой, какъ съ чѣмъ-то совершенно ему чуждымъ и враждебнымъ и одновременно съ чѣмъ-то интимно-близкимъ, родственнымъ и потому еще болѣе невыносимымъ. Позволительно задать вопросъ прежде всего, не является ли каждая метафизическая система одновременно и дурной наукой и плохимъ искусствомъ, соединяя въ тысячахъ перекрещивающихся противорѣчій крайнюю бесплодность абстракцій, исходящей изъ вселенной для объясненія Абсолюта и изъ Абсолюта для объясненія вселенной, прибѣгающей къ ссылкѣ на пресловутыя *qualitates occultae* вмѣсто сведенія (научнаго) многихъ элементовъ къ немногимъ основнымъ, съ самыми произволь-

* И сейчасъ меня мучать вопросъ, не есть ли риккертіанство лишь логическій *circulus viciosus*, хитро задрапированный тончайшими кружевами мысли.. Я такъ попробовалъ бы формулировать сущность его: I послышка (условіе) Теорія знанія не знаетъ содержанія сужденія. II послышка. Вопросъ о „цѣнности“ (въ риккертскомъ смыслѣ термина) есть вопросъ содержанія сужденія. Ergo: вопросъ о цѣнности лежитъ внѣ теоріи знанія, но „Основанія теоріи знанія суть основанія всей философіи“ (стр. 249). Ergo: вопросъ о цѣнности внѣ „всей философіи“.

Такимъ образомъ, съ одной стороны Риккертъ самой постановкой вопроса уже предопредѣляетъ окончательный выводъ, т.е. „введеніемъ въ философію“ уничтожаетъ послѣднюю, лишая этимъ значенія и самое введеніе, какъ *ges accessoria*, съ другой стороны, онъ неизбежно переноситъ центръ философіи въ нефилософское „пережитіе“ и все утопляетъ въ простой историчности, въ культурѣ вообще, понимаемой какъ „великая связь, гдѣ выступаютъ (кромя этическихъ цѣнностей) еще другія, напр., цѣнности государства, искусства, религій“... т.е. какъ самое общее мѣсто и какъ самый наивный психологизмъ. „Цѣнность“ онъ выводитъ изъ культуры, культуру изъ „цѣнности“.

** Ницше, который не боялся никакихъ послѣднихъ вопросовъ, задавался этой идеей въ самой ея крайней формѣ, называя эти свои размышленія „генезисомъ познанія“; онъ говоритъ: „Формы разума возникли съ полною постепенностью изъ матеріи. Возможно, что онѣ строго адекватны истинѣ. Откуда бы, въ самомъ дѣлѣ, могъ явиться аппаратъ, который создалъ бы нѣчто совершенно новое“. („О философахъ“, стр. 165).

ными, капризными и беспорядочными приемами символизации (въ сущности съ построениемъ самыхъ грубыхъ полу-метафоръ) и терминологическими приемами рѣшенія вопросовъ. Развѣ каждая подобная „система“ не представляетъ собой неизмѣнно огромную раковину, въ которой улиткой является все то же абсолютное, субъективное „я“, которое (какъ говорятъ профессора философіи) „гипостазируется“ черезъ построение системы; развѣ составные элементы этой чудовищной раковины не всегда одни и тѣ же, т.-е. случайно зарегистрированные, отдѣльные, насквозь субъективные переживанія и настроенія, ставшія лишь внѣшне построениями, грубѣйшая, примитивная эмблематика душевныхъ движеній, лежащихъ по ту сторону всякаго разума, однако, вылившаяся въ терминахъ интеллектуалистическихъ и даже quasi-научныхъ, обычно при этомъ звучащихъ какъ-то схоластически-латински; безсознательное злоупотребленіе такъ называемыми условно-отрицательными опредѣленіями (потенціи, модусы, объективации, проявленія, всеединства, адекватности, полярности и т. п.), которыя, соединяясь съ аллегорической эмблематикой, отвлеченной отъ простѣйшихъ и примитивнѣйшихъ чисто физическихъ и тѣлесныхъ явленій (всѣ эти „привносить“, „самополагаетъ“, „противостоятъ“, „вытекаетъ“, „соотвѣтствуетъ“, „постулируетъ“), создаетъ специфическій символизмъ дурного тона, отъ котораго не свободенъ даже такой исключительный гений среди всѣхъ метафизиковъ, старыхъ, среднихъ и новыхъ, такой истинный цѣнитель и создатель всего прекраснаго, какъ Артуръ Шопенгауеръ.

Въ своемъ памфлетѣ на нѣмецкій идеализмъ Г. Гейне былъ почти во всемъ не правъ; онъ былъ правъ въ одномъ, а именно въ томъ, что между философами-матеріалистами и идеалистами есть нѣчто общее, а именно то, что и тѣ и другіе „писали плохіе стихи“. И думаю, что, не прочитавъ ни одной строфы Шеллинга, но зная его метафизику, не особенно трудно заключить, что онъ долженъ писать плохіе стихи. И развѣ вся чисто-словесная форма его не является эстетически варварской, заставляя его слишкомъ часто прибѣгать къ такому неопровержимому аргументу, какъ тире, и доводя его до формулированія философіи тождества въ видѣ сочиненія новаго слова „субъектъ-объектъ“. Равнымъ образомъ словесныя эквилибристическія упражненія Фихте съ „я“ и „не я“, надъ которыми такъ убійственно подшучивалъ если и не философъ, то зато истинный мудрецъ Гете, не являются исключительнымъ, несравнимымъ ни съ чѣмъ преступленіемъ противъ самыхъ элементарныхъ правъ слова и требованийъ стилиста? Я уже не говорю о такъ называемомъ „панлогизмѣ“ Гегеля, который въ сущности былъ, какъ разъ наоборотъ, абсолютнымъ алогизмомъ и непонятно-произвольнымъ построениемъ.

Есть два законныхъ метода созиданія словъ,—непосредственное,

инстинктивно-заклинающее явленія, художественно-символическое изображеніе живой сущности вещей въ словѣ-образѣ, въ которомъ творчески гармонизируется обѣ, феноменальныя и нумеральныя стороны объекта (ибо и слово двойственно, будучи одновременно звукомъ и символомъ) и математическое координированіе понятій-отношеній между явленіями, обыкновенно формальное. Второй способъ однако предполагаетъ уже первый. Между тѣмъ метафизическій стиль—всегда гермафродиченъ, противозаконно сливая оба метода, выкидывая мертвыхъ зародышей и преступно магнетизируя ихъ, создавая безконечныя міры изъ безцѣльных арабесокъ, составленныхъ изъ тысячъ замурованныхъ въ колыбѣ словъ-гомункуловъ и окостенѣлыхъ эмбрионовъ.

Въ сущности всѣ метафизики добраго стараго времени, кромѣ одного только Шопенгауера, бывшаго гораздо болѣе поэтомъ и мистикомъ, были самые отъявленные солипсисты, хотя болѣзненно-старательно скрывали это. Всѣ неизбѣжныя подтасовки („я“ индивидуальное и надъ-индивидуальное, пресловутое „потенціально“, непристойно-наивное „діалектически“) и всѣ ихъ наивныя передержки давно уже извѣстны всякому и попали зарегистрированныя по параграфамъ во всѣ „исторіи философіи“. Что касается историка философіи Виндельбанда, то онъ умѣетъ невозмутимо преимущественно генетически классифицировать и перебирать ихъ съ особымъ талантомъ и особенной любовью, тогда какъ „знаменитый“ Куно Фишеръ, изъ всѣхъ воспринятыхъ имъ чужихъ мыслей едва ли создавшій единую свою, предпочитаетъ располагать ихъ не исторически, а систематически и снабжать точнѣйшими этикетками. Я глубоко убѣжденъ, что именно Ницше первый не въ шутку заподозрѣлъ всѣхъ „философовъ“ въ солипсизмѣ, когда писалъ въ своемъ „къ генезису познанія“ слѣдующія ядовитыя, но справедливыя строки: „Міръ, какъ мячъ, перебрасывается въ человѣческой головѣ. Но на самомъ дѣлѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ такого рода: стоитъ дуракъ передъ великимъ произведеніемъ искусства и разглядываетъ его; конечно, произведеніе искусства существуетъ для дурака лишь какъ его мозговой феноменъ, лишь постольку, поскольку онъ самъ хоть немного художникъ: внѣ его мозга художественное произведеніе не обладаетъ реальностью“...

О, какъ Ницше зналъ, насколько законы языка повинны въ законахъ мышленія и въ частности въ построеніи „системъ“; онъ зналъ, что „склонность къ построенію метафоръ“ и стихійный процессъ эволюціи языка всего болѣе предопредѣлили всѣ процессы построенія заданій изъ „понятій“. Читая теперь любую „систему“ уже невозможно отдѣлаться отъ ироническаго шопота этого философа, философствовавшаго съ помощью молота и знавшаго всѣ

тайны ремесла построения системъ. Золотое жало Ницше и сюда проникло, смертельно и безжалостно отравляя.

Поэтому самое страшное препятствіе для каждого настоящаго и будущаго метафизика—это долгъ перешагнуть черезъ трупъ Фридриха Ницше и вынести ударъ его магического молота.

Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что, если прежде и было еще возможно обольщаться передъ никогда невиданнымъ арѣлищемъ метафизической оргіи, то въ наше время и въ будущемъ это уже гораздо труднѣе, ибо теперь мы видимъ въ этой области лишь эпигоновъ съ неизбежно повторяющейся частицей „нео“ (неокантианцы, неохиттанцы, неогегельянцы, неоспинозисты).

Я не удивлюсь нисколько, если со временемъ будетъ доказано, что всѣ „философскія системы“ говорили объ одномъ и томъ же, но, въ силу запутанности терминовъ и приращенной солипсической склонности ихъ авторовъ, не понимали другъ друга, что всѣ онѣ дѣлали тѣ же самыя ошибки и разрушались отъ тѣхъ же самыхъ подземныхъ ударовъ возмущенной ими міровой стихіи или (послѣднее чаще) отъ взаимныхъ разоблаченій. Плохой метафизикъ—всегда ремесленникъ; онъ строитъ зданіе, сперва укрѣпивъ въ землю четыре голые столба (абсолютъ, субстанція, полярность, всеединство) и затѣмъ, уже привѣсивъ къ нимъ стѣны зданія (выведеніе полярности изъ единства, выведеніе природы изъ Абсолюта, выведеніе „не я“ изъ „я“). Однако хорошій метафизикъ долженъ стать искуснымъ мастеромъ своего дѣла, чему онъ учится, смѣясь надъ своими предшественниками среди которыхъ у него всегда, однако, оказывается „предшественникъ“, котораго онъ ограбляетъ; онъ долженъ многому обучиться: искусству фехтованія съ абстракціями, изъ которыхъ огромное большинство просто переведенныя на латинскій языкъ и потомъ снова написанныя на родномъ языкѣ слова (постулирую, аппрекендирую, эманатизмъ, абсолютная индифференція), которыя, въ концѣ концовъ, либо означаютъ простое наивно-метафорическое, обычное понятіе, либо грубое попользованіе на полу-символизацию.

Кромѣ того, опытный метафизикъ долженъ уметь ловко бросать и ловить тире, прибѣгая къ нему тамъ, гдѣ не помогаетъ кухонная латынь, и постичь въ совершенствѣ искусство гипнотизировать большими буквами. Кто не испыталъ на себѣ силу послѣдняго? Что же касается меня, то слово „Абсолютъ“, написанное съ большой буквы, до сихъ поръ дѣйствуетъ на меня, какъ пустота, ставшая живымъ и гигантскимъ чудовищемъ, безобразіе котораго тѣмъ ужаснѣе, что оно абсолютно безформенно, а безграничная сила его не мѣшаетъ этому чудовищу всецѣло зависѣть отъ каждаго каприза вашей мысли, превращая его мгновенно изъ абсолютно-большого въ абсолютно-малое, изъ абсолютно-прекраснаго въ абсолютно-безобраз-

ное. Одинъ мой знакомый мистикъ увѣрялъ меня, что одинъ разъ видѣлъ во снѣ Макрокосмъ и едва очнулся отъ смертельнаго ужаса. Я долго разспрашивалъ его о свойствахъ и видѣвшемъ видѣ его соннаго Посѣтителя. Онъ отговорился тѣмъ, что на яву у него нѣтъ словъ для описанія тайнъ сновидѣнія, и я повѣрилъ ему. * Этой отговорки нѣтъ у метафизиковъ, прежде всего стремящихся о всѣхъ послѣднихъ тайнахъ, о всѣхъ мірахъ, погруженныхъ на сумрачное дно океана бытія, разсуждать трезво-разсудочнымъ и при томъ средне-человѣческимъ языкомъ. Но я глубоко убѣжденъ, что имъ жестоко мстятъ за это ихъ сновидѣнія и живо представляю себѣ весь ужасъ какого-либо профессора философіи, когда подъ покровомъ ночи въ сонныхъ грезахъ, среди которыхъ онъ совершенно безпомощенъ, къ нему приходятъ всѣ вызванныя имъ изъ другого міра химеры, всѣ идеи съ ихъ атрибутами, всѣ категоріи, субстанціи, тощія потенціи, модусы и субъекты съ своимъ неизмѣннымъ спутникомъ объектомъ: эти два брата, подобно Каину и Авелю, скованные вмѣстѣ, всѣ они дефилируютъ передъ нимъ, пока, наконецъ, бѣднаго философа не проглотитъ самъ неожиданно явившійся, неизвѣстно откуда, и чудовищно кривляющійся на подобіе древняго Протея, самъ Абсолютъ!.. Однако, всякій опытный метафизикъ знаетъ средство укротить это чудовище, которое въ сущности на все одинаково согласно, всегда само себѣ во всемъ противорѣчить, осужденное при всякомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью раскалываться на два чудовища, которыя прежде всего начинаютъ пожирать другъ друга. Последнее издавна принято называть дуализмомъ или полярностью. Это средство—просто написать Его и съ маленькой буквы!..

Не говоря о великолѣпномъ и аристократическомъ словѣ (или даже живомъ существѣ) „идея“, которое давно уже превращено въ проститутку, я хотѣлъ бы напомнить еще разъ объ надъ-индивидуальномъ „Разумѣ“, который, будучи написанъ съ большой буквы мгновенно возносится на небо (впрочемъ, для метафизика не можетъ быть неба) и, гнушаясь проявленіемъ, допускаетъ одновременное и параллельное существованіе безконечнаго количества индивидуумовъ, лишенныхъ всякаго разума, триумфальное, ослѣпительное воссѣданіе великаго, единаго Разума на тронѣ въ великой пустотѣ, не сознавая, что этотъ тронъ опирается на само неразумное міро-зданіе. Этихъ примѣровъ, я думаю, достаточно для того, чтобы показать, до чего неизбѣжно доводитъ злоупотребленіе абстракціей и игнорированіе единственнаго плодотворнаго метода, интуиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что лишь методъ, идущій отъ res къ

* Сновидѣнія уже окончательно изгнаны изъ философіи.

idea, отъ даннаго къ искомому, отъ конкретнаго и явнаго къ сокровенному—есть единственно пріемлемый методъ. Именно этому методу и обязанъ своей философіей самый мудрый среди своихъ собратьевъ, А. Шопенгауеръ.

И каждая „система“ лишь тогда и лишь тамъ становится живой и цѣнной, какъ скоро въ ней забрезжитъ свѣтъ непосредственнаго и цѣльнаго созерцанія, какъ только формальное, схоластическое плетеніе понятій изъ понятій смѣнится постиженіемъ передъ лицомъ вселенной, когда представленія, оставаясь живыми и непосредственными, углубляются вмѣстѣ съ углубленіемъ самаго познающаго и въ строгомъ ритмическомъ согласіи съ нимъ, въ идеи-образы, т.-е. въ символы.

Тогда наступаетъ конецъ метафизики и всякой „системы“, и изъ груды разбившихся другъ о друга, подобно тонкимъ зеркаламъ, абстракцій выступаетъ то немногое живое-истинное, что безсознательно таится въ каждой системѣ; даетъ маленькій, но свѣжій ростокъ то зерно, которое случайно было заброшено въ эту груды битой посуды, тогда вырастаетъ и оперяется тотъ глубокій, интимный образъ, который былъ напечатлѣнъ отъ рожденія въ душѣ каждаго „метафизика“, начиная отъ Платона и кончая Гегелемъ, умѣвшимъ, когда онъ забывалъ свою „систему“, проникновенно осязая истинное содержаніе въ каждой прекрасной формѣ и бывшимъ изъ тѣхъ немногихъ, кто первые среди сумерекъ задыхавшейся и превратившейся въ абстракцію Германіи вернулись къ созерцанію древнихъ чудесъ Эллады, первые мечтательно снова почувствовали все романтическое обаяніе христіанства.

При свѣтѣ этого интимнаго огня и „система“ Шеллинга, это безформенное „все и ничего“, начинаетъ превращаться въ волшебное царство говорящей на понятномъ человѣку языкъ природы и кажется уже не противоположностью, а родственной союзницей самой сокровенной сущности мистическаго ученія о прекрасномъ А. Шопенгауера. Тогда мертвый шелестъ страницъ его книгъ превращается въ живой шопотъ зеленыхъ листьевъ. Тогда умираетъ Шеллингъ-кантіанецъ, оскорбившій „критику чистаго разума“, забывается Шеллингъ-профессоръ и возникаетъ тотъ образъ Шеллинга, который связанъ съ его романтическо-восторженными признаніями безконечнаго преимущества художественнаго, непосредственнаго творчества надъ всякой философіей, съ его преклоненіемъ передъ абсолютной свободой генія-созидателя. Тогда весь міръ представляется ему прежде всего „художественнымъ, божественнымъ твореніемъ“, а „искусство истиннымъ и вѣчнымъ органомъ и документомъ философій“.

Тогда и система Шеллинга, подобно шопенгауеровской „метафизикѣ“, превращается въ прекрасную и стройную систему симво-

ловъ, и въ ней совершается тотъ неизбежный переходъ отъ абстрактнаго къ интуитивному методу, который и есть eo ipso перевалъ сознанія въ сторону символизма, какъ міросозерцанія, т.-е. совершается великій процессъ самоопредѣленія нашей эпохи. Этотъ процессъ символизированія идеалистической метафизики тонко и многознаменательно продолжилъ величайшій выразитель нашей эпохи, Ст. Маллармэ. Онъ мечталъ даже завершить его; это не удалось ему, но за нимъ навсегда останется заслуга перваго обнаруженія основного убѣжденія нашей эпохи, убѣжденія въ томъ, что царство абстракцій должно смѣниться царствомъ новаго идеализма, царствомъ символовъ.

Это основное убѣжденіе точно опредѣляетъ отношеніе символизма къ прошлому, настоящему и будущему всѣхъ основныхъ синтетическихъ исканій міровой культуры.

Обращаясь къ прошлому символизмъ опредѣленно заявляетъ, съ чувствомъ гордости и благодарности, о своей генетической связи съ великимъ переваломъ сознанія и стиля, имѣвшимъ мѣсто въ теченіе всей второй половины прошлаго вѣка, отмѣчая, что т. н. новое искусство составляло лишь передовую позицію въ этой борьбѣ культурныхъ идей, будучи органически связано съ философскими исканіями съ одной стороны, и мистическими, религіозными теченіями съ другой. Въ этомъ отношеніи для него неослабны и неизгладимы великіе завѣты прошлаго—бессмертныя прозрѣнія великаго учителя и поэта-мистика Гете, въ той же мѣрѣ, какъ и „ученіе о соответствіяхъ“ Ш. Бодлера, и трагически-пророческія предчувствія Фр. Ницше, въ той же мѣрѣ, какъ и религіозныя интуиціи величайшихъ мистиковъ нашей родины — Достоевскаго, Вл. Соловьева и Д. Мережковскаго. Въ этомъ смыслѣ для насъ навѣки порвана связь съ наивнымъ реализмомъ и грубымъ позитивизмомъ недавняго прошлаго, въ настоящій моментъ грозящихъ снова породиться подъ другими формами („монизмъ“).

Но зато для символизма навсегда порвана связь и со всѣми крайностями тѣхъ раннихъ формъ, которыя въ пылу первой полемики создали въ его крайнихъ проявленіяхъ уродливости и намѣренныя уклоненія, безповоротно осужденныя исторіей и по справедливости названныя „пародіей на символизмъ“.

Вызванныя къ жизни крайностями реализма, эти крайности противоположнаго ему теченія неизбежно должны исчезнуть вмѣстѣ съ окончательнымъ пораженіемъ реализма.

Подъ послѣдними мы разумѣемъ тѣ специфическіе оттѣнки новаго стиля, которые закрѣплены въ общемъ сознаніи подъ названіями „декадентства въ тѣсномъ смыслѣ“ модернизма, эстетства съ неизбежными спутниками ихъ въ образѣ крайняго индивидуализма

(солипсизмъ), иллюзионизма и импрессионизма, граничащаго съ анархическимъ духомъ. Мы убѣждены, что, чѣмъ скорѣе символизмъ порветъ со всѣми этими случайными и крайними формами, тѣмъ онъ скорѣе преодолѣетъ свой теперешній кризисъ. Не менѣе случайными и несущественными формами символизма считаемъ мы и пресловутый эстетическій имморализмъ, какія бы исключительныя формы онъ ни принималъ, равно какъ и устарѣлое подчеркиванье классификаціи формъ искусства прежде всего на „старые“ и „новые“.

Въ противоположность этой классификаціи мы выдвигаемъ другую, основанную на подчеркиваньи „высокаго“ и „низкаго“ въ художественномъ творествѣ, считая основнымъ объективнымъ критеріемъ цѣнности художественнаго произведенія, его внутреннюю устойчивость въ потокѣ времени. Такова наша связь съ прошлымъ!

Обращаясь къ настоящему, мы символисты, особенно желали бы подчеркнуть наше настойчивое желаніе связать свободное творческое стремленіе, находящее высшее свое проявленіе въ созиданіи символовъ, съ переоцѣнкой всѣхъ выводовъ послѣдкантовской философіи. Въ этомъ мы видимъ органическое продолженіе того исконнаго стремленія символизма, которое всегда влекло поэтовъ этого направленія къ критикѣ своихъ самыхъ завѣтныхъ творческихъ прозрѣній теоретическими построеніями (Э. По, Маллармѣ), не превращая однако этой провѣрки въ самоцѣль. Не отдавая предпочтенія какой-либо опредѣленной философской школѣ, мы, однако, безповоротно разрываемъ, съ одной стороны, съ наивной докантианской метафизикой, а съ другой—со всѣми доморощенными, произвольными, недисциплинированными построеніями, чуждыми истинныхъ методовъ и строгихъ формъ европейской философской мысли. Мы не боимся метафизики, мы жаждемъ оживить въ ней то, что утато за стекломъ сухихъ понятій!

Но наши самыя завѣтныя цѣли, надежды и задачи—въ будущемъ! Свято сохраняя въ цѣлости великіе завѣты великихъ учителей и основателей „символическаго движенія“, мы съ тѣмъ большею увѣренностью и надеждой взираемъ въ безконечное будущее. Опираясь на опытъ прошлаго и выводы современнаго, мы идемъ къ осуществленію завѣтныхъ стремленій тѣхъ учений и вѣрованій, послѣднія цѣли которыхъ непосредственно связаны съ вопросомъ о конечной цѣли, цѣнности и формѣ бытія.

Мы особенно настаиваемъ на томъ, что символизмъ, какъ чисто художественное созерцаніе, какъ простая утонченная и усложненная форма познанія, являетъ собою лишь часть зовущаго насъ въ непредѣльность пути; мы знаемъ, что углубленное осознаніе объекта немислимо безъ матаморфозы самого субъекта, что, напротивъ,

упорное и напряженное постиженіе конечныхъ сущностей должно создать новые духовные органы въ самомъ субъектѣ, что символическое творчество неизбежно должно привести къ существенной метаморфозѣ личности и, косвенно, къ инымъ формамъ общенія личностей, къ преусушествленію и совершенствованію самой жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Являясь самой послѣдней и самой совершенной формой искусства, символизмъ, и только символизмъ, является собою уже и нѣчто большее, чѣмъ искусство, представляя собой первую, новую форму иного состоянія сознанія человѣчества, новую форму проявленія современной сложной и тонкой общей души и первый намекъ на еще болѣе совершенныя стадіи ея эволюціи въ будущемъ. Давно же символизмъ изъ жажды „свободнаго стиха“ сталъ жадать „свободной личности“.

Въ этомъ смыслѣ современный символизмъ является для насъ единственнымъ мостомъ, ведущимъ черезъ самыя страшныя бездны современнаго пессимизма и трагизма къ тому „единству въ сложности“ будущаго человѣка, въ сущности котораго мы видимъ завѣтѣйшія чаянія величайшаго изъ людей нашей эпохи—Фр. Ницше. Для насъ символизмъ дорогъ всего болѣе какъ путь освобожденія, неизбежно ведущій насъ къ живому единству воли и знанія и къ примату творчества надъ познаніемъ. Этимъ онъ сближается съ сокровеннымъ ядромъ послѣднихъ глубинъ мистическихъ ученій и великихъ религій, съ завѣтѣйшими устремленіями и положеніями оккультной науки и практики, превращая самыхъ высшихъ изъ среды своихъ послѣдователей въ жрецовъ какъ бы новой религіи, въ посвященныхъ откровенія, высочайшаго среди всѣхъ въ наши дни.

Въ этомъ сокровенномъ и послѣднемъ смыслѣ символизмъ является для насъ въ своей будущей идеальной, просвѣтленной и совершенной формѣ тѣмъ нашимъ исповѣданіемъ, которое мы безъ колебанія рѣшаемся назвать великой религіей будущаго.

Мы знаемъ послѣ Фр. Ницше, какъ и отъ чего умерли всѣ прежнія религіи, постепенно утрачивая свои „миѣніческія основы“ подъ давленіемъ разсудочности и догматизма; мы знаемъ (и весь символизмъ тому порукой), съ другой стороны, на чемъ зиждется „чувство мнѣя“, изъ чего возникаетъ и на что опирается религіозный мнѣя. Его основа—символъ!..

II. Истоки современной поэзии.

Весной 1883 года, на развалинах кружка „гидропатов“, возник новый кружок поэтов, которые называли себя „les hirsutes“. История этого кружка была столь же краткой и столь же малохарактерной, как и история „гидропатов“. Собирались въ определенные вечера поэты, имена которыхъ были обречены большею частью на забвеніе (за исключеніемъ имени Жана Мореаса), и торжественно рецитировали другъ другу свои стихи, лишенные всякой оригинальности, быстро приводившіе на память стихи Коппа, Банвиля и Бодлера, — и это все. Предсѣдателемъ этихъ сообществъ былъ избранъ Эмиль Гудо. Его, вмѣстѣ съ Э. Арокуромъ, и слѣдовало бы признать самымъ виднымъ представителемъ этого кружка, если бы не появился внезапно среди этихъ подражателей, слабо повторявшихъ чужія пѣсни, — Морисъ Роллина, который согласился на собранія кружка читать и пѣть свои стихотворенія, собранныя въ іюль того же года въ знаменитомъ томикѣ, озаглавленномъ „les Névroses“.

Морисъ Роллина жилъ въ Парижѣ уже съ 1868 года; во второмъ альманахѣ „Parnasse Contemporain“ было напечатано нѣсколько его стихотвореній; въ 1877 году вышелъ первый сборникъ его стиховъ „Dans les Brandes“, прошедшій совершенно незамѣченнымъ, хотя въ немъ есть нѣсколько очаровательныхъ, описательныхъ стихотвореній (впрочемъ, явно говорящихъ о вліяніи Жоржъ Зандъ). М. Роллина было уже 37 лѣтъ, когда появились „les Névroses“, и книга эта внезапно обратила вниманіе всѣхъ на дотолѣ неизвестнаго поэта. Сразу Роллина позналъ то, что самъ онъ слишкомъ поспѣшно призналъ славою, и что въ дѣйствительности было только минутнымъ шумомъ скандала и успѣхомъ любопытства. Истинная слава приходитъ медленно, съ годами и съ рядомъ серьезныхъ созданій; она не похожа на шумный вѣтеръ, налетающій въ полдень, но скорѣй можно ее сравнить съ торжественнымъ и грустнымъ пурпуромъ яснаго вечера.

Послѣ успѣха своей книги, Роллина покинулъ Монмартръ и Латинскій кварталъ, гдѣ пѣлъ онъ за роялемъ свои стихи подѣ му-

зыку, сложенную имъ самимъ, поражая слушателей своимъ блѣднымъ, трагическимъ лицомъ, на которомъ отражались постоянно мучившія его галлюцинаціи... Сарра Бернаръ ваяла его подъ свое покровительство и звела въ свѣтскіе салоны, гдѣ его странная маска, такъ же какъ и его „демоническая“ поэзія понравились дамамъ, такъ какъ онѣ давали имъ новыя впечатлѣнія... „новый трепетъ“! Барбей д'Оревилю писалъ тогда въ журналѣ „la Lutece“: „Роллина по своему дарованію—одержимый, стоящій передъ тѣмъ Невѣдомымъ, которое, словно лищаль Дьявола, ставшаго единственнымъ Богомъ, выглядываетъ изъ-за всѣхъ вещей“. „Le Figaro“, въ то же время, въ цѣломъ рядѣ статей, объявляло, что явился новый геній, который выразилъ всю современную душу, ея мученія, сомнѣнія и стремленія къ невѣдомой еще истинѣ.

Шумная извѣстность М. Роллина длилась приблизительно съ годъ. Тѣ, кто изобрѣлъ его, потеряли къ нему вкусъ. свѣтскіе салоны на него насмотрѣлись, любопытство было удовлетворено, и Мориса Роллина забыли, какъ прошлогоднюю моду. Его вознесли очень высоко, но никто и не обратилъ вниманія, что онъ упалъ съ этой высоты... А самъ Роллина, который отдался своей славѣ со всей искренностью непосредственной души, вдругъ увидалъ себя одинокимъ (такъ какъ прежніе друзья еще раньше отвернулись отъ него изъ зависти), полуразбитымъ, совершенно потрясеннымъ. Восемнадцать мѣсяцевъ спустя, онъ покинулъ Парижъ, и въ 1885 г., когда появились первыя ласточки „новой поэзіи“, уже былъ въ сторонѣ ото всякой литературной жизни. Его новая книга, „l'Abîme“, появившаяся въ 1886 г., не произвела никакого впечатлѣнія. Далѣе слѣдовали: „la Nature“ (1892), „le Livre de la Nature“ (1893), „les Apparitions“ (1896), „Paysages et Paysans“ (1898). Эти книги проходили незамѣченными среди шумной борьбы поэтическихъ школъ, съ которыми Роллина не имѣлъ никакихъ отношеній. Едва было извѣстно, что въ послѣдніе годы жизни, подъ вліяніемъ тяжкаго душевнаго расстройства, онъ долженъ былъ вступить въ лѣчебницу, изъ которой вышелъ лишь затѣмъ, чтобы умереть, въ 1903 году.

„Les Névroses“ всецѣло выходятъ изъ Бодлера, именно изъ Бодлера—автора сатаническихъ поэмъ и автора „Charogne“. М. Роллина развилъ эту часть „Цвѣтовъ Зла“ съ той риторической пышностью, которая всегда такъ страшила Бодлера. Роллина свелъ съ истиннаго пути бодлеровскій реализмъ, преувеличилъ его, опошлилъ его натуралистическими приѣмами, въ духъ дурно понятаго Золя. Можно сказать, что „les Névroses“ это—искаженіе и Бодлера и Золя, хотя въ книгѣ все-таки чувствуется мощный поэтический темпераментъ, только совершенно лишенный критическаго чувства и художественнаго вкуса. Лучше всего удавались Роллина пересказы на-

родныхъ легендъ и простыхъ картинки его родной природы (онъ былъ родомъ изъ Берри). Въ своихъ послѣднихъ книгахъ онъ сдѣлалъ попытку вернуться къ этимъ непосредственнымъ источникамъ вдохновенія, но его поэзія уже не могла освободиться отъ галлюцинацій. Его природа была населена призраками, видѣніями смерти. Онъ до конца остался поэтомъ „нервовозъ“, экстеріоризирующимъ грезы своего больного мозга.

Минутные поклонники Роллина сослужили ему плохую службу, превознося его сверхъ мѣры. Послѣдующее поколѣніе, среди этого шума, не сумѣло различить истиннаго Роллина, который также былъ „проклятымъ поэтомъ“, хотя и облеченнымъ въ тяжесть романтической риторики. Часто неловкій ученикъ Бодлера, онъ умѣлъ иногда быть вполне индивидуальнымъ; его чувство природы искренно и чисто, какъ у Жоржъ Зандъ, порою ново. Среди ничтожныхъ подражателей, повторявшихъ чужія слова, М. Роллина все же стоитъ какъ настоящій поэтъ и художникъ.

У Роллина нашлись свои послѣдователи, особенно среди завсегдатаевъ художественныхъ кабаре, возникшихъ во множествѣ въ тѣ годы (изъ нихъ можно назвать „Chat Noir“, гдѣ Э. Гудо попытался еще разъ собрать остатки арміи „гидропатовъ“), но у этихъ простыхъ подражателей, безцвѣтныхъ и грубыхъ, не можетъ быть исторіи.

„Les hirsutes“ по отношенію къ „гидропатамъ“ то же, что революція 1830 года къ революціи 1789—такъ писалъ въ одной изъ своихъ „руководящихъ статей“ журналъ „la Lutèce“ въ 1884 г. Хотя эти слова не придаютъ значенія новому кружку, но журналъ все же не обнаруживаетъ слишкомъ большого критическаго чутія, приписывая несоразмѣрную важность „гидропатамъ“. Можно сказать, что своей извѣстностью они обязаны гораздо болѣе странному своему названію, чѣмъ своимъ идеямъ и произведеніямъ. Только любопытство литературнаго коллекціонера можетъ заставить насъ вновь обратиться къ именамъ Эмиля Гудо, Шампсора, Жана Рамо, д'Эпарбеса и др. „Lutèce“ жестоко ошибалась, когда думала отъ нихъ вести свершавшуюся на ея глазахъ литературную революцію.

Однако, уже и то важно, что „la Lutèce“ и ея руководители ощущали, хотя и неопредѣленно, вѣяніе новаго гонія надъ литературой. Важно и то, что они (какъ мы это показали въ предыдущей статьѣ)—„открыли“ Поля Верлена. Наконецъ, несомнѣнная заслуга „Lutèce“ въ томъ, что въ 1883 г. журналъ напечаталъ первые стихи Ж. Мораса, а въ 1884 и 1885 гг.—юношескія поэмы А. де-Ренъе и Вьелъ-Гриффина. Хотя эти стихи не представляютъ большого значенія

сами по себѣ, хотя въ нихъ слишкомъ явно вліяніе Верлена и Бавиля, но въ нихъ есть благородное пониманіе задачъ искусства, и совершенно новая искренность чувства... Упомянемъ еще имя Маріи Кризинской (Marie Kryzinska), тоже впервые появившейся на страницахъ „Lutèce“, опять-таки не за абсолютное поэтическое значеніе ея стиховъ, но потому что она не безъ права оспаривала у Гюстава Кана его неосновательныя претензіи на созданіе „свободнаго стиха“.*

Мы здѣсь не будемъ говорить подробно о „свободномъ стихѣ“ и о всѣхъ претендентахъ на честь его созданія... Замѣтимъ только, что опыты М. Кризинской, 1882 г., явно предшествовали всѣмъ попыткамъ Г. Кана, такъ какъ самыя раннія изъ его стихотвореній (образовавшія сборникъ „les Palais Nomades“) появились въ печати не прежде 1886 г. въ журналѣ „la Vogue“. Это, впрочемъ, не помѣшало Г. Кану рассказывать въ своей книгѣ „Symbolistes et Décadents“ (большинство свидѣній въ которой вообще невѣрно), что онъ былъ пріятно изумленъ, когда въ 1883 г., въ Тунисѣ, гдѣ онъ тогда служилъ солдатомъ, ему попалось на глаза въ одномъ журналѣ стихотвореніе, написанное свободнымъ стихомъ. „Я понялъ, что я создалъ школу“,—скромно говоритъ Г. Канъ, забывая, что въ ту эпоху онъ еще ничего не печаталъ ни въ свободныхъ стихахъ, ни о свободномъ стихѣ. Сколько-нибудь связаную теорію свободнаго стиха М. Кризинская дала только въ 1888 г., а Г. Канъ во всякомъ случаѣ еще позже.

Нѣкоторое значеніе имѣли также „субботы“, устраивавшіяся въ редакціи „Lutèce“, которыя съ каждой недѣлей становились все болѣе оживленными и шумными. Впрочемъ, споры этихъ субботъ вращались почти исключительно около вопросовъ метрики, почти не касаясь общихъ и глубокихъ задачъ искусства. Участники этихъ собраній помнить, конечно, какъ однажды, въ февралѣ 1884 г. большой споръ вызвалъ стихъ Мореаса:

Aucun éclair n'illumine ton cerveau mort!

„Это—неправильный стихъ!“—утверждалъ Жоржъ д'Эпарбесъ, который, повидимому, никогда не читалъ ни Виктора Гюго, ни де-Бавиля, весьма нерѣдко пользовавшихся такимъ дѣленіемъ стиха. „Это—стихъ съ двумя цеаурами“,—возражалъ Мореасъ, который, кажется, съ гордостью почиталъ себя изобрѣтателемъ этой формы. Въ такомъ родѣ были и всѣ другія бесѣды на знаменитыхъ субботахъ.

* Мы уже говорили объ этомъ („Вѣсы“ 1904 г.) по поводу выхода въ свѣтъ сборника стиховъ М. Кризинской „Intermèdes“. М. Кризинская скончалась въ прошломъ году.

Но тѣмъ не менѣе, жизнь въ поэзіи начиналась, приближеніе обновленія чувствовалось.

Большимъ литературнымъ событіемъ было появленіе, въ апрѣлѣ 1884 г., книги Поля Верлена „les Poètes Maudits“, въ которой первоначально (въ первомъ изданіи) было только три очерка: о Ст. Маллармѣ, Тристанѣ Корбьерѣ и Артурѣ Римбо. Почти для всего поколѣнія поэтовъ той эпохи эти три имени были совершенно неизвѣстны. Маллармѣ суждено было оказать свое вліяніе на эволюцію поэзіи нѣсколько позже, но творчество Корбьера и Римбо было воспринято именно въ эту эпоху.

Что касается насъ лично, то мы любимъ Корбьера въ тѣхъ его произведеніяхъ, гдѣ онъ поетъ море и людей моря. Для такихъ стихотвореній онъ находитъ широкіе ритмы съ рѣзкими цеаурами, дышащія упорствомъ мысли и сознаніемъ губительнаго Рока. Это—лучшая часть единственной книги Тристана Корбьера, „les Amours Jaunes“, которую онъ напечаталъ въ 1873 году, только-что пріѣхавъ изъ Морла въ Парижъ. (Какъ извѣстно, Корбьеръ умеръ въ слѣдующемъ году, отъ чахотки, въ совершенной неизвѣстности). Но именно эта часть книги Корбьера и не была оцѣнена ни поколѣніемъ 1883 г., ни позднѣйшими „символистами“. Имъ ближе былъ тотъ Корбьеръ, котораго Верленъ называлъ „соперникомъ Виллона и Пирона...“

Г. Канъ рассказываетъ, что еще въ 1880 г. ему представился случай познакомиться съ книгой Корбьера и что онъ тогда же общилъ ее Жюлю Лафоргу. „Мы нашли ее восхитительной по разнымъ причинамъ“,—говоритъ онъ безъ дальнѣйшихъ объясненій. Не станемъ подвергать критикѣ рассказъ Г. Кана и замѣтимъ только, что въ немъ заключается несомнѣнная истина, поскольку устанавливается вліяніе Корбьера на Лафорга. Какъ это ни покажется страннымъ послѣ враждебныхъ, презрительныхъ и жестокихъ диatribъ противъ Корбьера, которыя находимъ мы въ томихъ посмертныхъ сочиненій Лафорга, но поэтъ „Complaintes“ несомнѣнно былъ окончательно сформированъ поэтомъ „Amours Jaunes“. Критика Лафорга—это естественная ненависть, возникающая изъ слишкомъ абсолютнаго подчиненія, изъ ощущенія въ самомъ себѣ—другого, слишкомъ похожаго на себя существа. Но и на Лафорга произвелъ впечатлѣніе не мощный и здоровый пѣвецъ моря, вѣющаго оживляющимъ іодистымъ дыханіемъ, но утонченный скептикъ, въ изысканныхъ и горькихъ стихахъ пересказывающій свои ощущенія, порожденные близостью смерти (Лафоргъ, какъ Корбьеръ, былъ боленъ чахоткой). Лафоргъ, наблюдающій изъ своей сознательной и безпощадной агоніи и себя самого и всю жизнь, эту вселенную, которая безнадежно ускользала изъ его рукъ,—вотъ тотъ поэтъ, который поразили воображеніе Лафорга и всего его поколѣнія.

Жюль Лафоргъ говоритъ о Корбьерѣ: „Отсутствіе поэзіи, отсутствіе стиха, немного литературы, ремесло безъ интереса къ пластику,—весь интересъ въ хлесткости, въ остроуміи, въ каламбурѣ, въ романтическихъ веригахъ“. Нельзя критиковать менѣе „по существу“. Мы, напротивъ, находимъ въ Корбьерѣ гораздо больше поэзіи, чѣмъ въ Лафоргѣ, во всякомъ случаѣ меньше надуманности и гораздо больше искренности, при полномъ отсутствіи того, что Лафоргъ вслѣдъ за Верленомъ называетъ „литературой“. Говорить же объ „отсутствіи интереса къ пластику“, — значить совершенно не понять мощныхъ движеній души, выраженныхъ Корбьеромъ непосредственно въ ритмахъ, особенно въ тѣхъ стихахъ, отъ которыхъ вѣетъ морскимъ увлекающимъ вѣтромъ.

Въ общемъ вліяніе Корбьера было благотворно, такъ какъ открыло поэтѣмъ новыя, имъ невѣдомыя возможности въ поэзіи.

Что касается Артюра Римбо, — чудеснаго юноши, одареннаго преждевременнымъ поэтическимъ дарованіемъ, которое естественно оказалось эфемернымъ, — то поколѣніе 1883—84 годовъ, унаваъ о его существованіи и прочитавъ тѣ его поэмы, которыя приводилъ въ своей книгѣ Верленъ, почувствовало въ авторѣ „Пьянаго корабля“ прежде всего непосредственную ритмическую силу, почерпающую свою метрику изъ самой энергій чувства.

Я вполне согласенъ съ Г. Каномъ, что Римбо всецѣло вышелъ изъ Бодлера. Не будемъ говорить о раннихъ стихахъ Римбо (до 1871 г.) — въ нихъ отголоски всѣхъ тѣхъ вліяній, какимъ подвергались юноши его поколѣнія: Гюго, Мюссе, Банвиля... Но съ 1871 г. у Римбо уже чувствуется определенное вліяніе Бодлера. Оно выражается вполне въ „Пьяномъ кораблѣ“, стихотвореніи, которое, конечно, можно выводить, какъ это уже указывалось изъ „Приглашенія къ путешествію“ Бодлера. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ этой поэмѣ сразу выражается и вся индивидуальность Римбо, все, что есть въ немъ гениальнаго. Ему было тогда двадцать лѣтъ, и въ одномъ стихотвореніи онъ и выразилъ и исчерпалъ себя, подобно тому какъ одна молнія освѣщаетъ цѣлое небо, покрытое грозовыми тучами.

Въ „Пьяномъ кораблѣ“ выразились все подсознательное поэта, какія-то неожиданныя атакистическія стремленія. И адѣсь же, словно въ пророческомъ предчувствіи, намѣчены всѣ этапы будущей недолгой жизни поэта въ странахъ, сожженныхъ и насыщенныхъ солнцемъ. Въ „Пьяномъ кораблѣ“ уже предчувствуется побѣгъ поэта въ Италію и на острова Архипелага, и его приключенія, какъ солдата голландской арміи, на Суматрѣ и на Явѣ (откуда онъ дезертировалъ), и позднѣйшія его скитанія въ Египтѣ, въ Аденѣ, въ странѣ Сомали, и, наконецъ, послѣдній періодъ его жизни, когда онъ велъ обширную торговлю золотомъ и слоновой костью въ Харрарѣ и былъ,

одно время, приближеннымъ Менелика. Послѣ этого стихотворенія поэтическая жизнь Римбо, собственно говоря, была окончена. Самъ того не сознавая, онъ пропѣлъ пѣсню своей новой жизни, пѣсню искателя приключеній. Ему было больше нечего сказать.

„Я ненавижу всякое ремесло... Перо въ рукѣ не лучше, чѣмъ рука на плугѣ... Я спасаюсь бѣгствомъ“. Такъ писалъ Римбо въ своей книгѣ „Une Saison en Enfer“ *. Мы видѣли, что онъ, дѣйствительно, слася бѣгствомъ отъ литературы, но не слѣдуетъ забывать, что раньше того онъ написалъ свой знаменитый „Сонетъ о гласныхъ“:

A noir, E blanc, I rouge, U vert, O bleu, voyelle...

Надо полагать, что этотъ сонетъ былъ написанъ подѣ влияніемъ какой-либо научной статьи о „цвѣтномъ слухѣ“, попавшейся на глаза Римбо. Она, вмѣстѣ съ стихотвореніемъ Бодлера „Соотвѣтствія“, навлекнула Римбо на возможности какой-то болѣе утонченной поэзіи... Ради этого сокрытаго въ немъ намека сонетъ Римбо заслуживаетъ Упомянанія.

Замѣтимъ, однако, что съ „Сонетомъ о гласныхъ“ можно сопоставить у Римбо нѣсколько строкъ въ его „Алхиміи слова“. Тамъ тотъ самый Римбо, который впоследствии отказался отъ всякаго поэтическаго творчества, занятъ мыслью о новой формѣ въ поэзіи, формѣ болѣе сложной, болѣе выразительной, болѣе изысканной. Вотъ эти любопытныя строки: „Я изобрѣталъ окраску гласныхъ... Я опредѣлялъ форму и движеніе каждой согласной, и я гордился тѣмъ что, при помощи инстинктивныхъ ритмовъ, создавалъ новую поэтическую рѣчь, которая, рано или поздно, должна стать доступной для всѣхъ чувствъ“. Что это такое, какъ не предчувствіе тѣхъ техническихъ приѣмовъ, которые были позднѣе развиты мною подѣ названіемъ „словесной инструментовки“?

И хотя въ 1884 г. проза Римбо оставалась еще неизвѣстной и молодые поэты могли читать только тѣ немногія стихотворенія, которыя приведены были въ статьѣ Верлена, однако, и въ нихъ чувствовалась уже новая точка зрѣнія на ритмъ. Если Корбьеръ могъ научить поколѣніе 1883—4 г. иначе чувствовать, то Римбо училъ иначе писать, нежели то было обычнымъ въ ту эпоху. Впрочемъ, надо замѣтить, что ни у Корбьера, ни у Римбо нельзя было найти ника-

* Какъ извѣстно, «Une Saison en Enfer» былъ издакъ авторомъ въ Брюсселѣ, въ 1873 г., въ видѣ небольшой брошюры; однако, раньше выхода книги въ свѣтъ, Римбо потребилъ почти всѣ ея экземпляры, ставшіе большою библіографической рѣдкостью. Поэтому книгу можно считать не существовавшей, раньше чѣмъ Вавье не перепизалъ ее въ 1892 году.

кихъ указаній на природу ритма и никакихъ общихъ идей, которыя опредѣляли бы истинное значеніе современнаго искусства.

Тутъ начинается роль Стефана Маллармэ, третьяго изъ „прэзрѣнныхъ поэтовъ“, который въ ближайшіе затѣмъ годы, 1885—86, привлекъ на себя вниманіе всей литературной молодежи, и, какъ въ рядѣ своихъ поэмъ, такъ и въ своихъ незабвенныхъ устныхъ бесѣдахъ, выставилъ новую идею, довольно неопредѣленную, но которая не могла не увлечь умы, искавшіе выхода изъ безпросвѣтности натурализма“,—идею Символа... *

Kenzé Chil.

* О роли и значеніи Ст. Маллармэ, см. наши статьи въ «Вѣсахъ» 1908 года.

ПРОФ. В. Р. МОРФИЛЛЪ.

Некрологъ.

Въ серединѣ ноября т. г. въ Оксфордѣ на семьдесятъ пятомъ году жизни скончался профессоръ Оксфордскаго университета, членъ Британской Академіи, В. Р. Морфиллъ. Читателямъ „Вѣснъ“ имя его знакомо по тѣмъ замѣткамъ о англійской литературѣ, которыя В. Р. Морфиллъ печаталъ въ нашемъ журналѣ, съ самаго его основанія. Будучи прекраснымъ знатокомъ русскаго языка и русской литературы, В. Р. Морфиллъ въ 1889 г. былъ назначенъ лекторомъ по славянскимъ языкамъ въ Оксфордскомъ университетѣ, а въ 1900 г. удостоенъ званія профессора. Перу его принадлежитъ нѣсколько сочиненій по вышеуказаннымъ вопросамъ и длинный рядъ статей и замѣтокъ по вопросамъ русской жизни и русской мысли, появившіяся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ Англіи.

Лондонскій „The Athenaeum“, сотрудникомъ котораго состоялъ В. Р. Морфиллъ, посвящаетъ ему, между прочимъ, слѣдующія строки. „Быть можетъ не столько объ ученомъ, сколько о человѣкѣ будутъ скорбѣть его многочисленные друзья, если вообще возможно раздѣлить эти двѣ сущности, столь прочно и удачно слившіяся въ его лицѣ. Онъ былъ одновременно и весь—ученость, и весь—радужіе. Такой типъ человѣка встрѣчается только въ университетѣ, и тамъ довольно рѣдко. Можетъ быть, въ наши сутолочные, профессиональные дни онъ уже дѣлается невозможнымъ. Чтобы найти человѣка, подобнаго Морфиллу, надо искать его не среди нашихъ современниковъ, а среди представителей прошлаго поколѣнія. Необходимы особые условія для того досуга,—нѣчто совершенно противоположное праздности—того литературнаго и ученаго досуга, который даетъ возможность человѣку быть другомъ (не ради выгоды, а „ради добра“) его любимыхъ авторовъ. У В. Р. Морфилла любимыми авторами были всѣ великіе писатели міра. Друзья Морфилла не могли найти предѣла его знаніямъ и всему прочитанному имъ. Литературными воспоминаніями, сознательными или безсознательными, изобиловала каждая его фраза. Но отъ нихъ никогда не отдавало скукой или педантизмомъ. Надо было знать Морфилла, чтобы непоколебимой сохранялась въра въ гуманистовъ“...

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦИЮ.

М. Р. г. Редакторъ.

Считая неумѣстнымъ и недостойнымъ унижаться до полемики съ клеветническими выходками газетной прессы, обвинявшей меня въ систематической кражѣ и порчѣ цѣнныхъ книгъ изъ библіотеки Румянцевскаго музея, я пользуюсь случаемъ подтвердить справедливость, уже дважды сдѣланныхъ мною заявленій о неумышленной порчѣ мною всего двухъ страницъ „Симфоній“ А. Вѣлаго,—компетентнымъ мнѣніемъ „суда чести“ при „Обществѣ дѣателей періодической печати и литературы“. „Судъ чести“ посвятилъ нѣсколько специальныхъ засѣданій разбору инцидента моего съ музеемъ и, пользуясь показаніями чиновниковъ музея, а также анализомъ всѣхъ необходимыхъ документовъ, въ своей уже опубликованной въ газетахъ резолюціи, безусловно опровергъ клеветническія инсинуаціи газетъ, категорически приписывавшія мнѣ умыселъ и превратившія двѣ страницы „Симфоній“ въ цѣлый рядъ исключительно-цѣнныхъ книгъ.

Э л л с ъ.

Р. С. Само собой понятно, что я, не смотря на все мое принципиальное уваженіе къ „Обществу дѣателей періодической печати“, не могу болѣе считать себя однимъ изъ его членовъ, среди которыхъ продолжаютъ существовать тѣ лица, которые унизили себя до систематической клеветы по моему адресу.

Выдержка изъ копій рѣшенія „суда чести“.

„1909 года, ноября 7 дня, въ помѣщеніи Литературно-Художественнаго Кружка, въ Москвѣ, судъ чести“, Общества дѣателей періодической печати и литературы“, въ составѣ предѣдателя С. А. Муромцева, товарища предѣдателя Н. В. Давыдова и членовъ суда Л. М. Лопатина, П. Н. Малянтовича и Н. В. Тесленко, находитъ:

имѣвшій мѣсто въ іюлѣ сего года фактъ вырѣзанія Л. Л. Кобылинскимъ (Эллисомъ) двухъ страницъ изъ составляющихъ собственность библіотеки Румянцевскаго музея двухъ книгъ произведеній А. Бѣлаго, не представляясь по обстоятельствамъ дѣла актомъ сознательно злонамѣреннымъ, а тѣмъ болѣе актомъ кражи, какъ объ этомъ сообщалось во многихъ органахъ періодической печати, свидѣтельствуешь, однако, о крайне небрежномъ отношеніи Л. Л. Кобылинскаго (Эллиса) къ имуществу, составляющему общественное достояніе,—несмотря даже на чрезвычайную разсѣянность Л. Л. Кобылинскаго, вслѣдствіе которой онъ въ спѣшкѣ работы смѣшалъ экземпляры библіотеки съ собственными экземплярами тѣхъ-же книгъ“.

Примѣчаніе редакціи „Вѣсовъ“.

Съ своей стороны „Вѣсы“ полагають, что дѣло послѣ разслѣдованія его компетентнымъ „судомъ чести“ вполне выяснено и что обвиненіе „въ преднамѣренной порчѣ книгъ публичной библіотеки“, столь легкомысленно выставленное частью нашей прессы противъ г. Эллиса, должно считать опровергнутымъ.

НОВЫЯ КНИГИ,

доставленныя въ редакцію «Вѣсовъ».

РУССКІЯ КНИГИ.

Стихи.

- Д. Вергунъ. Червоннорусскіе отзвуки. Стихи. Львовъ 1909. 1 р.
Гофманъ, В. Искусъ. Новые стихи. К-во М. О. Вольфъ. СПБ. 1910.
Ц. 75 к.
С. Городецкій. Русь. Изд. Сытина. М. 1909. Ц. 15 к.
В. Диксъ. Стихи. К-во М. О. Вольфъ. СПБ. 1909. Ц. 75 к.
С. Кречетовъ. Летучій Голландецъ. К-во „Грифъ“. М. 1909. Ц. 80 к.
В. Пястъ. Ограда. Сборникъ стиховъ. К-во М. О. Вольфъ. СПБ.
1909. Ц. 75 к.
Б. Садовской. Позднее Утро. Стихи. М. 1909. Ц. 1 р.
Д. Цензоръ. Крылья Икара. Стихи. СПБ. 1909. Ц. 80 к.

Разказы и повѣсти.

- Л. Андреевъ. Собр. сочиненій. Т. VII. К-во „Шиповникъ“ СПБ.
1909. Ц. 1 р. 25 к.
К. Гамсунъ. Собраніе сочиненій. Т. I, II, III, IV. К-во „Шипов-
никъ“. СПБ. Ц. по 1 р. 25 к.
В. Гординъ. Одинокіе люди. СПБ. 1909. Ц. 1 р.
М. Горькій. Разказы. Т. IX. К-во „Знаніе“. М. 1910. Ц. 1 р.
М. Горькій и В. Мейеръ. Землетрясеніе въ Калабріи и Сици-
ліи. СПБ. 1910. Ц. 2 р.
Б. Журавлевъ. Хоаяева. Повѣсть СПБ. 1910. Ц. 1 р.
С. Кондурушкинъ. Разказы. Т. II. Изд. „Знанія“. СПБ. 1910.
Ц. 1 р.
К. Коротковъ. Въ вихрѣ мыслей. Собр. соч. Т. VII. М. 1909. Ц. 1 р.
К. Лемонъе. Самецъ. Романъ. Изд. „Звено“. М. 1910. Ц. 1 р.
Е. Лундбергъ. Мои скитанья. Кіевъ. 1909. Ц. 75 к.
Егоже. Разказы. Кіевъ. 1909. Ц. 75 к.
М. Пришвинъ. У стѣнъ града невидимаго. М. 1909. Ц. 1 р.

Драмы.

- А. Вознесенскій. Хохоть. Пьеса. К-во „Шиповникъ“. СПБ. 1909.
Ц. 75 к.
А. Струве. Надъ моремъ. Драма. К-во „Фрамъ“. М. 1909. Ц. 1 р.

Альманахи и сборники.

- Земля. Сборникъ III. Московское К-во. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
 Сборники „Знанія“. Кн. XXVII. СПб. 1910. Ц. 1 р.
 Литературно-художественные альманахи к-ва „Шиповникъ“. Кн. 9-я, 10-я и 11-ая. СПб. 1909. Ц. 1 р.
 Туманы. Сборникъ. Минскъ. 1909. Ц. по 1 р.

Критика и исторія литературы.

- В. Бразоль. Критическія грани. СПб. 1910. Ц. 1 р.
 А. Бурнакинъ. Трагическія антитезы. К-во „Сфинксъ“ М. 1909. Ц. 1 р.
 Н. А. Добролюбовъ. Избранныя произведенія. СПб. 1910. Ц. 1 р.
 А. Евлаховъ. Геній-художникъ какъ анти-общественность. Варшава. 1909. Ц. 80 к.
 П. Карповъ. Говоръ Зорь. Статьи. СПб. 1909. Ц. 60 к.
 Ю. Стекловъ. Н. Чернышевскій. Его жизнь и дѣятельность. СПб. 1909. Ц. 2 р.

Разныя.

- А. Бинэ. Душа и тѣло. Изд. „Звено“ М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
 Р. С. Болль. Вѣка и приливы. К-во „Mathesis“. Од. 1909. Ц. 75 к.
 К. Брунъ. Твердые растворы. К-во „Mathesis“. Од. 1909. Ц. 25 к.
 В. Д. Брункусъ. Землеустройство и расселеніе за границей и въ Россіи. СПб. 1909. Ц. 50 к.
 Р. Ведекинъ. Непрерывность и ирраціональныя числа. К-во „Mathesis“. Од. 1909. Ц. 40 к.
 Л. Кутюра. Алгебра логики. К-во „Mathesis“. Од. 1909. Ц. 90 к.
 Ф. Линдеманы. Форма и спектръ атомовъ. К-во „Mathesis“. Од. 1909. Ц. 20 к.
 В. Рамзай. Благородные и радіоактивные газы. К-во „Mathesis“. Од. 1909. Ц. 25 к.
 А. Слаби. Безпроводочный телефонъ. К-во „Mathesis“. Од. 1909. Ц. 30 к.
 Снайдеръ, проф. Картина міра въ свѣтъ современнаго естествознанія. К-во „Mathesis“. Од. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
 Н. Weber и J. Wellstein. Энциклопедія элементарной математики. Т. II, кн. I. Основанія Геометріи. К-во „Mathesis“. Од. 1909. Ц. 3 р.

ИНОСТРАННЫЕ КНИГИ.

- S. Bonmariage. Poèmes. Soc. d'éditions modernes. Paris. 1909.
Prix. 3 fr. 50.
- P. Broodcoorens. Eglesygne et Flonrdelys. E. Verhellen. Bruxelles. 3 fr. 50.
- Valerius Brjussoff. Der feurige Engel. Erzählung aus dem sechszehnten Jahrhundert. Autourisierte Uebersetzung von Reinhold von Walter. Hans von Weber Verlag München. 1910. M. 4.
- Prosper Dor. Au bord de l'idylle. E. Sansot et Cie. Paris. 1909.
Prix. 3 fr. 50.
- M. Gauchez. Les symphonies voluptueuses. Ed. de „la Belgique artistique et littéraire“. Bruxelles. 1909. 3 fr. 50.
- René Ghil. Oeuvre I. Dire du Mieux. Libr. L. Vanier. Paris. 1909.
3 fr. 50.
- F. Hellens. Les Hors le vent. Ed. O. Lamberty. Bruxelles. 1909. 3 fr. 50.
- Guy Lavaud. Du livre de la Mort. Ed. de „la Phalange“. Paris. 1909. 2 fr.
- A. Mortier. Le Temple sans idoles. Mercure de France. Paris. 1909.
3 fr. 50.
- Robert Ross. Masques and Phases. Humphreys. London. 1910. 5 sh.
- P. Roidot. Le jeu des Dixhuit ans. Bruxelles. 1909. 2 fr.
- A. R. Schneeberger. La Cité intérieure. L'Edition. Paris. 1909. 3 fr. 50.
- Emile Verhaeren. Les Villes à Pignons. E. Deman, éd. Bruxelles. 1909. 4 fr.
- Emile Verhaeren. Deux Drames. Mercure de France. Paris. 1910.
3 fr. 50.

УКРУСМБА

НАУКА О МУЗЫКѢ, ЕЯ ИСТОРИЧЕСКІЕ ПУТИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ.

Докладъ, прочитанный въ Обществѣ Свободной Эстетики 11 ноября 1909 г.

I.

Звучаніе, давшее слуховое осязаніе временнымъ формамъ, — таковъ міръ музыкальнаго воплощенія. Наука о музыкѣ есть наука, занимающаяся изслѣдованіемъ этого міра, его природы и его жизни. Результаты научныхъ изслѣдованій должны дать точныя познанія о законахъ, на основаніи которыхъ является и протекаетъ звучащая временная жизнь каждаго существа этого міра. Методъ науки о музыкѣ тотъ же, что методъ всѣхъ естественныхъ наукъ, — изучающихъ физическое строеніе какого бы то ни было міра. Это методъ опытныхъ изслѣдованій, дающихъ возможность познать общіе жизненные законы изучаемаго міра, — ибо всякая живая часть міра по выполненію его законовъ равнозначаща всему міру. Разумъ, зрѣніе сознанія, въ многообразіи и движеніи формъ постигаетъ всеобщіе неизмѣнные законы ихъ жизни. — Силою чистаго зрѣнія совершается весь путь сознанія, путь всѣхъ наукъ.

Странно видѣть въ прошломъ попытки движенія внѣ этого единственнаго пути. Странно, что когда-то мысль не вѣрила своей единственной силѣ, что было когда-то новымъ, — открытіемъ невѣдомой раньше возможности, — признаніе безусловной точности чистаго зрѣнія. Движеніе всѣхъ современныхъ наукъ такъ непосредственно слито съ новымъ направленіемъ пути, что эпоха его явленія стала какъ будто первымъ моментомъ ихъ жизни, началомъ новой эры для лѣтосчисленія. Лишь съ этого момента наука считаетъ начало своего развитія; все же прежнее осталось для нея далекимъ „историческимъ прошлымъ“. Моментъ этой исходной точки, справедливо называемой въ исторіи „Возрожденіемъ“, преетвенно связалъ жизнь научной мысли съ жизнью научной мысли прежнихъ культуръ, сочетавъ ихъ въ одинъ общій путь человѣческаго сознанія.

Рядъ столѣтій передъ этимъ кажутся современному научному сознанію только неподвижностью, только мертвенностью. Этому періоду склоненія, паденія научной мысли дано въ исторіи науки названіе періода схоластическаго догматизма. — Младенческое сознаніе

этой эпохи не умѣло принять тѣ достиженія чужой мысли, которыя стояли на его пути, но не смѣло и отступить отъ этихъ непонятыхъ формулъ чужого знанія, — неживыхъ, потому что не существовало настолько мощной мыслительной силы, въ которой онѣ могли бы воспроизвестись и ожить. Пути впередъ отъ этихъ застывшихъ точекъ не было, ибо нѣтъ движенія для того, что внѣ жизни. Разсудочная же воля, пытаясь замѣнить собою не достаточно сильное чтобы воспринять сознаніе, насильно связывала мысль съ ихъ неподвижностью. И силой разсудочной воли догматомъ стала сама невозможность движенія впередъ, а методомъ — методъ изслѣдованія надъ неподвижностью.

Объектомъ такихъ изслѣдованій не могла быть непокорная неподвижности жизнь изучаемыхъ міровъ, — надо было найти что-нибудь, что замѣнило бы собою жизнь, подобно тому, какъ разсудочная воля замѣнила собою живое сознаніе. И наука создала для своихъ изслѣдованій, взамѣнъ живыхъ физическихъ образовъ міра, искусственныя, построенныя разсудкомъ и до конца подвластныя разсудку подобія. — Есть народная сказка о томъ, какъ дочери царя, уходя тайкомъ ночью на празднества въ подземное царство, оставляли на своихъ постеляхъ неживыя подобія своего живого облика. И неживыя подобія, смущая обманомъ, омрачали сознаніе сторожившихъ ихъ, заставляли ихъ забывать о живыхъ обликахъ, ушедшихъ въ подземный міръ. — Такъ и неживыя подобія, созданныя разсудочной волей взамѣнъ живыхъ существъ міра, смущая сознаніе схоластической науки, заставляли ее забывать о самой жизни.

Путь схоластическаго догматизма былъ начальнымъ путемъ всѣхъ наукъ современной Европы. Путь схоластическаго догматизма былъ начальнымъ путемъ и науки о музыкѣ.

Но дальнѣйшій путь науки о музыкѣ отклоняется отъ путей другихъ наукъ. Точнѣе, — не отклоняется, но во много разъ удлинняется въ каждой своей части. Настолько удлинняется, что весь видимый исторіи путь ея, вплоть до недавняго прошлаго, является лишь продолженіемъ того же, начальнаго пути. Какъ будто періодъ схоластическаго догматизма для науки о музыкѣ увеличился еще четырьмя вѣками, какъ будто „Возрожденіе“, возродивъ жизнь всего научнаго сознанія современной Европы, не коснулось вовсе сознанія науки о музыкальномъ воплощеніи.

Жизнь самого воплощенія, какъ все живое, неподвластное волѣ разсудка, не подчинилось неподвижности. Но воплощеніе должно было непрестанной борьбой, борьбой за каждое движеніе, создавать себѣ новые пути. Каждый шагъ, каждое мгновеніе озаренія, освѣщающаго все болѣе широкія возможности сознанія, опредѣлялся

мнимой наукой какъ беззаконный поступокъ, какъ нѣчто „ненаучное“, нѣчто такое, съ чѣмъ наукъ „нѣтъ“ причинъ и считается, — созданіе „свободнаго вдохновенія“. Но такъ какъ полнаго соотвѣстствія съ механическимъ идеаломъ схоластики нельзя было найти даже въ старающемся выполнить правила „законности“ музыкальномъ сочиненіи, а въ самомъ дѣлѣ живое, ушедшее впередъ созданіе было полнымъ противорѣчіемъ этому идеалу, то, значитъ, все, что было истиннымъ стилемъ данной, идущей впередъ эпохи, считалось ненаучнымъ съ точки зрѣнія „научнаго знанія“.

У схоластики сохранялась одна возможность не замѣчать неравномѣрности своего движенія съ движеніемъ изучаемой музыкальной жизни: это „слѣдованіе за жизнью“. Были мгновенія особенно яркой жизни, эпохи созданія новаго стиля, когда воплощеніе, ощутивъ явственно на себѣ сѣть механичности, пыталось сбросить ее съ себя, покинуть все, что было механичнаго въ отживающемъ стилѣ, и уйти на поиски новой, полной свободы. Тогда схоластика любовно собирала обрывки сброшенной сѣти, всю механичность оставленнаго стиля, и, признавъ эту механичность новымъ догматомъ, давала ей право законнаго, признаннаго наукой существованія. Такъ именно совершалось „слѣдованіе науки за жизнью“, шествіе ея позади жизни. Музыкальные астрономы схолистическаго періода не могли бы предугадать въ своихъ научныхъ вычисленіяхъ новыхъ, еще невѣдомыхъ звѣздъ, зато они признавали всѣ потухшія звѣзды, — но не раньше момента ихъ смерти въ міровомъ пространствѣ.

Омраченному обманомъ неживыхъ подобій сознанію какъ будто даже и не ощутимо было различіе между живымъ воплощеніемъ и мертвыми обликами. Больше того—схоластика забывала совершенно о самомъ изучаемомъ ею мірѣ, о естественной звуковой-временной жизни.

Схоластикъ показалось бы страннымъ утвержденіе, что и музыка, и всякое звуковое движеніе во времени, и звуковая-временная форма человѣческой рѣчи суть части одного звукового временнаго міра. Музыка, музыкальное сочиненіе, по міропониманію музыкальной схоластики было нѣчто внѣ естественной жизни, внѣ общихъ условій существованія во времени и пространствѣ,—нѣчто до конца внѣ-жизненное и произвольное. Это могъ быть или собственный, непрерывно мѣняющійся, свободный произволъ, или покорность произвольнымъ разсудочнымъ правиламъ. Во второмъ случаѣ невыполнимый идеалъ былъ бы до конца научнымъ сочиненіемъ, въ первомъ случаѣ это было созданіе „свободнаго вдохновенія“. Въ послѣдній періодъ схолистическаго музыкальнаго догматизма „свободное вдохновеніе“ не только не отвергалось, но даже требовалось наукой. Это былъ по-

слѣдній, признанный схоластикой догматъ. Истинно достойнымъ музыкальнымъ сочиненіемъ считалось именно ненаучное, недоступное наукѣ созданіе „вдохновенія“. Принятіемъ этого послѣдняго догмата схоластика довершила кругъ своего пути, включила въ него весь міръ, отдѣливъ на долю науки оправданіа разсудка, а то, что вѣѣ этого (а вѣѣ этого была вся жизнь), оставивъ на долю „сочиненія“.

Такъ было постановлено въ теоріи, но чтобы выполнить такое дѣленіе, приходилось или окончательно создать въ своемъ представленіи особыя, искусственныя, не существующія въ жизни формы сочиненія, презирать „неточность“ воплощенія, или же сознать свое безсиліе и преклониться передъ „непостижимымъ“, „загадочнымъ“. Послѣдніе годы своего существованія схоластика старалась сочетать эти оба пути, т.-е. признавать изучаемый міръ одновременно и „сверхразумнымъ“, недоступнымъ изученію, и „неразумнымъ“, лишеннымъ разумности, и, значить, недостойнымъ изученія. Объединяющей связью было то, что и въ томъ и въ другомъ опредѣленіи схоластическое мышленіе само постановляло рѣшеніе о своей ненужности. Настолько великая создавалась бездна между жизнью и схоластическимъ представленіемъ о жизни въ мірѣ музыки, что наука въ концѣ схоластическаго періода стала открыто жить отдѣльной жизнью, признавая бездну, какъ нѣчто неизбѣжное и естественное, а жизнь воплощенія—стремиться къ тому, чтобы отвергнуть всѣ законы и предаться полному произволу, анархіи.

Имѣя объектомъ своихъ изслѣдованій одни лишь неживыя подобія звукового-временного міра, схоластика естественно могла представлять себѣ звуковую-временную матерію музыки лишь такой, какой она была бы вѣѣ своей собственной жизни. Это былъ рядъ отдѣльных неподвижныхъ точекъ, звуковъ нѣкой высоты и длительности. „Относительная и абсолютная высота, относительная и абсолютная длительность“—вотъ все, что зналъ схоластическій періодъ о составныхъ частяхъ звуковой-временной матеріи. То были мертвыя части мертваго міра, ихъ количество, ихъ соотношенія были произвольны, какъ все произвольно въ произвольно построенномъ разсудочномъ мірѣ. Въ дѣйствіяхъ надъ такимъ объектомъ схоластическому методу было открытъ свободный путь къ механическому воссозданію всей жизни.

Но съ самыхъ первыхъ шаговъ наукъ о музыкѣ приходилось остановиться передъ непреходимой пропастью.—У произвольнаго хаоса ничѣмъ не объединенныхъ, мертвыхъ частицъ звукового-временного міра не было никакой связи, никакой даже аналогіи съ соотношеніями живыхъ частей звуковой-временной матеріи.

Непереходимой преградой стоялъ вопросъ о цѣльности, объ объединеніи звуковыхъ-временныхъ частицъ, о томъ, что сочетаетъ въ одно цѣлое несвязный въ мнимо „научномъ“ представленіи рядъ звуковъ,—т.-е. о ладѣ.

Теоріи греческихъ ладовъ считались священными основами лада. Самые первоначальные неумѣлые пересказы этихъ теорій были канонизованы какъ неумѣнные догматы. Работа дальнѣйшихъ путей была направлена на усилія лишь какъ-нибудь примирить эти догматы съ естественными формами музыкальных воплощеній; но и новыя формулы были иногда не движеніемъ впередъ, а новымъ искаженіемъ. Уйти отъ вопроса о ладѣ не было возможности: этотъ вопросъ былъ слитъ съ самымъ условіемъ существованія музыкальных произведеній, какъ чего-то цѣльнаго, доступнаго музыкальной памяти. Истинно же научныя основы ладового строенія не могли быть найдены въ изслѣдованіяхъ надъ неподвижной матеріей.

Ладъ есть звуковая цѣльность движущагося во времени длительного временного воплощенія. Ладъ есть то, что изъ непрерывно идущихъ „однихъ за другими“ звуковыхъ моментовъ создаетъ единое звуковое воспріятіе, что объединяетъ эти мгновенія въ одинъ, цѣльный, озираемый однимъ взглядомъ звуковой-временной рисунокъ. Ладъ есть схема звуковой жизни, форма научнаго познанія идущей звуковой жизни.—Но, насколько близка, равнозначуща, тождественна эта схема самой жизни, настолько чужда она механическимъ построеніямъ, склеиваніямъ изъ неживыхъ, отвлеченныхъ единицъ, отвлеченныхъ звуковъ, ничѣмъ, кромѣ внѣшняго подобія, не связанныхъ съ живымъ значеніемъ звуковъ въ звуковой жизни. Какъ бы ни были утонченны и сложны эти построенія, между ними и ладомъ навсегда остается та же пропасть, черезъ которую нельзя перейти, не перемѣнивъ исходной точки изслѣдованій.

Одно время всѣмъ казалось, что нашли что-то совершенное, неопровержимо научное въ открытіяхъ физики, начавшей изучать отдѣльные музыкальные звуки и соотношенія отдѣльныхъ музыкальных звуковъ. Наука о музыкѣ ревностно вступила на этотъ новый путь; и тѣмъ легче былъ переходъ, тѣмъ желаннѣе казались эти пути, что они были вполне послѣдовательнымъ продолженіемъ обычнаго схоластическаго метода умерщвленія, отвлеченія отъ жизни ради изслѣдованія. Единственнымъ объектомъ изслѣдованія для физики была звуковая область матеріи (въ томъ видѣ, какъ представляла ее себѣ схоластика, т.-е. въ видѣ смѣшенія звуковъ, опредѣляемыхъ исключительно ихъ абсолютной высотой) въ временного послѣдованія и, значитъ, въ сопоставленій во времени. Уничтожалась цѣльность матеріи: изъ звучащаго времени выдѣлялось одно звучаніе, замкнутое во внѣ-временную неподвижность. Звукъ былъ опредѣленъ, какъ

нѣкая скорость, сила и видъ колебаній произвѣщающаго звукъ тѣла; соотношенія звуковъ—какъ математическія соотношенія колебаній по быстротѣ, силѣ и виду. Сложныя біенія при соотношеніи колебаній—какъ сочетанія диссонирующія, меньшая сложность біеній—какъ сочетанія консонирующія. Это различіе болѣе или менѣе сложныхъ біеній, при соотношеніи колебаній нѣсколькихъ звучащихъ тѣлъ и при соотношеніи различныхъ одновременныхъ колебаній одного тѣла („гармоническіе призвуки“ основного звука),—для науки, не знающей иного значенія звука, какъ только его относительная и абсолютная высота, должно было естественно стать основой всего научнаго міропредставленія. Открытіе это выводило изслѣдователя на безконечный путь сложнѣйшихъ математическихъ исчисленій и самыхъ точныхъ формулъ. Но, въ увлеченіи точными выводами математики, совершенно забывали, что отъ условія біеній и гармоническихъ призвуковъ не было никакого пути къ условіямъ звукового послѣдованія.—Все же надо было имѣть великую вѣру въ безусловную истинность изслѣдованій надъ неподвижной матеріей, чтобы дѣйствительно условія біеній и отсутствія біеній, консонированія и диссонированія, одно изъ условій только созвучанія, одновременно и его сочетанія звуковъ, могло стать единственнымъ основнымъ закономъ въ строеніи временной формы, формы, сущность которой есть время, послѣдованіе во времени.

Какъ бы то ни было, выводомъ было, что періодъ увлеченія физическимъ изслѣдованіемъ звука не создалъ ничего, не сдѣлалъ ни одного шагу впередъ въ области изслѣдованія лада. Ученые XIX-го вѣка, въ теоріи вѣрящіе только математическимъ, точнымъ доказательствамъ, на дѣлѣ оставались тѣми же догматиками, и искаженные подобія греческихъ ладовъ продолжали и въ XIX-мъ вѣкѣ считаться тѣми же непогрѣшимыми догматами, Богомъ установленными основами жизни. Не приходила даже на мысль возможность критическаго изслѣдованія существующихъ ладовъ. Законы строенія лада, элементы его строенія,—все это и въ концѣ XIX-го вѣка казалось непознаваемымъ, непостижимымъ для человѣческаго мышленія.

Само представленіе о ладѣ обратилось въ нѣчто, до конца не похожее на живой обликъ, и великая борьба предстояла будущей наукѣ съ этимъ омрачающимъ сознаніемъ обманнымъ призракомъ. Понятіе о ладѣ—какъ о цѣльности звукового воплощенія, схематически выражаемое въ соотношеніи всѣхъ моментовъ звучанія, обратилось въ представленіи схоластики въ понятіе о „послѣдовательномъ рядѣ звуковъ“, т.-е. схематическое изображеніе понятія стало на мѣсто самого понятія. Такой „послѣдовательный рядъ“ назывался — „гаммой“. „Гамма есть рядъ послѣдовательныхъ звуковъ“—этимъ оканчивались всѣ общія опредѣленія схолистическаго періода о томъ что замѣняло для него понятіе о ладѣ.

Именно „последовательность“ звуковъ, „ступеней“ по терминологіи схоластики, и рамки послѣдованія, начальный и конечный звукъ, были основнымъ и единственнымъ опредѣленіемъ гаммы. Начальный звукъ, „первая ступень“, считался важнѣйшимъ, исходнымъ, единственнымъ, выполняющимъ условія тоники. Эти опредѣленія заключали въ себѣ именно то, что противорѣчило научному познанію о ладѣ, — ибо научная ладовая схема образуется изъ соотношеній каждаго момента звучанія съ каждымъ изъ всѣхъ остальныхъ моментовъ, этой полнотой соотношенія со всѣми выражая цѣльность музыкальнаго произведенія; соотношенія лада нисколько не зависятъ отъ порядка, отъ послѣдовательности по высотѣ, въ нихъ нѣтъ ни перваго, ни послѣдняго звука, ибо всѣ звуки лада имѣютъ значеніе лишь въ цѣломъ, ибо лишь цѣльность, общность объединяетъ ихъ въ одно.

И наоборотъ, — все, что относится къ сущности научныхъ познаній о ладѣ, не входило, или почти не входило въ область познанія о „гаммѣ“. Значеніе всѣхъ отдѣльныхъ соотношеній лада, или, на языкѣ схоластики, „ступеней гаммы“, связь этихъ отдѣльныхъ соотношеній между собою — все это не приходило даже на мысль изслѣдовать. — Да вѣдь это разрушило бы мертвую неподвижность послѣдовательнаго ряда „гаммы“, столь удачно замѣнившей недоступную, неуловимую подвижность лада! Что бы стало съ ея „порядкомъ ступеней“, если бы оказалось, какъ это есть на самомъ дѣлѣ, что онъ не только не соответствуетъ, но рѣзко противорѣчитъ естественному стремленію звуковъ лада? Что бы стало съ догматомъ „единой основы“, „первой ступени“, если бы найдены были другіе „основныя“, по терминологіи схоластики, звуки лада?

Неживое подобіе гаммы, въ видѣ послѣдовательнаго ряда звуковъ, было не только теоретической формулой, — считалось возможнымъ, необходимымъ, и практическое выполненіе этой формулы въ практическихъ музыкальныхъ упражненіяхъ. Она казалась самымъ совершеннымъ упражненіемъ для изученія лада. Пѣніе „гаммъ“, исполненіе гаммъ на инструментахъ занимало значительную область практическихъ занятій. Не только „теоретическое“ сознаніе должно было примириться съ этимъ неживымъ подобіемъ лада, но и безсознательное чувство и чувство слуха заставляли принять эту столь чуждую, противорѣчащую ладовымъ стремленіямъ звуковъ послѣдовательность. И гаммообразная послѣдовательность, ставшая пріемомъ музыкальнаго воспитанія съ самыхъ первыхъ его шаговъ, настолько омрачала сознаніе воспитанниковъ схоластики, что для цѣлой исторической эпохи эта послѣдовательность стала не только обычной формой изложенія, но даже основой мелодій. Статистическія изслѣдованія музыкальныхъ сочиненій той эпохи дали бы ана-

чительное число такихъ неестественныхъ, противоестественныхъ мелодическихъ построений у недостаточно сильныхъ, чтобы противостоятъ „теоріи“, композиторовъ.

На основѣ такого именно понятія о ладѣ, о ладѣ-„гаммѣ“, строились формулы ладовъ на протяжении всей схоластической эпохи, отъ самыхъ первыхъ попытокъ „пересказа“, до позднѣйшихъ, самоутвержденныхъ и „научно-доказанныхъ“ формулъ.

Догматъ, по которому послѣдній звукъ напѣва долженъ былъ быть непременно финальнымъ звукомъ гаммы, удовлетворять условіямъ „тоники“, заставилъ построить рядъ различныхъ гаммъ изъ одного лада въ зависимости отъ различныхъ его положеній въ напѣвѣ. Но такъ какъ, тѣмъ не менѣе, не мыслимо было послѣднему звуку каждаго напѣва выполнять условія „тоники“,—къ этому не могла принудить и схоластическая разсудочная воля,—то, изъ попытокъ исправить это недоразумѣніе, создались измѣненія звуковъ лада въ „каденціяхъ“. Таково происхожденіе этихъ, такъ называемыхъ теперь „церковныхъ“ ладовъ съ „церковными каденціями“, перешедшихъ ради непреложности догмата и до XIX-го вѣка въ качествѣ устарѣлыхъ, но неизмѣнно истинныхъ, даже достойныхъ возрожденія „церковныхъ гаммъ“.

Они считались родоначальниками двухъ „новыхъ ладовъ“, догматическихъ мажора и минора. Полагалось, что два церковныхъ лада, іонійскій и эолійскій, утвердили свое преимущество надъ другими церковными ладами, и изъ нихъ создались два навсегда уже непреложныхъ лада, которыми, по понятію схоластики, навсегда замыкались пути развитія лада, и дальнѣйшій путь изъ которыхъ могъ быть,—какъ говорили стремящіеся заглянуть впередъ теоретическія сочиненія,—лишь совершеннымъ уничтоженіемъ лада, „омнитональностью“, выходомъ къ музыкѣ въѣ лада. — Такимъ образомъ, схоластика сознательно лишала себя возможности изслѣдовать и познавать великое разнообразіе ладовъ свободного звукового-временного воплощенія.

Отвлеченная теорія утверждала существованіе именно двухъ ладовъ, двухъ „гаммъ“, долженствующихъ выражать собою два жизненныхъ начала, но на дѣлѣ оказывалось, что „минорная гамма“, по представленію схоластики, „производится отъ мажорной“.—Какъ могъ одинъ ладъ производиться отъ другого, понятно только схоластическому мышленію.—Но дѣйствительно, то, что зная схоластическій періодъ подъ именемъ минорной гаммы, было, совершенно не сходное съ истиннымъ представленіемъ о минорномъ ладѣ, нѣкое производное построеніе отъ мажора, по опредѣленному канону искаженный мажоръ. Даже объясненія о причинахъ „повышенія“ ступеней минора были таковы: „чтобы миноръ былъ болѣе похожъ на мажор“, „потому что такъ обычно въ мажорѣ“.

То, что звалъ схоластическій періодъ подъ именемъ мажорной гаммы, за неживымъ подобіемъ гаммы скрывало вѣрную формулу живого лада.—Правда, это былъ лишь одинъ изъ неполныхъ видовъ мажора, натуральный мажоръ, въ которомъ стерты нѣкоторые яркія очертанія; сдѣлать на основѣ знанія лишь объ одномъ такомъ неполномъ ладѣ какія-нибудь заключенія о строеніи лада вообще было бы дѣйствительно трудно.—И дѣйствительно, схоластика не сумѣла воспользоваться единственной вѣрной формулой, которою владела.

Періодъ увлеченія математическими вѣщеніями звуковыхъ соотношеній совершенно заградилъ научному знанію о ладѣ путь за предѣлы необоснованнаго догмата, направивъ изслѣдованія о ладѣ въ сторону тѣхъ же внѣ-ладовыхъ измѣреній.

Строеніе лада, схема временныхъ соотношеній, опредѣлялась на основѣ тѣхъ же звуковыхъ смѣшеній, отвлеченныхъ отъ времени, отъ сопоставленій во времени. Предстояло искусственно воссоздать ладъ, внѣ ладового значенія звуковыхъ движеній, исходя изъ произвольно принятыхъ математическихъ соотношеній. Предстояло, слѣдовательно, доказать, что самое „простое“ соотношение, соотношение чистой октавы, было самой первой основой въ строеніи лада, слѣдующее по простотѣ, чистая квинта, второй и т. д.; — таковъ былъ бы вполне послѣдовательный математическій путь.—Но что было дѣлать, если эти построенія до конца противорѣчили существующимъ примѣрамъ первоначальныхъ ладовъ? Какъ объяснить примѣры безыскусственныхъ ладовъ въ народныхъ пѣнкахъ всѣхъ странъ, соотношенія между звуками которыхъ были бы рѣзкіе диссонансы, если бы они звучали одновременно? Гдѣ было найти примѣры первоначальныхъ ладовъ съ соотношеніями нѣсколькихъ звуковъ на чистыхъ октавахъ и квинтахъ?

Самымъ первоначальнымъ ладомъ, первоосновою всѣхъ ладовъ признавался нѣкій четырехъзвучный „гармоническій“ (!) звукорядъ, изъ двухъ соотношеній на чистую квинту отъ одного звука на различныхъ высотахъ, напр., $mi-si$, $la-mi$; $mi-la-si-mi$. Но сами же теоретики должны были здѣсь же разъяснять, что, правда, этотъ первоначальный ладъ „не имѣетъ мелодическаго значенія“. Для доказательства же его подлиннаго, историческаго бытія добавляли свидѣтельство Боэція, что такъ именно настраивалъ свою лиру „миѣическій пѣвецъ Орфей“.—Но неужели же они вмѣстѣ со схоластомъ Боэціемъ вѣрили, что музыка Орфея была лишена мелодическаго значенія?

Какъ бы то ни было, считалось доказаннымъ, что „важнѣйшими“ ступенями лада, на основаніи авторитетнаго свидѣтельства Боэція, должны считаться ступени на чистую квинту вверхъ и внизъ отъ „тоники“. Что же изъ того, что нельзя было найти другихъ при-

мѣровъ, кромѣ недошедшихъ до насъ мелодій „мнѣйческаго пѣвца Орфея“? Появленіе остальныхъ ступеней объясняли, какъ просто случайныхъ, добавочныхъ, — „мелодическихъ“, понимая мелодію, какъ нѣчто, лишь украшающее сущность октавныхъ и квинтовыхъ скачковъ.

Такимъ фантастическимъ объясненіемъ о происхожденіи мажорнаго лада схоластическая мысль не только вполне удовлетворялась, но даже считала это объясненіе одновременно доказательствомъ и обратнаго положенія, т.-е. того, что иного строенія лада и не можетъ быть. А чтобы оправдать это обратное положеніе, схоластика признала одну—очень странную для современнаго пониманія—возможность, возможность „измѣненія“, „повышенія“ и „пониженія“, звуковъ единаго лада. „Это та-же самая, только повышенная или пониженная ступень“, объясняла схоластика.—Какъ замѣна одного звука другимъ, на другой высотѣ, могла оставить его тѣмъ же самымъ, той же ступенью, — это было тайной, вѣдомой только схоластикѣ.

Такимъ образомъ, производился миноръ отъ мажора, „оставался тотъ же звукорядъ, только гамма начиналась отъ другой тоникки и измѣнялись нѣкоторыя ступени“; такъ же объяснялись всѣ звукоряды, не входившіе въ границы догматическихъ мажора и минора. Если значеніе ступеней въ ладахъ, объясняемыхъ какъ „измѣненія“ мажора и минора, и не соответствовали значенію ступеней мажора и минора, то вѣдь это не замѣчалось, ибо схоластика и не знала значенія ступеней въ своихъ догматическихъ ладахъ.

Звукоряды мажора или минора съ произвольно измѣненными ступенями могли бы при смѣлости вмѣстить въ себя всѣ, какіе только могли быть построены въ темперованномъ строѣ звукоряды, вплоть до внѣ-ладового хроматическаго. И наука въ самомъ дѣлѣ серьезно считала хроматическій звукорядъ, звукорядъ 12-ти звуковъ, также измѣненіемъ мажора или минора. По ея представленію, существовало два хроматическихъ звукоряда, мажорный и минорный, различавшіеся другъ отъ друга—„правописаніемъ“! Довольно представить себѣ то, что ладъ съ такими характерными особенностями, какъ увеличенный, явно 9-ти звучный, тоже удавалось вмѣстить въ рамки догматическихъ 7-ми звучныхъ звукорядовъ, объяснять его „хроматическими измѣненіями“, и даже до того быть увѣреннымъ въ этомъ, что само тоническое созвучіе этого лада, такъ разработаннаго уже въ XIX-мъ вѣкѣ, считать „диссонирующимъ“.

А если бы кому-нибудь въ схоластическую эпоху пришло на мысль сдѣлать безумную гипотезу о существованіи другихъ ладовъ, кромѣ догматическихъ, то несомѣнно, что сама эта гипотеза была бы сочтена утопической. Да исторія догматическаго періода

и не знаетъ такихъ попытокъ. Единственно, что можетъ быть въ ней упомянуто, это сочиненіе Листа о венгерской гаммѣ, т. е. о томъ же увеличенномъ ладѣ. Но, если бы даже наука обратила серьезное вниманіе на это сочиненіе, то все же вѣдь это отнесли бы лишь къ области „этнографіи“, народныхъ напѣвовъ, — нельзя же было не признать, что они и никогда не выполняли догматовъ науки! Въ творчествѣ авторовъ это все могло быть лишь этнографическими вставками, мѣстами, поставленными въ ковычкахъ. — За всѣми этими соображеніями даже не замѣтили, какъ уже совершенно стали исчезать изъ жизни догматическіе мажоръ и миноръ, какъ стали даже набѣгать ихъ, считая чѣмъ-то старомоднымъ.

Жизнь воплощеній, идя впередъ, уходила къ новымъ, яркимъ и сложнымъ ладамъ. Уже XIX-ый вѣкъ въ созданіяхъ своихъ лучшихъ творцовъ далъ необычайно точные и ясные примѣры новыхъ, лишь теперь намъ понятныхъ, но совершенно непонятыхъ современниками ладовъ. Такіе примѣры, слишкомъ необычайные, чтобы объяснить ихъ измѣненіями мажора или минора, были для схоластической теории музыкой внѣ лада, „внѣ тональности“. Это выраженіе стало научно признаннымъ словомъ. — Какъ будто можетъ въ какомъ бы то ни было мірѣ существовать что-нибудь внѣ эпоса воспріятія его! Теоретики говорили даже о томъ, что строеніе музыкальныхъ произведеній на тоновой основѣ осталось историческимъ прошлымъ, и что современность ушла къ построеніямъ внѣ тональности, на основѣ лишь математическихъ законовъ движенія по хроматической гаммѣ. Механическому міровоззрѣнію казалось возможнымъ движеніе голоса, жизнь мелодіи, внѣ жизненныхъ условий движенія, ходы голоса внѣ значенія этихъ ходовъ, на основѣ одной лишь математической мѣры ихъ. Такой анархическій исходъ къ беззаконію считался все же скорѣе допустимымъ, чѣмъ возможность измѣненія закона, догмата. Въ этой области теорія была непреклонна.

Зато опредѣленное движеніе въ концѣ схоластическаго періода поднималось за сознательную, намѣренную анархію. Стремленія тѣхъ, кто ощущалъ, можетъ быть, безсознательно возможности иныхъ, не признанныхъ догматовъ ладовъ, но не владѣлъ достаточной силой, чтобы также безсознательно и создать, безъ помощи науки, новые ладовые пути, — были направлены лишь на разрушеніе лада, на искусственные попытки создавать музыку внѣ лада (таково было напримѣръ, изобрѣтеніе тоновой, „большесекундной“, гаммы).

Существовало, впрочемъ, нѣчто, отъ чего не могли отступить самые убѣжденные анархисты, — это была исторически сложившаяся звуковая система музыки, существующій словарь, фонетика музыкальной рѣчи, совершенно застывшая и не допускающая дальнѣйшаго

развитія. Эпоха полнаго окаменѣнія звуковой системы совпадаетъ съ эпохой развитія клавишныхъ инструментовъ. Высота звуковыхъ точекъ застыла въ неизмѣнности звучащихъ только однимъ звукомъ струнъ. Отсюда естествененъ и неизбеженъ былъ путь къ равномерной темперациіи всей звуковой системы и строя инструментовъ. Что же было иначе сдѣлать наукѣ, не знающей ничего о ладовыхъ соотношеніяхъ, какъ не сравнять всѣ соотношенія? Это были еще наилучшій исходъ въ виду невозможности истиннаго ладового строя,—недаромъ сторонниками его въ свое время были такіе люди, какъ Себастьянъ Бахъ.

Темперациа въ прямолинейномъ, безусловномъ признаніи была бы именно выходомъ къ виѣ-ладовой анархіи. Въ современномъ же, научномъ пониманіи темперациа есть подведеніе естественныхъ отношеній къ математически приближеннымъ. Темперациа искажаетъ, механизмируетъ естественную музыкальную рѣчь, лишаетъ ее тонкихъ различій, но все же оставляетъ возможность за приближеніемъ угадывать истинную соразмѣрность движеній, сохранять, хотя и въ приближеніяхъ, подобія естественныхъ отношеній. Темперациа, уравнивая отношенія, обезличивъ ихъ, сдѣлала ихъ безразличными для всѣхъ теоретическихъ построеній, удалила ихъ равно и отъ естественныхъ ладовыхъ соотношеній, и отъ искусственныхъ, разсудочныхъ „повышеній“ и „пониженій“. Исправленіе темперованнаго строя въ наше время, если бы оно было совершено, было бы совершено ради уничтоженія механизации и ограниченія, ради созданія точныхъ ладовыхъ движеній.—Но совершенно не тѣ способы и не тѣ поводы борьбы были у теоретиковъ схоластическаго періода.

Вѣдь только 7 звуковъ, 7 ступеней единого мажорнаго лада имѣли право на самостоятельное существованіе! Вѣдь вина темперациі въ томъ и заключалась, что она захотѣла беззаконно уравнивать „измѣненные“ звуки съ „простыми“, основными („простые“ и „измѣненные“ звуки—это были обычные въ схоластическое время термины). Правда, схоластика знала, что темперациа давала возможность сопоставить всѣ 12 высотъ, 12 тональностей, знала въ теоріи, что во всѣхъ тональностяхъ, кромѣ одной, „измѣненные“ звуки являются основными, „не измѣненными“ ступенями (даже построила на основѣ этого свой темперованный квинтовый кругъ, установивъ правила родства для тональностей не по условіямъ ихъ ладовой близости, а по числу „измѣненныхъ“ звуковъ), знала и то, что 7 самостоятельныхъ названій закрѣплены только за одною тональностью, „до мажоръ“, — но гдѣ-то въ глубинѣ теоретическаго сознанія таилось убѣжденіе, что только эта-то одна тональность, „до мажоръ“ и была единственной основной! Давно забытыя времена Гвидо д' Арещо были еще живы въ неизмѣнности догмата; еще сохранялась неизмѣнная

вѣра, что въ первыхъ звукахъ каждой строчки гимна св. Іоанну заключено все, что есть у насъ основного, остальное же — только „видоизмѣненія“ простыхъ величинъ, хроматическіе „полутоны“, заполняющіе 5 промежутковъ между простыми звуками, измѣненія, въ которыя не слѣдуетъ слишкомъ вникать. Новаторы-теоретики считали главной неточностью темперованнаго строя именно то, что въ немъ нельзя было обозначить, является ли данный звукъ „повышеніемъ“ одного или „пониженіемъ“ другого звука. Создался даже терминъ для опредѣленія различія между двумя производными названіями „хроматическаго“ звука, — „комма“; и величина коммы стала съ момента ея открытія новой произвольной единицей для математическихъ исчисленій.

Схоластическая мысль чувствовала себя привольно въ этой спутанности и произвольности понятій. Это былъ до конца доступный ей объектъ, объектъ, вполне отвлеченный отъ жизни.

Итакъ, даже 12-ти-звучная звуковая система должна была служить подтвержденіемъ догмату единого 7-ми-звучнаго лада. Но какой же выводъ могъ быть сдѣланъ изъ этого столь упорно утверждаемаго догмата семизвучія? Какъ было съ его помощью опредѣлить условія движенія въ его же предѣлахъ? Какъ вообще можно было бы опредѣлить условія движенія въ „последовательномъ рядѣ звуковъ“, изъ которыхъ ни одинъ не отличался отъ другого иначе какъ по порядку высоты, что нисколько не опредѣляло его значенія?

Ранній схоластическій періодъ дѣлалъ нѣкоторыя попытки, основываясь на безсознательномъ ощущеніи, опредѣлить значеніе звуковъ въ признаваемыхъ имъ ладахъ. Знанія его заключались въ опредѣленіи „нижняго вводнаго тона“ мажорнаго и всѣхъ уподобляемыхъ мажорному церковныхъ ладовъ и стремленія этого вводнаго тона къ единственному звуку, которому подобало выполнять условія тоники. Безсознательно стараясь найти неустой симметричный нижнему вводному тону, дали послѣ ряда колебаній названіе верхняго вводнаго тона другой сосѣдней съ тоникой ступени, ошибочно опредѣливъ стремленіе этого субдоминантоваго звука какъ нисходящее. — Но этому ошибочному опредѣленію вѣрили настолько, что даже въ началѣ XX - го вѣка издатели считали себя иногда въ правѣ исправлять сочиненія классическихъ авторовъ, если тѣ вѣрно ощущали направленіе этого стремленія вверхъ. — Ладовое значеніе остальныхъ ступеней не было никогда опредѣлено. Самыя названія нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ медианта или субмедианта, отсутствіемъ значенія указывали на случайное, внѣшнее, представленіе о нихъ. А позднѣйшій схоластическій періодъ даже и не дѣлалъ попытокъ дальнѣйшихъ опредѣленій, да и эти-то опредѣленія

хранилъ лишь ради вѣры въ непреложность преданій старины. Его „научный“ методъ увлекалъ его на совершенно иные пути.

Научный методъ былъ до конца послѣдователенъ. Научное изслѣдованіе по его представленію могло совершаться только на основѣ внѣвременныхъ звуковыхъ смѣшеній. Значитъ, — и условія временнаго движенія должны совершаться на условіи тѣхъ же отвлеченныхъ отъ времени звуковыхъ смѣшеній.

Замѣчательно, что въ позднѣйшій схоластическій періодъ не появлялось вовсе теоретическихъ сочиненій о построеніи мелодій внѣ условій ея гармонизаціи. Именно построеніе мелодій было для науки тѣмъ самымъ „непостижимымъ“, „загадочнымъ“, „сверхъразумнымъ“, тѣмъ созданіемъ „вдохновенія“, передъ которымъ можно было только преклоняться, но не изслѣдовать научно. Вотъ смѣшеніе звуковъ, созвучіе, — это было доступно теоріи! Поэтому можно учить и изслѣдовать „гармонію“, но нельзя теоріи, — „недостойному сознанію“, касаться божественной мелодіи. Въ послѣднее время схоластическаго періода слышались среди ученыхъ даже рѣчи о томъ, что прошло время, когда создавались новыя мелодіи, настало время созданія гармоніи, созвучій. При этомъ какъ-то совершенно непостижимо понимали подъ именемъ гармоніи не движеніе созвучій, — которое не могло бы быть ничѣмъ инымъ, какъ движеніемъ нѣсколькихъ мелодій —, а отдѣльныя созвучія, т.-е. представляли себѣ цѣнность звукового рисунка въ яркости красокъ отдѣльныхъ точекъ, не обращая вниманія, и даже забывая, о соотношеніяхъ красочныхъ тоновъ. Самыя цѣнныя мелодическія и гармоническія сочетанія, создающія уточненнѣйшіе рисунки въ сложнѣйшихъ ладахъ, не были бы сочтены чѣмъ-то достойнымъ вниманія, если отдѣльныя точки рисунка, отдѣльные моменты звуковыхъ смѣшеній, не выдѣлялись своей необычностью и неожиданностью. Зато, наоборотъ, даже за совершенно не цѣнными формами рисунка признавалась цѣнность, если въ нихъ было „гармоническое разнообразіе“, т.-е. если отдѣльныя точки выдѣлялись своей яркостью. Не созвучіе было выводомъ изъ сочетанія мелодій, какъ мы это понимаемъ теперь, но, наоборотъ, мелодія должна была, по требованію схоластики, создаваться на основѣ многозвучныхъ сочетаній, „могущихъ быть построенными“ къ каждому тону мелодіи.

Существовали періоды увлеченія тѣмъ или другимъ созвучіемъ, причѣмъ увлекались имъ, совершенно не заботясь, да и не зная, о его ладовомъ значеніи. Былъ періодъ увлеченія уменьшеннымъ септ-аккордомъ, малымъ нонаккордомъ, нонаккордомъ съ „повышенной“ квинтой, созвучіемъ тоновой гаммы, и многими другими въ свое время модными красками. Звуки или „тоны“ мелодій, не заключающіе въ потенціи созвучія, считались не основными звуками, „мело-

дическими", а не "гармоническими" (а подъ словомъ "мелодическіе" звуки схоластика разумѣла — не значительные, не существенные, „украшенія", „проходящіе", „вспомогательные", — такъ называли ихъ въ учебникахъ гармоніи, этими терминами доказывая, что признаніе божественной сущности за мелодіей давно поблѣднѣло передъ признаніемъ высшей истинности за отдѣльными мгновеніями звуковыхъ смѣшеній, вѣ звукового движенія).

Если уже мелодія должна была опредѣляться созвучіями, вполне понятно, что и схема мелодическаго движенія, — ладь также долженъ былъ выражаться созвучіями, „могущими быть построенными къ его ступенямъ".

Схоластика разъясняла, что первоосновой мажорнаго и минорнаго лада являются ихъ тоническія трезвучія, ибо они построены отъ признанной догматомъ тоники, на научной основѣ консонирования терцій и квинты, ближайшихъ оберъ, или въ минорѣ унтеръ-тоновъ; только эти три звука лада были существенными, остальные же были проходящими, „мелодическими". — Еще болѣе понятно теперь, почему закрылся окончательно путь къ пониманію ладовыхъ движеній. Считаая первоосновой, началомъ, — тонику, покой, схоластическая мысль и не имѣла нужды въ движеніи, со спокойнаго сердца могла признать то, что обуславливаетъ движеніе, стремленіе къ самой этой тоникѣ, несущественными частями лада.

„По образцу" тоническаго трезвучія строились два другія, „основныя" созвучія лада, тѣ единственныя изъ всѣхъ доминантовыхъ и субдоминантовыхъ созвучій мажорнаго лада, которымъ были присвоены эти названія, субдоминанты и доминанты. Самое невѣроятное было то, что понятія субдоминанты и доминанты перенесли на основной тонъ этихъ трезвучій, — конечно, на основѣ той же теоріи, что созвучіе опредѣляетъ значеніе звука. Не приходило даже на мысль провѣрить, какимъ же образомъ называемая доминантой и опредѣляющая значеніе доминанты V-ая ступень мажорнаго лада входила въ составъ тоническаго трезвучія, нисколько не придавая ему доминантоваго характера; или же какъ называемая субдоминантой и опредѣляющая значеніе субдоминанты IV-ая ступень могла быть необходимой частью доминантаккорда, частью, выражающей его истинный характеръ.

Затѣмъ, по тому же образцу, строились трезвучія на всѣхъ остальныхъ „ступеняхъ" „гаммы". Терцовое строеніе признавалось единственно истиннымъ для всѣхъ созвучій вообще; иначе построенныя созвучія, какъ бы ни были они обычны и естественны, относились теоріей къ „случайнымъ сочетаніямъ".

Система строенія ладовыхъ созвучій не изъ сочетанія опредѣленныхъ ладовыхъ звуковъ, а „отъ каждой ступени гаммы", была вы-

водомъ изъ того же, основного искаженія лада въ „гамму“.—Почему бы всѣмъ звукамъ „последовательнаго ряда“ и не выполнять одинаковаго назначенія, если различія между ними по значенію не существовало?—И дѣйствительно, секвенціи, перемѣщеніе созвучій на „другія ступени“, безъ вниманія къ полной перемѣнѣ ихъ значенія, были такимъ же обычнымъ, и столь же искажающимъ пониманіе и слухъ, воспитательнымъ приѣмомъ при изученіи гармоніи, какъ и тѣнны гаммы при изученіи мажорнаго и минорнаго лада.

Но что бы иное и могла узнать схоластика о движеніи въ ладѣ, когда для нея оставалась закрытой сама область движенія? Въ этой области звучаніе и время сливались въ одну недѣлимую матерію, звучаніе было видимыми линіями временныхъ контуровъ,—для схоластики же время и звучаніе существовали только въ отвлеченіи другъ отъ друга.

Звуковая область при отвлеченіи ея отъ времени давала хотя бы условія бѣній при созвучаніи, условія консонирования и диссонирования. Временная же область, отвлеченная отъ звучанія, т.е. лишенная своей осязаемости для слуха, превращалась въ область формъ, не доступныхъ ни зрѣнію, ни осязанію, — въ нѣчто совершенно не реальное. Это была до конца отвлеченная математическая величина, для измѣренія которой можно было избрать какую угодно единицу, и изъ этой единицы строить какіи угодно сочетанія. Не существовало даже освященнаго преданіемъ догмата, который могъ бы сдерживать произвольность механичности! — Схоластика обратилась къ единственному спасенію, къ періодичности, признала единственнымъ условіемъ временнаго строенія для музыкальнаго сочиненія равнодлительность всѣхъ его частей.

„Музыкальные организмы должны быть построены изъ равныхъ по величинѣ частей, всякое отступленіе отъ этого есть неправильность—формы“. По истинѣ изумительны были бы эти организмы, если бы хоть одному автору удалось создать такое „научное“ равнодѣлимое существо! Но этотъ догматъ равнодлительности приходилось нарушать авторамъ всѣхъ историческихъ эпохъ; идеала не удалось достичь ни одному, хотя всѣ старались выполнить его въ условномъ нотописаніи, противорѣча собственному ритмическому рисунку.

Дѣленіе на равныя части обозначалось дѣленіемъ на „такты“.—Того опредѣленія тактовой черты, какое дала ей современная наука, т.е. момента, обозначающаго ядро музыкальнаго слова, опредѣляющаго его цѣльность, вовсе не существовало въ схоластическій періодъ. Онъ зналъ не тактовую черту, а именно „такты“, промежутки между тактовыми чертами, „участки“, на которые „должно“ дѣлиться музыкальное произведеніе. Такты были рамками музы-

кального рисунка;—какъ если бы пространство, въ которомъ онъ движется, было раздѣлено на клѣточки, какъ бумага, на которой дѣти рисуютъ свои первые рисунки. Каждая клѣточка, тактъ, заключала въ себѣ равное число долей; онѣ были въ свою очередь клѣточками, „подъ участками“ главныхъ участковъ. Такъ называемыя „ритмическія“ упражненія въ ясномъ дѣленіи на такты и доли, и теоретическія и практическія, считались столь же необходимымъ воспитательнымъ средствомъ, — средствомъ до конца истребить ощущение ритмическаго рисунка,—какъ въ звуковой области пѣніе и исполненіе „гаммъ“ и секвенцій. Даже въ началѣ современнаго научнаго періода, когда наука стала пытаться изслѣдовать звучащую временную форму, когда писались научныя сочиненія о симметріи формы, симметрію смѣшивали съ той же періодичностью, и все такъ же вѣрили, что музыкальная рѣчь дѣлится на части не по словамъ, не отъ начала до конца слова, но отъ ударяемаго слога одного слова до ударяемаго слога другого. Все еще ямбовъ не могли отличить отъ хореевъ, анапестовъ и амфибрахіевъ отъ дактилей.

Анархисты же этой области старались какъ можно болѣе спутанно смѣшивать хорей и дактили, но отвѣщаться на ямбы и анапесты, переступить само „тактовое“ строеніе все еще не рѣшались.

Что же могла знать схоластика о движеніи въ ладѣ, о формѣ?

Единственное, что умѣло различить зрѣніе схоластики, были границы, начало и конецъ, формы. Долгое время существовалъ догматъ обязательнаго тоническаго созвучія въ началѣ и концѣ сочиненія,—позднѣе только въ концѣ. Попытки переступить эти требованія, дѣлать окончаніе не на тонику, — то, что такъ обычно въ безмысленныхъ, не знающихъ о схоластикѣ и ея догматахъ, народныхъ пѣсняхъ,—казались ужасной, гибельной революціей.

Очертанія границъ большихъ частичныхъ формъ носили названіе „каденцій“. Все, что совершалось внутри такой формы, до каденціи, было предоставлено исключительно „свободному чувству“. Не существовало ни условій движенія мелодіи, ни условій сочетанія созвучій. О сопоставленіи тональностей упоминалось лишь по отношенію къ „модуляціи“, моменту перехода, но не къ значенію сопоставленія. О соотношеніи большихъ частей формы, объ условіяхъ цѣльности формы не говорилось вовсе.

Зато существовали строгія правила „голосоведенія“, разумѣется, внѣ-ладового, опредѣляемаго употребленіемъ интерваловъ, а не ладовыхъ звуковъ.—Кто не помнитъ борьбы за употребленіе параллельныхъ квинтъ, когда „свободомыслящіе“ старались какъ можно съ большимъ вызовомъ использовать это, иногда необычное въ натуральномъ мажорѣ, но въ другихъ ладахъ вполне обычное и естественное послѣдованіе?

Дѣйствительно, область движенія, самого теченія звуковой-временной жизни для схоластическаго метода была закрыта, замкнута навсегда, и онъ даже не считалъ себя въ правѣ пытаться разрушить эту замкнутость.

Жизнь воплощенія стремилась все къ болѣе точной передачѣ движенія мысли. Каждый стиль пытался, какъ можно тожественнѣе, запечатлѣть цѣльность одного недѣлимаго мгновенія въ цѣльности движущейся формы; каждый стремился найти до конца тожественную мгновенію мысли длительную форму. Одинъ стиль становился на мѣсто другого, въ качествѣ новой, кажущейся совершенной, свободы, изгоняя прежнюю механичность.

Но „наука“ не знала участія въ этихъ попыткахъ. Вѣдь каждый стиль, погибая, отдавалъ ей то механическое, ради чего онъ погибалъ. И „наука“, владѣя этимъ царствомъ отвергнутыхъ формъ механичности, могла съ увѣренностью утверждать, что живыхъ формъ движенія и не существуетъ для „научнаго познанія“. Ея, „научныя“ формы были никогда не существовавшія, — да и не могущія никогда существовать въ движеніи, пустыя механическія оболочки всѣхъ прошлыхъ стилей, всѣхъ догматическихъ формъ строенія.

Такъ—полифоническій стиль, оставшійся въ исторіи памятникомъ одной изъ величайшихъ попытокъ воплотить многообразную непрерывность движенія мысли, отдалъ „наукѣ“ лишь то, что было его безуміемъ: искусственность въ непрерывности движенія, страхъ передъ частичными завершеніями формы, неумѣнье перехода къ новымъ движеніямъ, не прерывая движенія общей мысли, неумѣнье сочетать одновременно различныя формы движенія. Все это было канонизовано въ изученіи формъ движенія, голосоведенія; канонъ требовалъ именно такого движенія, ставя цѣлью самое искусственность непрерывности и однообразіе.

Такъ—первыя попытки новаго, смѣнившаго полифоническій, „гомофоннаго“ стиля, силой реакціи противъ прежней непрерывности увлеченнаго на путь мелкихъ, раздробленныхъ, часто не объединенныхъ въ цѣломъ формъ, стали примѣромъ для всѣхъ упражненій въ формѣ, отдѣленныхъ отъ упражненій въ голосоведеніи.

Но современный, еще не нашедшій себѣ замѣстителя, стиль изложенія фона, сопровожденія, сочетанія основныхъ линій со сложными рисунками фона, — ради того самаго, что еще не выдѣлилась его механичность, не замѣнилась еще новой, невѣдомой свободой, не вошелъ вовсе въ систему упражненій. И наука о музыкѣ еще не знаетъ отдѣла—формъ изложенія.

Механичность и догматичность всѣхъ формъ и стилей, отвергнутыхъ ради стремленія къ новымъ, совершеннымъ, свободнымъ, то-

жественнымъ самому движенію мысли, формамъ,—были отданы недвижному мертвому царству „теорій“.

Схоластика вѣрила только прошедшему, отжившему, отвергая настоящее, и не зная, что, кромѣ прошедшаго и настоящаго, возможно еще и будущее.

II.

Пути схоластическаго догматизма длятся до того мгновенія, пока не откроется раньше невидимый, свободный путь познанія, не только не отдѣлимаго отъ бессознательныхъ стремленій, но исходящаго изъ нихъ, выражающаго ихъ собою. И всегда необычайно простъ этотъ путь, и всегда кажется, будто изъ вѣка стояли на немъ же, только что-то мѣшало сознать его. И даже забывается недавнее, мертвенное прошлое.

Первое, что стало яснымъ для освобожденнаго зрѣнія сознанія,—это жизненная сила того, что воплощаетъ, жизненная сила звуковой-временной матеріи. Мгновенно исчезла всякая возможность произвола, беззаконія, механичности; мгновенно сознали свое безсиліе всѣ разсудочные замыслы. Жизненная основа была закономъ, которому не надо было искать защиты ни въ произволѣ, ни въ догматахъ преданія, ибо такой законъ былъ простымъ видѣніемъ сознанія; сознанію не надо было для самого себя искать доказательствъ тому, что оно видѣло своимъ собственнымъ зрѣніемъ, тому, что оно видѣло жизнь въ живомъ мірѣ.

Наука о музыкѣ опредѣлила эту жизненную силу, какъ силу движенія, непрерывнаго устремленія впередъ, во времени и въ пространствѣ звуковой высоты, каждаго атома звуковой-временной матеріи.—Полнота жизни матеріи въ непрерывности ея движенія, безъ завершения, безъ намѣченной точки покоя. Только стремленіе къ устойчивости, только тяготѣніе, безъ абсолютной устойчивости,—таковъ жизненный законъ музыкальной матеріи, общій всѣмъ физическимъ мірамъ. А внѣ движенія, внѣ устремленія — полное отсутствіе жизни. Неподвижная матерія — это лишь разсудочное, не существующее въ жизни измышленіе.

Законы движенія, неустойчивости, тяготѣнія суть единственные законы, управляющіе жизнью звуковой-временной матеріи; всѣ остальные условія музыкальнаго воплощенія — лишь формы человѣческаго воспріятія. Законъ тяготѣнія неизмѣненъ до тѣхъ поръ, пока существуетъ сама возможность воплощенія въ мірѣ времени и высоты звуковъ. Всѣ остальные условія — лишь условія

современнаго воспріятія, зависящія отъ большаго, или меньшаго развитія силъ сознанія, отъ историческихъ условій ихъ развитія.

Условія человѣческаго воспріятія вводятъ въ неустойчивый, непрерывно движущійся обликъ звуковой-временной матеріи основы границъ, предѣловъ. Человѣческое сознаніе, воспринимая нѣчто непрерывное, сливаетъ непрерывную черту линіи въ отдѣльные, отграниченныя отъ непрерывности, замкнутые моменты. Каждый изъ этихъ моментовъ замыкаетъ въ себѣ силу устремленія всей линіи. Каждый изъ нихъ по выполненію закона устремленія равнозначащъ всей безпредѣльной линіи устремленія. Это — формы конечнаго, прерывнаго сознательнаго воспріятія для того, что само въ себѣ непрерывно. Непрерывное движеніе сознаніе воспринимаетъ въ образѣ отдѣльныхъ мгновеній движенія, въ видѣ: тяготѣнія отдѣльнаго, опредѣленнаго момента звучанія; безконечно разнообразныя и безконечно мѣняющіеся облики матеріи, создаваемые ея непрерывнымъ движеніемъ, — въ образѣ конечныхъ, замкнутыхъ, отграниченныхъ отъ безконечнаго пространства формы.

Замыкая въ границы формы, въ отдѣльныя отграниченныя мгновенія жизни непрерывное теченіе жизни, какъ бы опредѣляя движеніе предѣлами движенія, сознаніе тѣмъ самымъ создаетъ возможность покоя, возможность постигать неустойчивость въ предѣлахъ относительной устойчивости, возможность почвы, опоры для выполненія тяготѣнія въ предѣлахъ данной, замкнутой формы.

Законченность, замкнутость неизбежно ставитъ условіе о соотношеніи противоположныхъ сторонъ замкнутой формы, — о симметріи. Такимъ образомъ законы симметріи неизбежно являются основными законами въ строеніи звуковой-временной формы.

Условія конечности формъ и симметріи, создаваемой строеніемъ формы, выполняются и во внѣшнемъ обликѣ звуковой матеріи. Само пространство, въ которомъ совершается временное движеніе матеріи, пространство звуковой высоты, по закону тѣхъ же условій конечности воспріятія, воспринимается сознаніемъ въ видѣ круговой, спиральной линіи (октавныхъ возвращеній), въ которой каждый поворотъ (октава), хотя и уводитъ на новую высоту, но въ то же время какъ бы замыкаетъ линію, замыкаетъ разнообразіе ея движенія, предоставляя дальнѣйшему пути лишь повторять то же движеніе, тѣ же повороты на новыхъ высотахъ. — Такимъ образомъ, пространство звуковой высоты создаетъ два направленія для движенія, — по высотѣ и по окружности; звуки, далеко отстоящіе другъ отъ друга по высотѣ, могутъ быть близки по окружности, и движеніе, удаляющее по высотѣ, можетъ приближать по окружности. Направленіе линій формы по высотѣ и отвлеченное соотношеніе ихъ

по высотѣ,—абсолютно высокое или абсолютно низкое расположеніе рисунка, абсолютно широкія или абсолютно малыя линіи, образующія его,—все это чисто внѣшній, техническій пріемъ рисунка; направленіе по высотѣ и отвлеченное отъ формы различіе по высотѣ было вѣдомо и схоластической эпохѣ. Сама же форма рисунка, характеръ его отдѣльныхъ очертаній, характеръ ихъ сліянія въ общій контуръ,—все это создается направленіемъ по окружности, соотношеніемъ точекъ спиральнаго, октавнаго, поворота. Круговой спиральный поворотъ, круговое возвращеніе октавы, заключаетъ въ своей частичной формѣ всѣ возможности движенія въ пространствѣ звуковой высоты, ибо эта спиральная линія,—непрерывно идущая и въ то же время замыкающая каждый свой поворотъ,—есть сама форма конечнаго воспріятія движенія, замкнувшая въ себѣ все непрерывное движеніе.

Заключивъ въ себѣ всѣ возможности звуковыхъ формъ, спиральная, октавная линія должна была заключить въ себѣ и всѣ возможности звуковой симметріи, всѣ соотношенія границъ звуковой формы. —Симметрія въ пространствѣ звуковой высоты нашла выраженіе въ соотношеніи противоположныхъ, діаметральныхъ точекъ спиральнаго поворота, въ соотношеніи звуковъ полуоктавы.

Тяготѣніе, неустойчивость звуковой матеріи, въ доступной человѣческому воспріятію замкнутой симметричной формѣ, выражается въ видѣ симметричнаго, обратнаго тяготѣнія двухъ противоположныхъ точекъ спиральнаго поворота, противоположныхъ звуковъ въ кругѣ октавы. Такимъ образомъ, возможно схематическое изображеніе формы звукового тяготѣнія въ видѣ отношенія двухъ, отстоящихъ другъ отъ друга на половину спиральнаго поворота, на половину октавы, звучащихъ точекъ, стремящихся къ сближенію по окружности (по направленію окружности это стремленіе есть всегда сближеніе, стремленіе уйти отъ этого самаго далекаго, діаметральнаго, отношенія, но по направленію высоты это же движеніе можетъ быть и сближеніемъ, и удаленіемъ,—въ зависимости отъ того, какая изъ противоположныхъ точекъ является нижней и какая верхней, и стремится ли нижній звукъ внизъ, а верхній вверхъ или наоборотъ).—Такая симметричная схема тяготѣнія является органической клѣткой всего физическаго звукового-временнаго міра, запечатлѣвшей въ себѣ его законъ тяготѣнія.

Это же симметричное тяготѣніе противоположныхъ точекъ спирали, сосредоточившее въ своей замкнутой формѣ непрерывное стремленіе всѣхъ атомовъ звуковой-временной матеріи, заключило въ себѣ и возможность относительной устойчивости, покоя, опоры для тяготѣнія. Выраженіе этой возможности—въ отсутствіи противоположной точки. —Какъ будто предѣломъ непрерывнаго движенія,

какъ будто вѣрной, твердой почвой для стремленія неустойчивыхъ линій являются точки, не имѣющія себѣ діаметральной, противоположной точки въ данной, ограниченной отъ общаго движенія формѣ. Но одинъ лишь новый моментъ звучанія, взводящій эту точку,—и разрушается замкнутость формы, разрушается и ея, казавшаяся нерушимой, опора, и увлекается къ новому стремленію.—Такимъ образомъ, въ симметричной схемѣ тяготѣнія заключена и возможность опоры и возможность ея же разрушенія.

Зная строеніе симметричной схемы тяготѣнія, и возможность относительнаго выполненія этого тяготѣнія, наука знаетъ и два вида моментовъ звучанія,—моментъ неустойчивости, стремленія, то, что обуславливаетъ движеніе линіи,—и моментъ относительнаго покоя, устойчивости, то, что обуславливаетъ направленіе линіи.

Въ безконечномъ многообразіи формъ звукового пространства возможно великое многообразіе соотношеній для этихъ моментовъ, момента тяготѣнія и момента, выполняющаго тяготѣніе.—Неустойчивый моментъ ищетъ всегда въ ближайшей точкѣ выполненія для своего тяготѣнія; но, если онъ не встрѣтитъ покоя, устойчивости въ этой ближайшей точкѣ, тогда линія неустойчивости удлинняется, стремится дальше до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ, наконецъ, общую опору устойчивости для всѣхъ встрѣченныхъ ею и слившихся съ нею въ одну неустойчивую линію моментовъ неустойчивости. Непосредственное выполненіе тяготѣнія, такое выполненіе, когда неустойчивый звукъ въ ближайшей же точкѣ встрѣчаетъ опору своему тяготѣнію, тяготѣніе одной неустойчивой симметріи, есть наиболѣе простое, явное выраженіе закона тяготѣнія. Длительная же неустойчивость, совмѣстное выполненіе тяготѣнія для нѣсколькихъ неустойчивыхъ симметрій, усложняетъ своей длительностью яркость непосредственнаго тяготѣнія.

Точныя математическія измѣренія всѣхъ соотношеній неустойчивой линіи съ моментомъ устойчивости, можетъ быть, и могли бы быть найдены, если бы музыкальная математика вступила на путь изслѣдованія живой, движущейся, неустойчивой матеріи, живого образа того, что умерщвленное, недвижимое застыло въ неживыхъ подобіяхъ схоластическаго міропредставленія. Современной же наукѣ и современному музыкальному воплощенію, замкнутымъ въ еще не разрушенныхъ стѣнахъ современнаго словаря музыкальной рѣчи, внѣ-ладовой звуковой системы, внѣ-ладового строя инструментовъ, доступенъ лишь неточный, приближенный способъ для выраженія этихъ соотношеній.

Пуантилистическіе приемы звукового рисунка, движеніе отдѣльными точками, отдѣльными звуками опредѣленной высоты и длительности, отсутствіе связнаго звукового движенія—все это даетъ

возможность лишь вуантилистически передавать всё линіи звуковой формы. Ограниченное же количество звуковъ звуковой системы, 12-ти-звучіе темперованнаго вѣн-ладового строя, даётъ лишь опредѣленное, ограниченное число неустойчивыхъ соотношеній. Непосредственное выполненіе тяготѣнія выражается тяготѣніемъ одного неустойчиваго отношенія къ звукамъ, отстоящимъ отъ неустоевъ на темперованный полутонъ, — самое близкое отношеніе въ темперованномъ строѣ. Линія длительной неустойчивости создается сочетаніемъ двухъ (или больше) веустойчивыхъ отношеній, отстоящихъ другъ отъ друга на темперованный полутонъ; въ нихъ неустойчивый звукъ, стремясь къ устойчивости, встрѣчаетъ въ полутоновомъ отношеніи снова неустойчивый звукъ и вмѣстѣ съ нимъ стремится еще на полутонъ дальше, къ общему устою. — Таковы современные вуантилистическія и темперованныя формы органическихъ клѣтокъ звукового организма, темперованныя схемы симметричнаго тяготѣнія.

Строеніе всѣхъ живыхъ организмовъ музыкальнаго воплощенія, всѣхъ ладовъ, и простѣйшихъ, и самыхъ сложныхъ, есть развитіе первичной клѣтки, симметричнаго тяготѣнія.

Создавая единое цѣлое, единый организмъ своимъ сляніемъ, каждая симметричная схема тяготѣнія, каждая клѣтка организма не теритъ своей самостоятельной органической жизни, хотя въ то же время живетъ и общей жизнью цѣлаго, лада. Симметричныя схемы изъ единичнаго неустойчиваго отношенія являются наиболѣе непосредственно выражающими законъ тяготѣнія частями лада. Симметричныя схемы изъ двойного (или болѣе) неустойчиваго отношенія являются выразителями усложненнаго, длительного тяготѣнія. Въ наукѣ сохранились прежнія, схоластическія, обозначенія для различія этихъ единичныхъ и двойныхъ тяготѣній: названіе доминанты для единичнаго и субдоминанты для двойного тяготѣнія; но, разумѣется, эти названія были отданы тѣмъ частямъ лада, которыя дѣйствительно являются выразителями этихъ понятій. Особенно яркимъ является тяготѣніе къ одиночнымъ устоямъ, опора которыхъ лишь въ одной клѣткѣ, въ одной схемѣ, а не на границѣ слянія двухъ клѣтокъ, устоямъ, которымъ особенно сильно приходится утверждать ради этого свою устойчивость. Это яркое тяготѣніе сохранило также прежнее названіе—тяготѣнія вводныхъ тоновъ, разумѣется, также лишивъ этого названія тѣхъ неустоевъ лада, которымъ оно не могло принадлежать.

Теперь понятно, почему формулы только двухъ ладовъ изъ всего великаго разнообразія ладовъ были вѣдомы теоріи схоластической эпохи, вѣрная формула натурального мажора и неточныя догадки о формулѣ минора, тогда какъ свободныя формы народныхъ напѣвовъ

всѣхъ апохъ никогда не знали этихъ предѣловъ. Это—единственные два устойчивыхъ лада, въ которыхъ нѣтъ характерныхъ особенностей строенія. Въ нихъ нѣтъ ни характерной яркости исключительно единичныхъ, доминантовыхъ тяготѣній, соединенной съ мягкостью, созданной отсутствіемъ вводныхъ тоновъ, какъ въ увеличенномъ ладѣ, нѣтъ той же характерной яркости единичныхъ тяготѣній, соединенной съ яркостью тяготѣнія исключительно вводныхъ тоновъ, каковая есть въ обычномъ переменномъ, мажоро-минорномъ ладѣ. Это наименѣе характерные лады, соединившіе въ себѣ и разнообразіе тяготѣній и разнообразіе строенія симметричныхъ схемъ.

Современная же наука, зная всѣ возможности сліянія клѣтокъ въ цѣломъ организма, можетъ постичь все великое, безконечное разнообразіе въ строеніи живыхъ организмовъ музыки, все великое многообразіе возможныхъ ладовъ. Знаніе условій органическаго развитія даетъ возможность не только постигать всѣ существовавшіе въ исторіи воплощенія лады, но и предугадывать возможные, еще не явленныя формы ладовъ, предугадывать возможность безпредѣльнаго движенія въ области развитія лада.

Намъ вѣдомы формы ладовъ, въ которыхъ клѣтки организма, симметричныя схемы, своимъ сліяніемъ укрѣпляютъ одна для другой силу устойчивости, и сочетаніе ихъ устоевъ создаетъ общую, сильную своей общностью основу устойчивости (таковы полный и неполные виды мажора и минора и увеличенный ладъ); но мы знаемъ и другія формы, въ которыхъ, наоборотъ, устой одной клѣтки, одной симметричной схемы, колеблется устойчивость другихъ схемъ, создавая переменныя лады, или даже—нарушаютъ ихъ устойчивость неустойчивымъ отношеніемъ съ ними, создавая сложные, неустойчивые лады. Прошлое науки о музыкѣ могло знать лишь строенія на твердой почвѣ, косной землѣ, на полной ладовой устойчивости,—новые пути науки знаютъ и движеніе на переменчивомъ, колеблющемся морѣ и вѣрятъ опорѣ самого движенія, строятъ неустойчивые летательные аппараты.

И путь воплощенія лежитъ въ направленіи, все болѣе и болѣе расширяющемъ предѣлы косной опоры, предѣлы полной устойчивости, къ безконечному разнообразію неустойчивыхъ, только движущихся и не ищущихъ опоры ладовъ.

Ладъ, схематически выражая собою условія движенія, заключаетъ въ себѣ и схематическое изображеніе формъ, создаваемыхъ движеніемъ. Только научное знаніе оладѣ дало возможность научнаго знанія о формахъ движенія, о наименьшихъ единицахъ звукового-временного рисунка, о ихъ сочетаніи, о ихъ сліяніи въ цѣлое рисунка.

Каждое временное движеніе въ ладѣ создаетъ очертаніе ри-

сунка. Каждый моментъ переменны, ухода къ новому ладовому моменту создаетъ новое направленіе линіи. Одни очертанія движеній—ярче, другія—менѣе замѣтны. Иныя сливаются въ одну общую форму очертанія, другія—видятся, какъ самостоятельныя, не сливающіяся съ другими движенія линіи, какъ самостоятельныя части цѣлаго. Но основа строенія всѣхъ формъ та же,—мгновеніе перехода, измѣны, движенія къ новому.

Условія конечности для формъ сознанія заключаютъ непрерывное движеніе, безостановочно движущіяся переменны временного рисунка въ отдѣльные, замкнутые контуры.

Сознаніе, воспринимая замкнутыя формы движенія, различаетъ очертанія ихъ границъ, момента начала и момента конца формы, но еще ярче ощущаетъ мгновеніе самой вершины ихъ пути, ядро ихъ живого существа. Сочетаніе многихъ одновременныхъ движеній, одновременно идущихъ линій рисунка, создаетъ одновременное разнообразіе въ очертаніяхъ границъ, начала и конца каждой линіи,—но сливаетъ ихъ въ одинъ контуръ общимъ моментомъ ядра, общей вершиной движенія. Каждый отдѣльный замкнутый контуръ воспринимается отдѣльнымъ мгновеніемъ сознанія,—моментъ ядра, вершина движенія, объединяетъ въ одно недѣлимое цѣлое его длительную временную форму. Меньшіе контуры, сливаясь въ движеніи рисунка, только тогда могутъ создать одно большее очертаніе, объединиться въ одинъ общій контуръ, если ихъ сліяніе найдетъ одно общее ядро, одну общую вершину движенія. Это общее ядро, общая вершина объединитъ идущія одно за другимъ отдѣльныя мгновенія воспринимающаго сознанія въ одно большее, сливающее ихъ въ себя, мгновеніе сознанія.

Цѣлое всего временного рисунка тождественно цѣльности единого мгновенія мысли, мгновенія, замкнувшаго собою всѣ многообразныя пути, приведшіе къ нему. Такимъ тождествомъ можетъ быть лишь сліяніе всѣхъ, и малыхъ, и большихъ контуровъ рисунка въ одинъ цѣльный, запечатлѣваемый въ одномъ мгновенія воспріятія общій контуръ. Условія цѣльности заключены въ общей зависимости всѣхъ частей рисунка, вплоть до-наименьшихъ, чуть различимыхъ движеній линіи. Каждая наименьшая часть стоитъ на пути цѣлаго и требуетъ своего самостоятельнаго значенія въ цѣломъ, и только на этомъ условіи утверждается жизнь въ каждой части цѣлаго.

Существующіе знаки нотнаго письма даютъ возможность обозначить очертанія границъ (лиги) и моментъ ядра (тактовая черта) для опредѣленныхъ единицъ формы. Но, обозначая лишь эти опредѣленныя единицы, современное нотописаніе лишено возможности обозначить формы составныхъ частей этихъ единицъ и формы большихъ контуровъ, тѣхъ очертаній, которыя создаются изъ слія-

нія единицъ, лишено возможности обозначить общее строеніе формы, многообразіе ея строенія и цѣльность въ слияніи частей. Современный стиль создаетъ великое разнообразіе одновременно идущихъ линій рисунка. Сознаніе должно одновременно воспринимать и мелкіе контуры фона, сливающіеся въ общую окраску фона, и отдѣльные яркіе контуры основныхъ линій, и промежуточные между ними по яркости движенія линіи,—контрапункты основныхъ мелодій, или выдѣленные моменты сопровожденія. Отсутствие знаковъ письма для передачи этихъ формъ заставляеть съ сожалѣніемъ вполнять даже о такомъ несовершенномъ нотописаніи, какъ нотописаніе невмами, или крюками, когда каждая невма, *невма*, ясно выражала форму длительности одного дыханія, одного мгновенія сознанія, если и не точно для пуантилистическихъ подробностей исполненія, то зато такъ точно для изображенія цѣльности формы.

Всѣ формы, всѣ контуры рисунка суть выполненія ладовыхъ стремленій, всѣ они явлены жизненной силой, заключенной въ ладъ, всѣ линіи созданы стремленіемъ неустойчивой звуковой матеріи. Достиженіе неустойчивой линіей точки относительнаго покоя, какъ будто кладетъ предѣлъ движенію, — но абсолютнаго покоя нѣтъ въ звуковомъ мірѣ, каждый относительно устойчивый моментъ заключаетъ въ себѣ возможность соединенія съ противорѣчающимъ его устойчивости моментомъ, съ новымъ діаметральнымъ отношеніемъ, и эта возможность увлекаетъ линію отъ покоя къ новому движенію. Отдѣльные замкнутые контуры, отдѣльныя фигуры звукового рисунка, полныя выраженія даннаго ладового стремленія, какъ будто полно утверждаютъ свою относительную, формальную устойчивость;—но сочетаніе двухъ или больше фигуръ одного рисунка, нѣсколько различныхъ выполненій ладовой устойчивости, соотношеніемъ своихъ устойчивыхъ моментовъ могутъ создать новую неустойчивость, новое стремленіе, отыскиваніе новой общей, примиряющей опоры (такъ именно выражается сопоставленіе ладовъ, или различныхъ тональностей одного лада).

Стремленіе всѣхъ линій обусловлено ихъ тяготѣніемъ, каждое движеніе есть какъ будто отыскиваніе опоры, покоя,—но вѣдь жизнь ихъ не въ покой, ихъ жизнь въ самомъ движеніи, въ самомъ стремленіи!—Существуютъ и косныя, равновѣсныя существа въ мірѣ музыкальнаго воплощенія, вѣрющія своей почвѣ, утверждающія ея устойчивость,—но есть и такія, въ которыхъ стремленія, создающія форму, заключаютъ ее въ границы снова стремленія, внѣ косной опоры, внѣ равновѣсія, внѣ неподвижныхъ стѣнъ.

Такія формы, сама граница которыхъ есть условіе движенія, открываютъ будущему музыкальнаго воплощенія безпредѣльный путь, непостижимый еще до конца современному зрѣнію.

Историкамъ ясно видимы лишь прошлые пути, а то, что увидать „отдаленнѣйшіе потомки“ наши, хотя и въ яркомъ свѣтѣ стоитъ передъ нами, но, въ самой цѣльности этого свѣта, нельзя еще ясно различить формъ будущаго пути. Какая свобода можетъ быть достигнута для движеній въ міръ звучащаго времени, какія новыя и невѣдомыя формы будутъ созданы этими движеніями,—все это наука можетъ лишь предугадывать, лишь математически точно опредѣлять будущее положеніе въ міровомъ пространствѣ для этихъ, еще не видѣнныхъ, не воплощенныхъ существъ міра.

То, что знаетъ вся исторія музыкальнаго воплощенія, есть лишь нѣсколько приѣмовъ и еще столь несовершенныхъ, приѣмовъ звукового рисунка. Мозаичный, только точкообразный способъ письма можетъ найти замѣну въ непрерывномъ звуковомъ движеніи, которому доступны будутъ и точки и линіи.—И создателю музыки будущаго не придется замыкать движеніе своей музыкальной мысли въ приближенія отдѣльных точекъ.—Приближенный въ-ладовой строй несомнѣнно уже долженъ будетъ замѣниться ладовымъ, построеннымъ на основаніи науки о живомъ музыкальномъ воплощеніи. Рамки, ограничивающія словарь существующаго строя, должны будутъ дать свободу всѣмъ доступнымъ сознанію тонкостямъ ладового строенія. Самому воспринимающему звуковую-временную форму сознанію станутъ доступны недоступныя еще современному сознанію сложныя и тонкія формы.

Но направленіе и цѣль пути одинаковы для всѣхъ эпохъ, и для прошлаго и для будущаго. Это—неизмѣнное стремленіе лишь къ полной свободѣ, лишь къ полному тождеству воплощенія съ движеніемъ мысли. Это—цѣль стремленія для каждаго мгновенія пути, въ которой ни одно изъ этихъ мгновеній не было бы мгновеніемъ жизни. Каждое будущее мгновеніе своимъ явленіемъ разрушить значеніе даннаго мгновенія, но оно въ самомъ уже своемъ стремленіи сливается съ полной истиной.

Наука о музыкѣ должна открывать путь стремленіямъ воплощенія, арѣніе сознанія въ движеніи современныхъ ему формъ должно угадывать возможности движенія для будущаго.

Переступивъ періодъ схоластическихъ путей, наука должна слиться съ путемъ воплощенія, одно общее арѣніе должно освѣщать своимъ свѣтомъ путь воплощенія и путь познанія.

Н. Бресса.

НИВА

еженедельный иллюстрированный журнал.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТ:

1910 г.

52

№№ журнала: романы, повести, рассказы, картины, рисунки, иллюстрации соврем. событий.

52

КНИГИ, отпечатанные убоистым четким шрифтом и содержащая:

12

КНИГЪ ЕЖЕМЕСЯЧНАГО ЖУРНАЛА „ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНИЯ“.

порция

18

КНИГЪ

ПОЛНАГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ
А. В. ПИСЕМСКАГО.

4

КНИ-
ГАХЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ въ
ВСЕВ. М. ГАРШИНА.

18

КНИ-
ГАХЪ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ въ
КНУТА ГАМСУНА.

12

№№ „ЕЖЕМЕСЯЧНЫХЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“.

12

ЛИСТОВЪ выросты и рисунки для рукодельныхъ работъ.

1 СТЕННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1910 г., отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всеми приложениями на годъ: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—6 р. 50 к., съ доставкой—7 р. 50 к., съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи—8 р. За границу—12 р.

Разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается бесплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПИОНЪ“.

МОСКВА, ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩ., Д. МЕТРОПОЛЬ, КВ. 23.

НОВАЯ КНИГА.

М. Кузминъ. Первая книга рассказовъ. (Приключенія Эме Лебефа. — Письма Клары Вальмонъ. — Флоръ и разбойникъ. — Тѣнь Филлиды. — Рѣшеніе Анны Мейеръ. — Кушетка тети Сонн. — Крылья.)
Цѣна 1 р. 50 к. (для подписч. „Вѣсовъ“ цѣна 1 р. 28 к. съ пер.).

Выйдетъ въ концѣ декабря 1909 г.